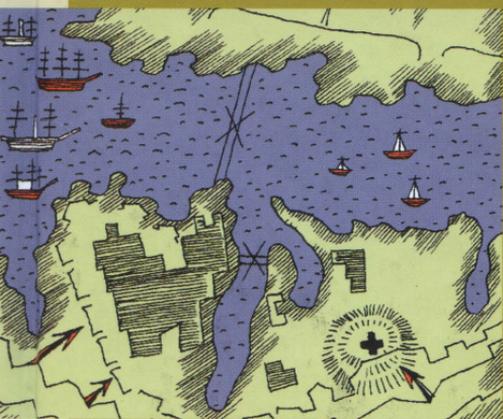

история/география/этнография

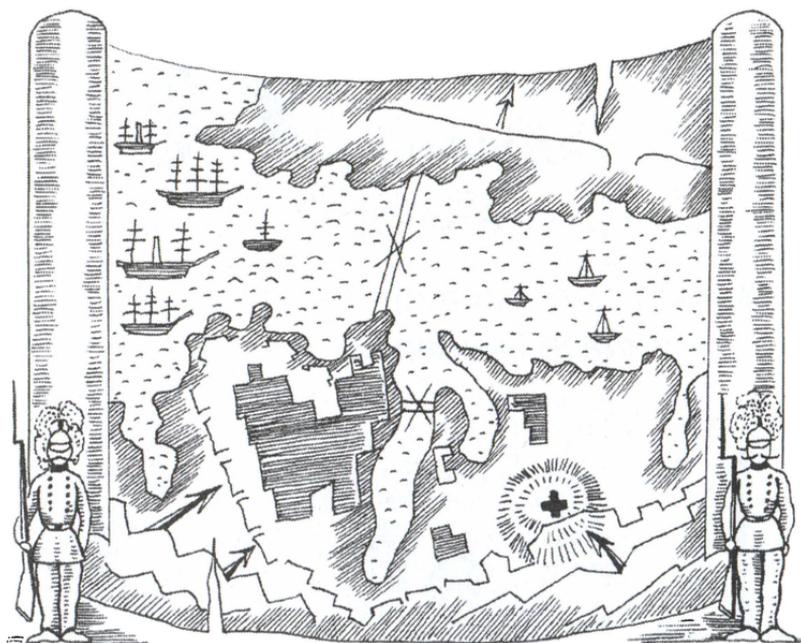

Алексис Трубецкой

Крымская война

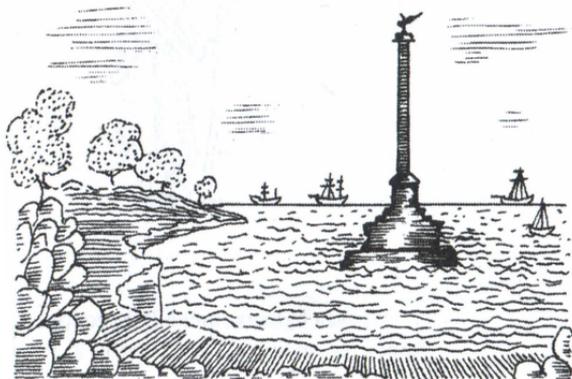
Ломоносовъ
издательство

Алексис Трубецкой

Крымская война

Перевод с английского
Валерия Генкина

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 94
ББК 63.3
Т77

*John By
Vitellius & Kati*

Alexis Troubetzkoy
THE CRIMEAN WAR

Иллюстрации И. Тибиловой

Первая публикация в Великобритании —
Robinson, an imprint of Constable & Robinson Ltd.
Публикуется по соглашению с издательством
CONSTABLE & ROBINSON LTD. (Великобритания)
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

ISBN 978-5-91678-076-5

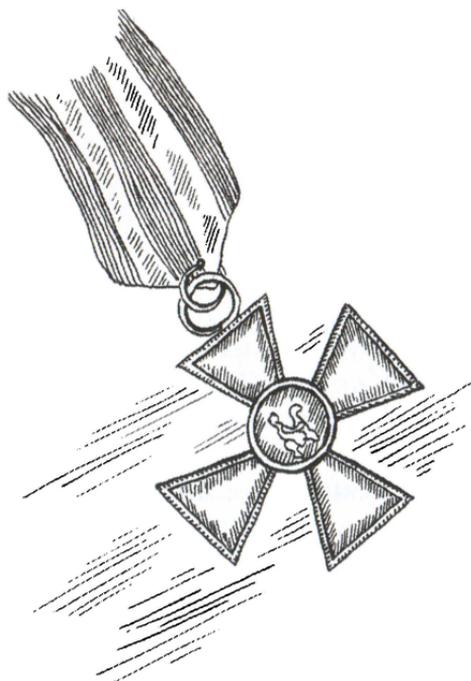
Copyright © Alexis Troubetzkoy
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

Миротворцам — знаменитым и неизвестным

Что было, то и будет; и что делалось,
то и будет делаться, и нет ничего нового
под солнцем.

Екклесиаст, 1:9

Предисловие

Полтора века назад разразилась Крымская война, унесшая более полумиллиона человеческих жизней. Солдаты противоборствующих сторон гибли в боях на суше и на море, умирали в лазаретах. Эти ужасающие потери соразмерны с количеством погибших американских солдат на фронтах обеих мировых войн. То была странная война, или, говоря словами Херберта Фишера*, «схватка, в которую стороны ввязались без всяких к тому оснований и вели ее бездарно, не предвидя трагических последствий, а потому она заслужила нелестное право числиться скорее средневековой, нежели современной войной». Это суждение историка стоит того, чтобы над ним сегодня задуматься.

* Фишер, Херберт Олберт Лоренс (1865–1940) — английский историк.

Теннисон писал:

Да, солдат понимал
Это чей-то просчет, —

и тут же спешил прибавить:

Но не дело его — размышлять,
А на пушки идти умирать*.

Почему же началась эта война? Да и вообще, что побуждает людей к войнам? Почему сражения, военные операции, насильственные действия пронизывают всю историю человечества, выделяются на ее ковре самыми яркими нитями и пятнами?

Ответ заключается в том, что стремление к войне заложено в природе человека и диктует ему, как поступать. В чем тут причина? Объяснений этому множество. Этнолог вам скажет, что подобное свойство связано с «территориальным императивом» животного мира — элементарным стремлением защитить свое местообитание от постороннего вторжения. Человек, объяснит вам этот ученый, несет в себе инстинкт «неуживчивости», приводимый в действие теми же первобытными инстинктами, которые заставляют некоторых животных бодаться, а других — метить свою территорию. Агрессивностью он демонстрирует право собственности.

Социолог найдет объяснение в том, что человек — это не только индивидуум, но и неотъемлемая часть общества (клана, государства, нации) и в таком качестве действует и реагирует по-разному в различных социальных обстоятельствах. Семена войны порождаются общественными структурами. Речь идет не только о внутригосударственных образованиях, но и о международных организациях. В современном мире примерами могут служить конфликтные ситуации с чеченцами в России и тамилами в Шри-

* Строки знаменитого стихотворения Альфреда Теннисона (1809–1892) «Атака легкой кавалерии», описывающего трагический для англичан эпизод Крымской войны.

Ланке, а также неудачи ООН в терзаемых внутренними распрями африканских странах.

Психолог будет утверждать (и не без оснований), что дело тут в психологической неадекватности национальных лидеров и — добавит он — в искаженном восприятии ими других стран и их руководителей. Для демонстрации первой причины можно назвать таких милых персонажей, как Гитлер, Пол Пот и — ближе к современности — Саддам Хусейн. Во втором случае (искаженного восприятия) уместно упомянуть Георга III и американских колонистов* или Наполеона после бегства с острова Эльба.

Так или иначе, но война остается неизменной составляющей истории. Приводящие к войнам причины всегда коренятся либо в конфликтах, связанных с обладанием ресурсами, либо в столкновении идеологий, либо в стремлении к власти, и насильственные действия становятся последним средством для достижения цели, когда интересы сторон противоположны, а притязания велики.

Однако какие факторы приводят непосредственно к взрыву, служат, как говорится, спусковым механизмом? Таким может стать возникшее ощущение слабости своего соседа, или острое чувство несправедливости, или необузданное желание отдельного человека, или некая коллективная позиция, принятая под воздействием высоких нравственных установок. Как показывает история недавнего времени, к превентивному удару могут привести и соображения безопасности. Вот короткое высказывание выдающегося военного теоретика, историка и философа прусского генерала Карла фон Клаузевица (1780–1831): «Война — это насильственное действие, направленное на подчинение противника своей воле». И это действие может порождаться страхом или ненавистью, честолюбием или алчностью, уязвленной гордостью или простым

* Георг III (1738–1820) — английский король с 1760 г. Проводил жесткую колониальную политику, которая привела к Войне за независимость североамериканских колоний. Страдал психическим заболеванием, по причине которого в 1811 году в Англии было введено регентство принца Уэльского.

недоразумением, наконец — чувством долга, когда сильный должен протянуть руку помощи слабому. Таким «спусковым механизмом» может стать и фанатичная убежденность в необходимости вести войну «во имя Всемогущего Бога».

Так что в причинах для войн никогда не было недостатка.

В то же время причины Крымской войны, самой странной и ненужной в мировой истории, столь запутаны и переплетены, что не допускают простого определения. Не исключено, что как раз для этого случая судьба может свести вместе этнолога, социолога и психолога. Разумеется, здесь наличествуют и все прочие компоненты: эксплуатация ресурсов, противоположность интересов, необузданные желания, уязвленная гордость, общественные установки и — прежде всего — стремление к власти. « [Крымская] война и ее причины, — пишет социалист Фридрих Энгельс, — это колоссальная комедия ошибок, в ходе которой в каждый момент задается вопрос: “Кого надувают на этот раз?” ».

Когда речь идет о Крымской войне, редко принимают во внимание, что велась она не только на удаленном полуострове в Черном море. Бои шли также на Дунае, вдоль персидской границы и на Кавказе. Крупные морские сражения велись на Балтийском море, и даже в Арктике, в нескольких милях от Норвегии, противники обменивались выстрелами. Войска были готовы к боевым действиям на Тихом океане, в Британской Колумбии, в Гонконге, Калькутте и в Австралии, а британский флот совершил нападение на Петропавловск-Камчатский. В каком-то смысле это была война глобального масштаба.

О Крымской войне написано немало — особенно о ее сражениях и ее героях. В этой книге я не стремлюсь обозреть уже известные факты. Мой труд преследует двоякую цель: во-первых, проследить многочисленные причины, события и результаты этой войны и, во-вторых, набросать — пусть нечеткую — картину эпохи, которая сделала ее возможной. В прошлом, занимаясь преподаванием истории, я стремился запечатлеть в сознании сту-

дентов, что важнейшие аспекты исторических событий связаны в первую очередь не с тем, когда они происходят или кто в них участвует, а также не с подробностями того, что именно происходило. Сущность истории заключена в понимании причин событий и тех результатов, к которым они приводили.

История преподносит нам уроки — но насколько успешно мы их усваиваем? Обозревая скорбный перечень войн двадцатого и двадцать первого веков, крупных и мелких, всякий раз хочется задать вопрос: почему ни одна из этих войн не была предотвращена? Как не вспомнить тут предупреждение Екклесиаста: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем»*.

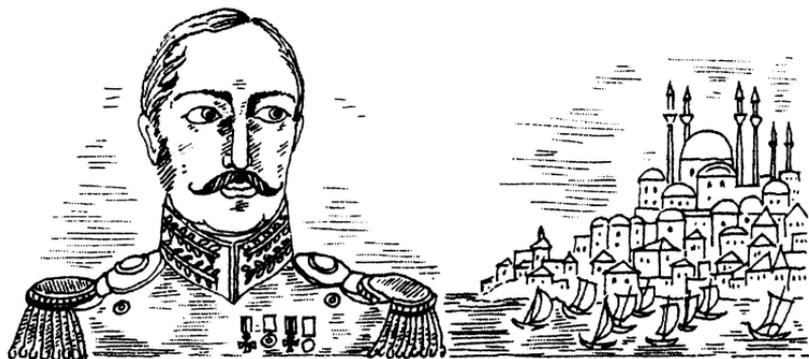
* Еккл. 1:9.

Наступление союзников на Севастополь

Глава 1 1844 год и проливы

В субботу первого июня тысяча восемьсот сорок четвертого года без десяти минут десять тишину влажного летнего вечера, окутавшего Вулидж, восточный район британской столицы, разорвали приветственные пушечные залпы. Салютом из двадцати одного орудия Лондон встречал три парохода, бросившие якоря в Темзе. От причалов к гостям тут же устремилось множество катеров и лодок. На мачте «Циклопа» развевался императорский штандарт с черным двуглавым орлом на оранжевом поле — свидетельство того, что на борту находится государь всея Руси его императорское величество Николай I. По приглашению своей царственной родственницы ее величества Виктории, королевы Соединенного Королевства и Ирландии, российский император прибыл в Англию с государственным визитом.

На катере, возглавлявшем флотилию легких судов, которые спешили к стоявшим на якоре кораблям, находились британский посол в Санкт-Петербурге лорд Блумфилд и русский посол при Сент-Джеймском дворе барон Бруннов. За ними следовали лодки с прочими официальными лицами. Император тепло приветствовал Блумфилда и Бруннова, после чего отправился на берег в сопровождении свиты, в которую входили князья Васильчиков и Радзивилл, граф Орлов и генерал д'Адлерберг. К полу-

ночи император и прибывшие с ним персоны со всеми удобствами расположились в Эшбернем-Хаусе, особняке русского посольства на Дувр-стрит, после чего его величество отошел ко сну.

На следующее утро, в девять тридцать, принц Альберт нанес визит царю. Николай встретил принца-консорта на лестнице и заключил его в дружеские объятия. Через полтора часа принц убыл, дабы император мог посетить литургию в русской православной часовне на Уэлбек-стрит. В половине второго принц Альберт вернулся в Эшбернем-Хаус с двумя экипажами и сопровождал императора и его свиту в Букингемский дворец.

Приглашение посетить Британию было направлено Николаю в начале марта. Получив согласие императора, британский двор начал готовиться к приему его величества. Однако русский царь неделю за неделей откладывал свой отъезд из Санкт-Петербурга: у Александры, младшей дочери императора (в семье ее называли Адиной), которая была на четвертом месяце беременности, открылось неизвестное заболевание, напоминавшее разновидность туберкулеза. К середине мая в состоянии молодой великой княгини наметилось заметное улучшение, и тревога ее августейшего отца уменьшилась.

В то же время мировые события вдали от Санкт-Петербурга разворачивались неожиданным образом. Французский адмирал Дюпети-Туар изгнал с Таити английского миссионера Притчарда и вступил во владение островом. Это привело к тому, что к восемнадцатому мая Англия и Франция находились в состоянии конфликта. В Северной Африке французы отправили экспедиционный корпус в Марокко — этот шаг Англия восприняла как угрозу ее интересам в Тунисе. Однако еще более серьезную проблему представляла публикация некоей любопытной брошюры принца Жуанвиля, сына Луи-Филиппа и вице-адмирала французского военного флота, в которой автор одобряет нападения на прибрежные населенные пункты Англии и их разрушение. В свою очередь британская пресса отражала охватившие британцев антифранцузские настроения.

Давно желавший союза России и Англии, Николай I решил воспользоваться удобным случаем, который представился благодаря ухудшению отношений между Англией и Францией. Важно отметить, что он покинул Санкт-Петербург, не предупредив и не поставив в известность о своих планах многих министров. Когда император уже плыл к месту назначения, в Лондон отправился особый курьер, которому надлежало сообщить королеве о скором прибытии русского царя. У Виктории оставалось лишь около суток, чтобы подготовиться к встрече. Время для визита было выбрано неудачно: всего несколькими днями ранее в Англию приехал король Саксонии, расположившийся в Букингемском дворце. К тому же сама молодая королева была на седьмом месяце беременности.

Императорский кортеж прибыл ко дворцу, и королева встретила российского царя в Большом зале. Они обнялись и обменялись поцелуями. Николаю представили короля Саксонии, после чего три монарха отобедали. Ближе к вечеру Николай нанес краткие визиты герцогу и герцогине Кембриджским, герцогу Глостерскому, принцессе Софии (престарелой дочери Георга III) и герцогу Веллингтону, герою Ватерлоо. Затем император вернулся в российское посольство, дабы отдохнуть. Вечером того же дня в Букингемском дворце был дан грандиозный банкет, и Николай смог впервые встретиться лицом к лицу с членами британского правительства — премьер-министром сэром Робертом Пилем, министром иностранных дел лордом Абердином и другими. Встреча была неофициальной, никаких отчетов о состоявшихся в этот вечер дипломатических беседах не составлялось.

Следующее утро было посвящено отдыху. Николай совершил прогулку по Риджентс-парку и лондонским улицам. Заглянув в ювелирный магазин Мортимера и Ханта, император изволил приобрести драгоценности на сумму пять тысяч фунтов. Герцог Девонширский, который в 1826 году присутствовал на коронации Николая в качестве чрезвычайного британского посла, удостоился приглашения на обед в российское посольство. Во второй половине дня император нанес протокольный визит премьер-мини-

стру, а затем в сопровождении барона Бруннова на поезде отправился в Виндзор, куда ранее отбыли королева, принц Альберт и король Саксонии. В Слафе императора и его свиту встретил принц Альберт, все пересели в кареты и вскоре прибыли в Виндзорский замок. Здесь императору предстояло провести четыре дня, и за это время его величество по достоинству оценил красоту и удобство загородной королевской резиденции. «Это место достойно вас», — сказал он Виктории.

Во вторник после полудня принц Альберт пригласил императора и саксонского короля в Эскот на традиционные июньские скачки. Королева осталась в замке. День был ясным, теплым и безветренным — идеальная погода для торжественного открытия скачек. К сожалению, количество зрителей на ипподроме было несколько меньшим, чем в предыдущие годы, однако трибуны отнюдь не пустовали. В час дня с небольшим императорский кортеж, возглавляемый лордом Росслином, который в те годы занимал пост лорда-егермейстера и в этом качестве представлял ее величество на Эскотских скачках, прибыл на место.

В первой карете разместились русский император, король Саксонии и — напротив монархов — принц Альберт. На простом синем сюртуке Николая не было никаких наград и отличий. Саксонский король был также в гражданском платье, но с лентой ордена Подвязки. В других экипажах прибыли герцог Веллингтон, сэр Роберт Пиль, лорд Абердин, а также другие вельможи трех монарших дворов Европы. Все они были встречены приветственными возгласами и аплодисментами.

Стоило в королевской ложе появиться императору и королю Саксонии, приветствия зазвучали громче и достигли апогея, когда к монархам присоединился герцог Веллингтон. Затем начались скачки. В продолжение состязаний царь был вовлечен в оживленную беседу с принцем Альбертом, который давал Николаю пояснения по поводу особенностей этого вида спорта. Когда наступило заключительное — и главное — событие дня, состязание на Кубок королевы, победительницей которого стала молодая кобыла по кличке Элис Готорн, царственные гости спустились

на беговую дорожку, чтобы оценить достоинства лошади. Полиция с трудом смогла удержать толпу поклонников российского императора, которая бурно изъясляла свой восторг по поводу появления августейшей особы в столь непосредственной близости. Заметив на мундире одного из полицейских медаль участника битвы при Ватерлоо, Николай тут же осведомился, в каком полку служил ветеран, на каком участке знаменитого сражения он дрался в 1815 году, а также задал ему другие вопросы, связанные с великой победой англичан под командованием герцога Веллингтона.

Затем, к немалому удивлению окружающих, император оставил свою свиту, вошел в толпу и принялся пожимать руки обрадованных этой возможностью зрителей. Тщетно старались последовать за ним граф Орлов и барон Брунов. Николай, похоже, получал истинное удовольствие от происходящего и, вернувшись наконец к сопровождающим его персонам и разглядев тревогу на их лицах, спросил: «Что это с вами? Здесь никто не желает мне зла». Стоявшие рядом англичане молчали, стараясь не выказывать явно свои опасения: ведь в Англии нашли убежище сотни поляков, покинувших родину после того, как российский император подавил их восстание. Большинство этих несчастных беженцев были фанатичными националистами, и при этих обстоятельствах никто не мог поручиться за безопасность государя.

Тем же вечером в Виндзорском замке, в галерее Ватерлоо, состоялся большой прием. Длинный стол был украшен экзотическими цветами, разбросанными среди предметов драгоценного сервиза. В центре возвышался огромный золотой подсвечник в виде фигуры святого Георгия, поражающего копьём дракона. Бесчисленные золотые канделябры освещали зал. Оркестр шотландских гвардейцев из полка принца Альберта играл популярные в ту эпоху мелодии — вальсы, польки и отрывки из опер Андреаса Ромберга и Винченцо Беллини. Однако танцев не было, поскольку двор находился в состоянии официального траура по отцу принца Альберта герцогу Саксен-Кобург-Готскому.

После торжественного ужина, а также на следующий день русский император вел весьма серьезные переговоры с премьер-министром и членами кабинета. Николай оставил большую дочь и проделал путешествие длиною в две тысячи семьсот пятьдесят километров отнюдь не ради удовольствия побывать на скачках и принять участие в торжественных приемах. Император давно мечтал склонить Британию к соглашению касательно Турции. Его желание добиться одобрения российской политики по отношению к Османской империи было весьма велико.

За пятнадцать лет до описываемых событий император учредил комиссию из семи человек, на которую возложил обязанность выработать рекомендации по государственной политике России в отношении Турции. Со времен Екатерины II Россия мечтала осуществить свою «историческую миссию» — ускорить распад Османской империи и получить наконец контроль над Константинополем и Проливами (Босфором и Дарданеллами), «воротами в собственный дом». Вот что в 1854 году писал о значении Проливов герцог Аргайл:

Пожалуй, на физической карте мира не найдется столь же необычного и важного в политическом отношении места, как проливы Босфор и Дарданеллы с Мраморным морем между ними. Нигде более вы не найдете внутреннего моря шириной более 700 миль (1125 км), которое омывает берега двух континентов и вход в которое настолько узок, что владеющее им государство становится обладателем стратегической позиции, одновременно неуязвимой для обороны и чрезвычайно сильной для нападения. Если Россия добьется суверенитета над этой областью в добавление к тому, чем она уже владеет, Черное море превратится в русское озеро, Дунай станет русской рекой, а некоторые богатейшие территории Восточной Европы и Западной Азии предоставят России неисчерпаемые источники как людских ресурсов, так и денег и кораблей. В этом случае, принимая во внимание также преимущества уникального географического положения, Россия обретет непомерную власть над всей Европой.

Назначенная государем комиссия, которую возглавил граф Виктор Кочубей, состояла из высших государственных чиновников. Входил в нее и канцлер граф Нессельроде. «Нам предстоит решить, — писал он, — является ли сохранение правительства Турции опасным для России или, напротив, принесет пользу... Идея изгнать турок из Европы и восстановить почитание истинного Господа в храме Святой Софии представляется очень привлекательной, и осуществление ее обеспечит нам место в истории. Однако что от всего этого выиграет Россия? Славу — несомненно, но при этом она утратит все реальные преимущества от соседства со страной, ослабленной серией удачных для нас войн, и с неизбежностью вступит в борьбу с главными европейскими державами».

Комиссия заседала в обстановке строгой секретности и после продолжительной дискуссии пришла к единодушному решению: в интересах России как можно дольше сохранять неразделенную, но слабую Турцию. В случае расчленения Оттоманской империи, по мнению комиссии, Австрия, Британия и Франция заявят о своих претензиях на часть турецкой территории. В результате у России появятся три сильных соседа вместо одного слабого. Более того, аннексия Константинополя может привести к ослаблению связей между южными провинциями России и Санкт-Петербургом. Украина, Грузия и Бессарабия смогут усмотреть в Константинополе некий новый политический центр, и при таком развитии событий сама Российская империя окажется под угрозой распада. Поэтому, заключила комиссия, России следует стремиться к сохранению существующего положения Турции.

Далее комиссия Кочубея выступила с рекомендацией, согласно которой Россия не должна стремиться к восстановлению единой Турции, буде эта империя распадется вследствие ее внутренней слабости. Напротив, в этом случае России следует незамедлительно вступить в переговоры с другими европейскими странами, чтобы на дружественной основе урегулировать проблему преемственности власти и мирным путем решить вопросы управления территориями и населением бывшей Оттоманской империи.

Эти советы были восприняты Николаем и лежали в основе российской политики в отношении Турции вплоть до того момента, когда разразилась Крымская война.

Принятие такой политики русским царем стало внутренним делом России, односторонним решением, которое не имело под собой международной основы. И теперь Николай намеревался закрепить эту политику международным соглашением.

Революционные события тысяча восемьсот тридцатого года, потрясшие основы старого порядка во всей Европе, в значительной мере сблизили Россию и Австрию. Эти две империи считались бастионами консерватизма и реакции. Помимо прочего Австрия имела весьма протяженную границу с Османской империей и в течение столетий принимала активное участие в турецких делах. Вполне логично поэтому, что эта страна была заинтересована в международном соглашении по Турции в первую очередь.

К началу тридцатых годов международное положение Турции серьезно пострадало. Мятежи во владениях Османской империи достигли угрожающих масштабов. Мухаммед-Али, бывший албанский торговец табаком, сумел установить контроль над Египтом, который находился под турецким протекторатом. Более того, он угрожал захватом Константинополя и установлением там нового режима. Появление сильной Египетской империи на побережье Босфора отнюдь не отвечало интересам России. К тому же Египет активно поддерживала Франция, и сама мысль о захвате Константинополя страной, находящейся под сильнейшим французским влиянием, была России ненавистна. Австрия эти опасения русских разделяла.

В январе 1833 года император Николай послал своего военного министра графа Татищева в Вену с поручением встретиться с австрийским канцлером и выяснить его позицию. Меттерних сразу оценил выгоды австро-русского союза, и вскоре между двумя странами был подписан Мюнхенский договор. Договаривающиеся стороны провозглашали, что намерены не только сотрудничать в поддержке существующего турецкого режима, но и, в слу-

чае падения Махмуда II, сохранить свой союз при разделе Оттоманской империи. Нессельроде назвал Мюнхенгретский договор «блистательной дипломатической победой», поскольку был уверен, что при любом, даже непредвиденном, развитии событий «Австрия будет на стороне России, а не против нее». Остался доволен и Меттерних, поскольку будущие восточные притязания России оказывались в известной мере ограниченными, а Австрии отходил неплохой кусок Турции после — и в случае — гибели последней.

Провозглашение австро-российского альянса, к которому присоединилась и Пруссия, стало важным шагом к осуществлению планов Николая по выстраиванию общей политики великих европейских держав в отношении Турции. Однако для полной гарантии мирного раздела турецкого наследства в случае распада Оттоманской империи русский царь полагал абсолютно необходимым заключение соответствующего договора с одной из двух великих держав Запада — Францией или Англией.

Франция, колыбель революции, была главной силой в Европе, противостоявшей консерватизму, тогда как Николай, ярый противник любых революционных идей, был воинствующим поборником *ancien régime**. Мало того, Франция поощряла и поддерживала египетское восстание против Махмуда II, угрожавшее мирному развитию событий. С другой стороны, Англия обладала самым крупным в мире флотом, который мог причинить России значительный ущерб. Но этот же флот мог и сгладить противоречия в позициях разных стран по турецкой проблеме. Российское правительство решило побудить к союзу именно Англию, и с этой целью император Николай II находился теперь в Виндзорском замке.

По завершении грандиозного приема гости потянулись из галереи Ватерлоо в соседние помещения замка. Значительная часть дам и господ направилась в Большой зал, где личный оркестр Ее величества ожидал сигнала, чтобы усладить слух собравшихся. Впрочем, царь Нико-

* Старого режима (*фр.*).

лай, сэр Роберт Пиль и лорд Абердин предпочли уединиться в кабинете, где провели несколько часов.

Королева рано оставила общество, удалилась в личные покои и села за письмо своему дяде, бельгийскому королю Леопольду, где поделилась впечатлениями о русском императоре и его визите:

Дорогой дядюшка... Визит императора стал великим событием, и здесь все весьма польщены оказанной нам честью. Он просто поражает: по-прежнему очень красив, профиль изыскан, манеры величавы, отменно учтив — любезен и внимателен до такой степени, что это внушает тревогу. При этом выражение его глаз пугает, такое я видела впервые в жизни... Улыбается он редко, и эта улыбка не кажется радостной. Впрочем, рядом с ним чувствуешь себя вполне непринужденно. Когда я думаю, что мы сидим за завтраком или идем на прогулку с величайшим на земле властелином, это кажется мне сном... Император позабавил саксонского короля и меня, признавшись, что был весьма *embarrassé**, когда ему представляли различных людей, и чувствовал себя очень неловко во фраке, к которому совершенно не привык...

Ваша преданная племянница

Виктория.

Через несколько дней, когда Николай уже покинул Англию, королева вернулась к этому письму:

Мы с императором получили возможность узнать друг друга. Много в нем мне по душе. Думаю, его натуру надо понять и принимать такой, какова она есть. Он строг, суров и непременно следует принципам и собственному пониманию долга — ничто на свете не может заставить его этим принципам изменить. При этом он не очень умен, не слишком хорошо воспитан и недостаточно образован. Императора интересуют только политика и военные вопросы, ко всему прочему, включая искусство, он невосприимчив. При этом, я уверена, он вполне искренен — даже тогда, когда действия его нельзя

* Смушен (*фр.*).

назвать иначе как деспотичными: они происходят из твердого убеждения, что иначе управлять страной невозможно... Я бы назвала его чересчур откровенным: он напрасно высказывает свои мысли столь открыто и ему с трудом удается сдерживать себя. Он очень хочет, чтобы ему верили, и, должна признаться, я действительно склонна верить его личным обещаниям. Добавлю, что чувства его сильны, он глубоко ощущает доброту и любит жену и детей, причем всех детей, не только своих. Семейная жизнь для него очень важна. Когда в комнате, где мы находились, вошли мои дети, он сказал: *Voilà les doux moments de notre vie**... Мой милый Альберт полагает, что император слишком склонен действовать импульсивно, под влиянием чувства, и потому нередко совершает промахи. Царь высоко ценит красоту, чем напомнил мне Вас: выглядывая из экипажа, он неизменно обращал внимание на хорошеньких женщин... *Pour finir***, еще несколько штрихов для завершения его портрета... Он лыс, но в мундире конногвардейца выглядит великолепно. Не скрою, во время наших совместных выездов меня не покидала тревога — ведь кто-нибудь из поляков мог отважиться на покушение. Поэтому я каждый раз испытывала облегчение, когда император возвращался домой. Его дочь, увы, очень больна...

Ваша преданная племянница

Виктория.

* Вот сладостные моменты нашей жизни (фр.).

** В завершение (фр.).

Николай был восьмым из десяти детей. Его самый старший брат, российский император Александр I, главенствовал в семье — как, впрочем, и во всей Европе, если мы говорим о периоде в несколько лет после катастрофического отступления Наполеона от Москвы в 1812 году. За образованием Александра следила его выдающаяся бабка императрица Екатерина Великая, которая пожелала, чтобы будущий царь воспитывался в духе идеалов Просвещения, унаследованных от французских философов. Наставником юного принца стал швейцарский республиканец Фредерик Лагарп. Николай был моложе Александра на девятнадцать лет, своей бабки он не знал. Сколько-нибудь значительного внимания его образованию в семье не уделяли, его воспитание было поручено генералу Ламсдорфу, человеку грубому и полагавшему, что лучшим стимулом к обучению является розга. «Учение для меня было сплошным принуждением, и ни малейшей любви к занятиям я не питал. На меня сыпались упреки за леность и невнимательность, часто несправедливые, к тому же во время урока я частенько получал от Ламсдорфа весьма болезненный удар тростью».

Безусловное повиновение и строгая субординация — вот что внушали мальчику с самого нежного возраста. В шестнадцать лет Николай наблюдал войну с Наполео-

ном со стороны — для непосредственного участия в кампании он был слишком молод. По сути, его военный опыт исчерпывался парадными. Облаченный в блестящий мундир, который он редко снимал и в последующие годы, великий князь с огромным удовольствием проводил бесчисленные военные смотры. От войск он требовал строевой подготовки высочайшего уровня и безупречной выправки. Для огромной коллекции военных миниатюр, собранных Николаем, во дворце было отведено специальное помещение. Уже взойдя на трон, Николай время от времени улучал минуту, чтобы уединиться в этой комнате с фигурками деревянных солдатиков. Есть предположения, что, будучи императором, он так муштровал войска, что ни о боевом духе, ни об огневой подготовке речь уже не шла.

Восшествие Николая на престол произошло при весьма необычных обстоятельствах, которые оставили неизгладимый след на личности нового государя и окрасили весь тридцатилетний период его царствования.

В ноябре 1825 года император Александр I неожиданно скончался в небольшом городе Таганроге на берегу Черного моря. Ему было всего сорок восемь лет. Тремя годами ранее великий князь Константин, наместник императора в Польше и законный наследник престола, отказался от своих прав на трон. Однако Николаю, который был следующим в цепи наследников, об этом решении Константина не сообщили. Когда весть о смерти Александра достигла Петербурга, Николай тут же провозгласил царем Константина. Почти одновременно с этим в Варшаве Константин провозгласил новым императором Николая. В течение трех долгих недель между Санкт-Петербургом и Варшавой скакали курьеры: Николай тщетно пытался уговорить брата вернуться в столицу для формального отречения. Все это время Россия оставалась без государя.

За несколько месяцев до смерти Александра тайная организация, получившая название Северное общество, готовила заговор с целью свержения принятого в стране порядка. Члены общества хотели установить в России

конституционную монархию с выборным Учредительным собранием и федеральной формой правления. Внезапная весть о кончине Александра и смятение, охватившее власти России в декабре 1825 года, обозначили удобное время для выступления мятежников, и те стали действовать безотлагательно. Руководители общества тут же приняли решение воспрепятствовать Сенату провозгласить восхождение на престол нового государя и принудить сенаторов издать революционный манифест. В качестве своего лидера заговорщики выбрали князя Сергея Трубецкого, назначив его «временным диктатором» в новой структуре власти. Трубецкой принадлежал к старейшему и знатнейшему роду, представители которого на протяжении столетий играли важную роль в истории России. Николай был поражен, когда, после поражения восстания, узнал среди арестованных мятежников князя Сергея. «Что творилось в этой голове, когда вы — с вашим-то именем — позволили вовлечь себя в подобное дело? — в ярости спросил князя император: И, постучав указательным пальцем по лбу молодого офицера, добавил: — Полковник гвардии князь Трубецкой! У вас вовсе не осталось стыда, если вы связались с таким отребьем!»

Восстание началось ранним утром четырнадцатого декабря, и к одиннадцати часам Московский полк выстроился на Сенатской площади. С этого момента все, что могло обернуться неудачей для заговорщиков, обернулось именно так. Гвардейцы, которым по плану следовало захватить Зимний дворец, не смогли этого сделать. К Московскому полку не присоединились другие части. Что еще хуже — Трубецкой отказался участвовать в мятеже и не явился на Сенатскую площадь, чтобы стать во главе восставших войск. Темп был потерян, и Николай сумел перехватить инициативу. К четырем часам по периметру площади были установлены тридцать две пушки. Семь артиллерийских залпов по мятежникам заставили их рассеяться. Восстание было подавлено.

В последовавшие за этим месяцы по всей России прошли аресты. Множество декабристов, в том числе и Трубецкой, были приговорены к каторжным работам и сосла-

ны в Сибирь; других разжаловали в рядовые и отправили на Кавказ. Тринадцатого июля 1826 года состоялась казнь пятерых руководителей декабрьского восстания. Так закончилась «первая русская революция». Третьего сентября состоялась коронация Николая, нового российского императора. Молодой царь торжественно поклялся, что отныне сделает невозможным мятежные действия тайных обществ, подобных организациям декабристов. Это обещание он сдержал.

Император Николай отличался от других европейских монархов. В то время как многим тронам угрожало пламя мятежей, население России в подавляющем большинстве относилось к своему царю с благоговением. Его власть не имела границ, над ним стоял лишь Бог. Парламента, который мог бы сдерживать государя, в России не было. Священнослужители признавали императора духовным главой Церкви. Власть царя, по сути, представляла собой сплав деспотизма былых времен, византийской теократии и военной диктатуры. Внушительная фигура императора, его гордая осанка как бы воплощали идею государственной власти. Немногочисленные интеллектуалы и либералы, которые осмеливались возражать Николаю (а кое-кто даже решался на попытку дворцового переворота), неизбежно оказывались в одном из отдаленных азиатских уголков его необъятной империи, где раскаивались в своем безрассудстве. Царь не был связан ничем и всегда поступал по своей воле.

Вместе с тем Николай был довольно простодушен, и королева Виктория быстро поняла, что перед ней человек честный, твердый и решительный. Не лишенный благородства, император мог заставить окружающих «почувствовать престиж его титула». Обычно сдержанный и недоверчивый, Николай мог проявить и дружелюбие и тогда «очаровывал всех своей искренностью». К участникам Польского восстания 1830 года он не проявил ни малейшего снисхождения, и его жестокость вызвала к нему ненависть миллионов. В то же время эта суровость усиливала впечатление от его облика и даже увеличивала удовольствие от общения с царем, когда тот находил-

ся в добром расположении духа. Николай был человеком слова, и большинство государственных деятелей Европы не имели оснований усомниться в его личной честности. Эти качества делали Николая истинным джентльменом — в том смысле, который вкладывают в это понятие англичане: ведь дипломатические договоренности с ними нередко скреплялись простым рукопожатием и *parole de gentleman**.

Николай обладал безграничной энергией и развитым чувством долга. Он принял на себя значительную долю реальных дел по управлению страной. В отличие от своих предшественников, он назначал русских на главные административные должности и окружил себя весьма способными и одаренными советниками. Министром юстиции был назначен Дмитрий Дашков — человек «неподкупный, несмотря на искушения, и сочетающий в себе редкую эрудицию и истинную страсть к делу». Графу Е. Ф. Канкрину государь поручил осуществление грандиозной работы по кодификации законов империи; результатом этого труда явился свод законов в сорока пяти томах. Граф Александр Бенкендорф получил в свое ведение печально известное Третье отделение канцелярии его величества, которое было призвано, говоря словами самого Бенкендорфа, «покровительствовать утесненным и наблюдать за злоумышлениями и людьми, к ним склонным». Столь продуманной системы управления Россия еще не знала. Восхищение императора точностью и порядком, царящими в прусской армии, чувствовалось в постановке дела во всех государственных департаментах. Доклады, комиссии, бумаги, бумаги, бумаги... Вскоре возникла необходимость учредить государственную комиссию «по изысканию путей уменьшения необязательной корреспонденции».

Не прошло и пяти лет правления Николая, как события в Западной Европе открыли новую страницу в российской истории. В 1830 году был свергнут Карл X, а Луи-Филипп стал не королем Франции, а королем французов. Отец

* Словом джентльмена (*фр.*).

Луи, Филипп Эгалите*, ранее голосовал за казнь Людовика XVI, состоявшего с ним в родстве. Новый режим принял форму конституционной монархии с либеральным буржуазным правительством. До появления на политической сцене Филиппа правление европейскими странами осуществлялось сильными монархическими режимами, при которых власть монархов была почти абсолютной. Теперь во Франции установился конституционный порядок, в значительной степени ограничивший полномочия короля, а вскоре стремление масс к аналогичным реформам стало ощущаться в Италии, Бельгии и, наконец, в Польше.

Двадцать восьмого ноября 1830 года польские националисты ворвались во дворец Бельведер в Варшаве и убили русского генерала, которого приняли за великого князя Константина. На следующий день горстке поляков удалось получить контроль над варшавским гарнизоном. Впрочем, в течение недели восстание было подавлено и порядок восстановлен. События декабрьского мятежа 1830 года оставили неизгладимый след в памяти императора, и теперь волнения в Варшаве подтвердили худшие подозрения Николая, утвердив его во мнении, что либерализм и конституционные эксперименты таят угрозу и являются совершенно нетерпимыми. Одновременно с жестокими репрессиями в Польше развернулась программа интенсивной русификации.

Пока в Европе после 1830 года набирали силу революционные движения, русский император все в большей степе-

* Луи-Филипп-Жозеф, герцог Орлеанский (1747–1793), во время Великой французской революции отказался от своего титула, принял фамилию Эгалите (равенство), примкнул к революционерам и в Конвенте голосовал за казнь своего родственника короля Людовика XVI. Однако в том же году был казнен сам, поскольку его сын оказался замешанным в заговоре и бежал из Франции. Перед гильотиной Филипп потребовал две бутылки шампанского и взошел на эшафот с совершенным бесстрашием. Ненавидевшие его роялисты отметили: «Жил как собака, а умер, как подобает потомку Генриха IV».

ни становился олицетворением автократии и консерватизма. «Его система правления подчинялась жесткой логике, его убеждения были непоколебимы, — писал о Николае барон Жомини*, швейцарец на русской службе, советник царя. — Государь получил свои полномочия не в результате выборов, а от Бога. Порядок или революция — вот две крайности, компромисса между которыми он не допускал». Моральную и материальную опору в критические моменты видела в русском царе Австрия. Канцлер Меттерних и Николай нередко выказывали взаимное восхищение.

Внутри страны Николай продолжал реформы, в результате которых крестьяне, составлявшие огромное большинство населения, получили определенные выгоды, чего нельзя сказать о меньшинстве — интеллектуалах и нарождающемся среднем классе, поскольку царь издал немало законов, успешно подавляющих творческую мысль. Был введен запрет на поездки за границу, цензура внедрялась все шире и становилась строже. Из учебников по греческой истории изымалось слово «демос», об убийстве Юлия Цезаря упоминать не следовало — он якобы просто умер. Усердный цензор вычеркнул из научного труда выражение «силы природы». Газеты сообщали тщательно отобранные новости практически без собственных комментариев. Из текстов по анатомии исключалось все, что могло «оскорбить чувство приличия». Писателям буквально зажали рот, и многие из них оказались в Сибири, включая таких знаменитостей, как, например, Достоевский. «Русскую литературу можно было сравнить с растением, которое пытается пустить побеги, находясь на краю вулканического кратера», — писал один историк. Индивидуальная мысль была задушена, инициатива пресекалась. В то время как в Европе во всю силу разгорался революционный огонь, до России доходил разве легкий запах дыма.

Что же представляла собой Россия, управляемая императором Николаем? Как и сейчас, это была крупнейшая

* Жомини, Генрих — барон (1779—1869) — французский и русский военный писатель родом из Швейцарии. Оставил мемуары по истории наполеоновских войн.

в мире страна, территория которой составляла в то время одну седьмую часть обитаемой суши. В течение четырех с лишним веков она росла со средней скоростью почти 180 квадратных километров в день. В 1852 году население России равнялось примерно 67 миллионам человек и было представлено 160 национальностями и народностями, говорящими на 110 языках и наречиях и исповедующими 35 религий. Самую крупную этническую группу составляли славяне, доля которых достигала трех четвертей общего населения. Большинство представителей именно этой группы были преданы идее абсолютной власти. «Царь яко Бог, — писал историк XVIII века Иван Посошков, — еже восхошет во области своей может [всё] сотворить». Император был альфой и омегой благополучия нации.

Примерно за тридцать лет до визита Николая в Англию красные мундиры гвардейцев-казаков, выступавших в строю по пятнадцать всадников в ряд, появились у Пантенских ворот Парижа. За ними на черной арабской кобыле (по иронии судьбы — даре Наполеона*) ехал царь Александр I. По правую руку царя держался представитель австрийского императора князь Шварценберг, по левую — прусский король Фридрих-Вильгельм III. Великая армия Наполеона была окончательно разгромлена союзниками под Лейпцигом, а сам французский император бежал. Ясным солнечным утром 31 марта 1814 года войска победителей прошли по Елисейским полям, и радостные парижане имели возможность полюбоваться мощью и величием России. Это грандиозное зрелище на Западе не забыли. В самом деле, что могло помешать России когда-нибудь в будущем «освободить» Европу еще раз? В 1820 году Наполеон предостерегал из своей ссылки на острове Святой Елены: «Северные варвары уже сейчас слишком сильны, и со временем, может статься, они захватят всю Европу». Русский царь, встреченный с таким энтузиазмом в Лондоне в 1844 году, был правителем страны с безграничной

* На самом деле Александр I ехал на светло-сером коне по кличке Эклипс, подаренном ему французским послом Коленкурором.

территорией и устрашающей мощью. «Император Николай — хозяин Европы» — такой фразой излил свои чувства принц Альберт.

Во вторник в Виндзорском парке состоялся грандиозный смотр войскам. Император, саксонский король, принц Альберт и почти все мужчины были верхом. Николай облачился в великолепную форму Преображенского полка — темно-зеленый мундир, белые брюки и черный шлем с белым плюмажем. Бриллиантовая звезда ордена Подвязки сверкала на солнце. Герцог Аргайл писал:

Ни до, ни после этого дня мне не приходилось испытывать столь сильное ощущение от присутствия рядом с истинно царским величием. Весь его облик поражал мужской красотой, доведенной до совершенства: высота почти два метра, плечи откинuty назад, безупречная военная осанка, гордая посадка головы, мужественное и властное лицо. Его черты близки античному греческому идеалу: лоб и нос образуют непрерывную линию... Воля, энергия, мощь — все это читалось на лице императора. И удивительные глаза — настороженные, бдительные, но при этом без тени тревоги.

На принце Альберте был мундир фельдмаршала с русским орденом Святого Андрея Первозванного, на короле Саксонии — синий с золотом мундир и ордена Подвязки и Золотого руна. Королева Виктория и дамы прибыли в открытых экипажах.

В смотре участвовали войска, представляющие девять кавалерийских и артиллерийских полков, командовал ими виконт Кобермир. При появлении высоких особ оркестр грянул российский гимн. Император ехал впереди и со всем вниманием оценивал выправку стоящих в строю. Закончился смотр торжественным парадом. Очевидец церемонии отмечал радостные возгласы, встретившие старого герцога Веллингтона, когда тот поравнялся с экипажем королевы, и красивый жест принца Альберта, который ехал перед своими гвардейцами и отсалютовал шпагой ее величеству, сопроводив это воинское при-

ветствие неподражаемой улыбкой. «Столько изъявлений дружеских чувств за одну минуту я никогда не видел», — добавил он. После парада Виктория удалилась, провожаемая громкими аплодисментами и восклицаниями: «Боже, храни королеву!» Затем в течение часа войска демонстрировали строевую подготовку, упражнения с оружием и замысловатые перестроения. Вернувшись в замок, император выразил королеве свое восхищение выучкой ее армии. Особенно высоко оценил Николай скорость и точность работы артиллеристов.

Не пройдет и восьми лет, как именно эта армия, которой так восхищался Николай, вторгнется в южные пределы его империи. И когда это вторжение начнется, выйдут наружу и станут явными последствия сорокалетней военной пассивности Британии: ведь солдаты ее величества не нюхали пороха со времен битвы при Ватерлоо. Военные смотры, строевая подготовка, бесконечная муштра ни в коей мере не могли обеспечить боеспособность армии. В разгар военных действий Алексис де Токвиль* писал: «Героизм и мужество британских солдат прославляли повсеместно, громко и открыто, но вместе с тем многие пребывали в убеждении (не всегда оправданном), будто Британия отчаянно бедна военными талантами, что сказывается как на организации войск, так и на ведении боевых действий, и не способна даже в критической ситуации собрать крупную боеспособную армию».

Великолепная атака легкой кавалерии — самый прославленный эпизод войны — вообще не имела стратегического значения. Она лишь стала символом мужества отдельного британского солдата. В самых крупных сражениях Крымской войны победы одерживали эти грубые, необразованные, обычные парни, которые вместе с тем оказались самыми стойкими, выносливыми и сообразительными солдатами. Именно им принадлежит честь этих побед, а не высшему командованию армии, не гражданским руко-

* Токвиль, Алексис де (1805–1859) — французский историк и политик, министр иностранных дел Франции в 1849 году.

водителям вспомогательных служб и уж точно не кабинету министров и парламенту. Это мужество и глубоко укоренившееся чувство долга позволили британской армии противостоять превосходящим силам противника и, как правило, побеждать.

В 1815 году Наполеона упрятали на остров Святой Елены и между великими державами, объединившимися в Европейский союз, установился мир, который длился четыре десятилетия. К середине века в Англии отношение к вооруженным силам стало нестерпимо пренебрежительным. Парламент предпочитал тратить деньги на другие нужды. Вот какой пример приводит Джон Фортеस्कью*:

Недальновидность и низость палаты общин превосходят воображение. Она поскупилась на деньги для чеканки медалей за хорошее поведение, из-за чего не каждый заслуживший награду смог ее получить. Она предложила награждаемым платить по три шиллинга за такую медаль. Получалось, что чем лучше служил солдат, тем большим штрафом его наказывали. Более того, когда рядового повышали до сержанта, у него отбирали деньги, выплаченные за хорошую службу.

Только в 1856 году парламенту стало известно, что годовое содержание заключенного в тюрьме обходится дороже, чем содержание солдата британской армии. В камерах на каждого заключенного выделялось 28 кубических метров, в то время как в большинстве казарм на солдата приходилось всего 11 кубических метров, а во многих гарнизонах и госпиталях эта цифра не превышала 8,5 кубических метров. Смертность среди гражданского населения сопоставимого с солдатами возраста составляла 8 человек на 1000, а в пехотных частях эта цифра в мирное время равнялась 20,4 человек. Особенную угрозу представлял туберкулез, смертность от которого в армии в пять раз превышала этот показатель для гражданских лиц. Палата общин

* Фортеस्कью, Джон (1859–1938) — английский историк, автор 20-томной истории британской армии.

упрямо отказывалась строить новые казармы взамен старых скверно вентилируемых нездоровых помещений.

Принятые в армии мундиры были довольно живописны, но тесны — летом в них было жарко, а зимой они плохо грели. При весьма низких температурах, например, в Канаде солдатам выдавали только обычные мундиры и больше ничего — ни шинелей, ни шерстяных шарфов. За свои деньги они могли купить перчатки. Ежедневный рацион состоял из фунта хлеба и трех четвертей фунта говядины. Овощи, свинина и другие продукты солдаты приобретали сами, причем не всегда законным путем. Вот что пишет профессор Вудворд*:

Единственной посудой для приготовления пищи были два медных котла — один для мяса, другой для картофеля. Мясом неизменно была вареная говядина. Кормили солдат дважды в день — завтрак в семь тридцать и обед в двенадцать тридцать. Третью еду ввели только за несколько лет до начала Крымской кампании, но за нее солдаты должны были платить отдельно. Жалованье рядового строевой части обычно равнялось семи шиллингам в неделю, причем половину этой суммы вычитали за питание и шиллинг десять пенсов — за общие расходы на содержание, включая мыло и прочее... Никаких развлечений не предусматривалось, а государство получало около 50 тысяч фунтов годового дохода от солдатских столовых, где поставщики умудрялись продавать скверный алкоголь по завышенным ценам. Здоровье солдат оставляло желать лучшего, тяжелые условия службы и быта становились причиной частых ссор и потасовок, пьянства и венерических заболеваний. Дисциплина при этом поддерживалась жестокими наказаниями.

О наказаниях могу добавить следующее. В 1812 году военный суд общей юрисдикции мог приговорить солдата к неограниченному числу ударов плетью, суд полка — к тремстам ударов. К 1850 году максимальное число уда-

* Вудворд, Льюэллин (1890—1971) — английский историк.

ров было снижено до пятидесяти, а в 1867 году телесные наказания в мирное время были запрещены.

Шестьдесят процентов личного состава пехоты были неграмотны, причем господствовало мнение, что менять это положение не следует. В то время как в стране осуществлялись энергичные реформы образования, внутри армии все, что имело отношение к образованию, оставалось прерогативой капелланов. В правительстве опасались, что образовательные реформы приведут к распространению революционных идей. «Если в армии когда-нибудь вспыхнет мятеж, — говорил герцог Веллингтон, — а судя по всему, мы с ним непременно столкнемся, то можете быть уверены: подстрекателями окажутся эти новомодные учителя».

В таком положении находился обычный солдат британской армии, который в ряду себе подобных теплым июньским днем проходил торжественным маршем по Виндзорскому парку, приветствовал российского императора и радостно кричал: «Боже, храни королеву!» А как обстояло дело с офицерами и военными чиновниками, которым этот солдат подчинялся?

В британской армии того времени было две категории офицеров — пехотные и кавалерийские, — считавшиеся джентльменами, и офицеры артиллерии и инженерных войск, которые джентльменами не считались. Джентльмены, как правило, покупали свое звание, другие — нет. Система покупки офицерских званий была святой традицией военной элиты Британии и поддерживалась такими ее представителями, как Веллингтон и Пальмерстон*. Вудем-Смит** писала о Пальмерстоне: «Он считал весь»

* Пальмерстон, Генри Джон Темпл, лорд (1784–1865) — знаменитый английский государственный деятель, долгие годы руководил обороной, затем внешней политикой государства, а в 1855–1865 годах (с небольшим перерывом) был премьер-министром.

** Вудем-Смит, Сесил Бланш (1896–1977) — английский историк. Ее перу принадлежит, в частности, получившая широкую известность биография Флоренс Найтингейл.

ма желательной прочную связь высшего сословия страны с армией... Распад этой связи привел бы к ситуации, при которой армия становится опасной для государственного строя. Подобное оказывалось возможным, когда армия была оторвана от тех, чья собственность питает их заинтересованность в стране, и управлялась беспринципными военными авантюристами, что ставило под страшную угрозу свободу нации».

Система покупки чинов постепенно настолько усложнилась, что военное министерство было вынуждено разработать официальный прейскурант, где указывались точные суммы, которые надлежало уплатить за определенное звание и должность. Цены были весьма высоки. В 1836 году старый граф Кардиган купил чин подполковника Одиннадцатого драгунского полка для сына, который впоследствии прославил свой род, возглавив знаменитую кавалерийскую атаку под Балаклавой. Заплатил граф 40 000 фунтов стерлингов, то есть сумму годового дохода от своих конюшен (600 000 фунтов в современных ценах), превысив прейскурантную цену на 5176 фунтов. Излишне говорить, что такая практика не только исключала возможность получить офицерский чин способному кандидату с невысоким доходом, но и сдерживала продвижение по службе для многих офицеров.

Над огромной чисто военной организационной машиной распростерла крылья невероятно сложная и громоздкая иерархия гражданской бюрократии. До 1854 года ответственность за армию лежала на министре, возглавлявшем военное ведомство и ведомство по делам колоний — предполагалось, что у них были общие интересы. Этому министру подчинялся секретарь по военным делам, который передавал правительственные распоряжения и пожелания главнокомандующему. Последний, господин в чине генерала, имел резиденцию в здании Королевской конной гвардии, и главной его обязанностью было наблюдение за дисциплиной, продвижением по службе и назначениями на новые должности во всех частях. Существовала отдельная должность главного генерала по артиллерийско-техническому и вещевому снабжению, в ведении

которого находились артиллерийские и инженерные войска, а также производство военного оборудования. Министерство внутренних дел занималось ополченцами и добровольцами. В составе министерства финансов имелось интендантство, заведовавшее транспортом и снабжением войск, расположенных за границей. Те же обязанности, касающиеся войск внутри страны, исполнял уже упоминавшийся главный генерал по артиллерийско-техническому снабжению. Среди прочих гражданских организаций следует упомянуть: армейскую медицинскую комиссию, ревизорскую службу, департамент главного казначея и коллегия по общим вопросам (последняя наблюдала за снабжением армии обмундированием). Каждая из этих организаций ревностно оберегала свою независимость и сферу влияния, пускаясь, если надо, на козни и интриги, поскольку столкновение интересов было обычным делом.

Таковым было устройство британской армии накануне Крымской войны — ситуация, вполне достойная стать сюжетом водевиля.

После смотра, вечером того же дня, Николай почтил своим присутствием еще один великолепный прием в галерее Ватерлоо, не уступавший своим блеском тому, что состоялось ранее в тех же роскошных декорациях. По завершении трапезы царь и лорд Абердин уединились в одном из кабинетов и продолжили начатую беседу. Пригласив министра иностранных дел расположиться в удобном кресле, Николай заговорил со всей откровенностью и искренностью, ему присущими: «Присядем и забудем, что я — император, а вы — английский министр. Пусть я буду просто Николаем, а вы — Абердином». Далее царь открыто выразил свое неприязненное отношение к Франции и особенно к ее королю: «Я готов признать, что Луи-Филипп желает блага Европе. В то же время сам я никогда не смогу стать его другом... Ведь для укрепления своего положения он попытался подорвать мое положение как императора России и чуть ли не свергнуть меня. Такого я никогда ему не прощу».

Затем Николай коснулся опасности, связанной с присутствием Франции в Восточном Средиземноморье, в особенности в Турции, и подчеркнул, что этим угрозам Россия и Англия могут противостоять вместе. «Турция нежизнеспособна, — сказал император. — Мы можем предпринять определенные усилия, чтобы поддержать ее, но в конечном счете она обречена. Она должна умереть, и она умрет. Момент ее смерти станет переломным. Я предвижу, что мне придется привести в действие армию, и Австрия поступит точно так же. При этом мои опасения вызывает только Франция».

Когда Турция падет, продолжал Николай, проблема преемственности власти встанет в полный рост. «Что потребует себе Франция? — спросил он. — Увы, немало. И в Африке, и на Средиземном море, и собственно на Востоке». Сильная центральная власть в Египте, направляемая Францией, с легкостью перекроет Британии торговые пути на Восток. «Разве при таком повороте событий Англия не должна будет обеспечить присутствие там своего военного флота?»

Существующие расхождения во взглядах и интересах России и Англии, по мнению Николая, сравнительно невелики и несущественны. Да, Россия отказалась признать вновь образованное королевство Бельгию, и это вызывает раздражение Британии. В Персии нарастает конфликт торговых интересов России и Англии. Время от времени на границе с Афганистаном между войсками двух стран возникают небольшие стычки. Все эти проблемы царь согласен решить вместе с британской стороной. Но главным сейчас является совместная англо-российская позиция по Турции, ибо именно там находится наиболее вероятный очаг будущего конфликта. «На суше Россия занимает господствующее положение по отношению к Турции, аналогичное положение на море занимает Англия. Разрозненные действия этих держав чреваты опасными последствиями, в то время как, объединившись, они могут принести большую пользу». Николай очень не хотел бы допустить, «чтобы в отсутствие согласованной позиции двух стран какие-либо события могли

подвигнуть его на действия, которые показались бы враждебными британскому правительству».

«Я знаю, меня считают актером, — сказал в заключение император, — но это не так. Я человек прямой, говорю то, что думаю, и верен своим обещаниям». В течение четырехдневного визита в Виндзор Николай использовал все возможности, чтобы убедить членов британского правительства в необходимости соглашения по турецкой проблеме.

После бесед с лордом Абердином император встретился с премьер-министром. «Несколько лет назад, — сказал он, — в Петербург прибыл лорд Дарем, настроенный весьма предвзято по отношению ко мне. Но стоило нам встретиться и лучше узнать друг друга, как его предубеждения испарились. Я очень надеюсь, что мой приезд сюда рассеет сомнения в моей искренности у вас лично и вообще в Англии. Я верю, что личное общение положит конец еще оставшимся предубеждениям». Затем царь перешел к сути. «Турция распадается, — сказал он. — Вопреки Нессельроде я убежден в неотвратимости этого процесса. Султан отнюдь не гений, но он, по крайней мере, мужчина. Его постигло несчастье. Что же произойдет потом? Я не претендую ни на пядь турецкой территории, но вместе с тем и не позволю получить эту пядь никому другому».

Император говорил так громко и возбужденно, что сэр Роберт предложил его величеству отойти от открытого окна, чтобы его речь не могли услышать случайные люди. Николай сделал несколько шагов к центру комнаты и продолжал уже спокойнее.

«Мне не нужен Константинополь, — сказал он, — но если оттоманский трон падет по собственной вине, оказавшись просто-напросто нежизнеспособным, иначе говоря, если Оттоманская империя распадется, я никогда не допущу, чтобы Константинополь оказался в руках Британии или Франции... Если англичане, французы или кто-либо еще захватят Константинополь, я изгоню их оттуда, и успех этого предприятия не вызывает у меня сомнений, поскольку я буду там до прибытия подкреплений из этих стран. А оказавшись в Константинополе, я уже не уйду оттуда».

Пиль возразил императору, высказав предположение, что принимать решение относительно последствий распада Оттоманской империи преждевременно, ибо Турция еще жива. Николай согласился: «Разумеется, в настоящий момент мы не можем детально обсуждать, как следует поступить с Турцией, когда она прекратит существование. Такие действия с нашей стороны только ускорят ее распад. Поэтому я со своей стороны предприму все усилия, чтобы поддержать статус-кво. Но одновременно нам следует помнить о возможном конце этой империи в недалеком будущем и не закрывать глаза на последствия. Мы должны занять честную и открытую позицию по этому вопросу. Нам необходимо найти справедливые принципы, которые можно положить в основу честного соглашения — вроде того, что уже существует между Россией и Австрией».

В пятницу к полудню королева, ее высокий гость и весь двор вернулись в Лондон. Вечером в Букингемском дворце ее величество дала торжественный ужин, на котором присутствовало 260 гостей. После ужина состоялась церемония представления императору членов дипломатического корпуса. Дам представляла Николаю сама королева, а господ — принц Альберт. В ходе вечера возникла протокольная проблема: как поступить с посланниками стран, которые Россия не признала или с которыми император разорвал дипломатические отношения? К таким, в частности, относились Бельгия, Португалия и Испания. Николай вышел из щекотливой ситуации, согласившись принять этих дипломатов, и с каждым из них весьма дружески обменялся несколькими словами. Впрочем, в беседе с французским послом царь намеренно избегал всякого упоминания Луи-Филиппа.

На следующее утро император посетил «Юнайтед сервис клуб»* и обошел новые здания парламента в Вестминстере. Осмотр помещений был подробным, Николай проявил к ним явный интерес, однако никаких замечаний

* «Юнайтед сервис клуб» — лондонский клуб для старших офицеров армии и флота, основан в 1815 году.

по поводу нового дома «прародительницы парламентов»* не высказал. Двигаясь по лондонским улицам, императорская карета пересекла Трафальгарскую площадь, где его величество осмотрел еще не заверченный памятник Нельсону**. Услышав, что средства, предусмотренные на возведение памятника, исчерпаны, император распорядился, чтобы российское казначейство немедленно пожертвовало на колонну Нельсона пятьсот фунтов. Такую же сумму Николай выделил для будущего памятника герцогу Веллингтону. Британская пресса была в бешенстве. «Памятники в честь британской доблести должны возводиться щедростью самих британцев, — вопиял «Иллюстриейтед Лондон ньюс». — Император швыряет подачку впавшей в нищету стране, как бы говоря: “Ну что ж, закончите за мой счет то, что не смогли построить сами!..” Правительство проявляет полное равнодушие, что ему свойственно, когда речь не идет о возможности пополнить казну, такая же пассивность охватила людей, но ни правительство, ни народ не настолько бедны, чтобы покорно принимать подобные подарки».

После часа Николай покинул Букингемский дворец в открытом экипаже, чтобы присутствовать на приеме у герцога Девонширского в его имении в Чизике***. Царя сопровождали принц Альберт, король Саксонии, пять карет со свитой и слугами и почетный эскорт кавалеристов.

«Погода была великолепной, — пишет герцог Аргайл. — Подъездные дорожки, обсаженные сиренью и золотистым раkitником, вели к чудесному саду. Величественные кедры, затеняющие крыльцо и восточный фасад паллади-

* «Прародительница (или родоначальница) парламентов» — утвердившаяся в политической журналистике и литературе характеристика британского парламента.

** Памятник адмиралу Нельсону представляет собой сорокатырехметровую колонну, увенчанную пятиметровой фигурой адмирала; у основания колонны располагаются четыре льва, отлитые из трюфейных французских пушек.

*** Чизик (Чизуик, Чизвик) — историческое лондонское предместье, ныне входит в состав Большого Лондона.

анской* виллы, сплетали ветви в тонкий неповторимый рисунок на фоне ярко-синего неба с редкими пушистыми облаками». Экипажи медленно двигались по главной аллее, чтобы дать возможность семистам приглашенным полюбоваться на императорский кортеж. Герцог встречал гостей у парадного входа, и, когда они вышли из карет, объединенный оркестр Колдстримского гвардейского полка и Королевских конногвардейцев грянул российский гимн, а над герцогским дворцом взвился императорский штандарт.

В одном из залов, увешанном полотнами Тициана, Рафаэля, Андреа дель Сарто** и других мастеров, Николай принимал наиболее именитых из приглашенных гостей. Затем в музыкальном салоне оркестр герцога выступил с короткой концертной программой, после чего всех пригласили к столу. Императора и сопровождающих его лиц проводили в уютную «летнюю гостиную», весьма изобретательно преобразованную по такому случаю в средневековый походный шатер. Одну стену украшали гербы императора и королевы на фоне цветов российского флага — белого, синего и красного. Шелковый купол шатра был расшит увенчанными коронами щитами с чередующимися буквами «N» и «V». Столы были накрыты на шестнадцать персон, и, «поскольку трапеза представляла собой *déjeuner****», вместо золотых тарелок подали серебряные. В центре столов стояли чаши с цветами и яркими экзотическими плодами.

После застолья император и сопровождавшие его персоны вышли на свежий воздух, где к ним присоединились прочие гости. Там, под сенью великолепного кедра, подали кофе и Николай продолжил знакомиться с присутствующими. Затем гости разбились на группы и разбре-

* Палладианство — архитектурный стиль, получивший свое название от выдающегося итальянского архитектора позднего Возрождения Андреа Палладио (1508—1580).

** Дель Сарто, Андреа (1486—1531) — итальянский художник флорентийской школы.

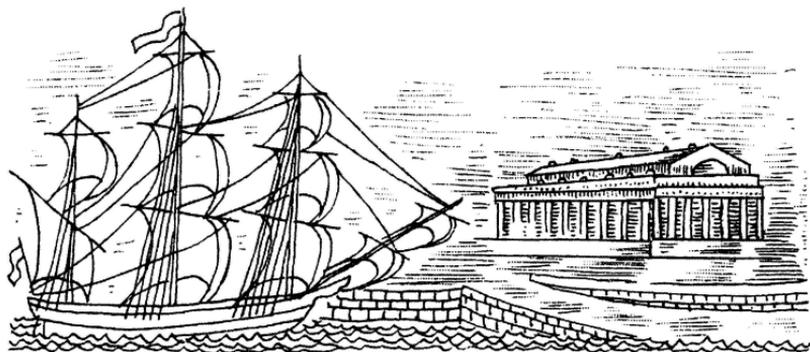
*** Здесь — поздний завтрак (*фр.*).

лись: кто-то отправился танцевать польку в «музыкальный салон», другие пересекли широкую лужайку, чтобы послушать оркестр, третьи воспользовались возможностью осмотреть оранжерею герцога. Саксонский король, сопровождаемый небольшой свитой, решил покататься по тихому озерку и занял место в лодке с гребцами в желтых livreaх. На противоположном берегу король осмотрел жирафов, привезенных специально для этого приема. Что касается императора, то он, посадив в парке дерево в память о своем посещении герцога, сел в карету и вернулся в Лондон.

С начала государственного визита российского императора минуло восемь дней, и визит проходил в теплой и сердечной обстановке. Николай и Виктория увидели друг в друге много привлекательных черт, британские министры и император отлично ладили, британская пресса и общество отзывались о русском царе весьма благоприятно. Все наслаждались атмосферой взаимного уважения и открыто проявляемой приязни. В англичан вселило уверенность присутствие в Лондоне этого *gendarme de l'Europe**, гаранта европейского единения, сильного союзника, способного помочь обуздать Францию и не дать ей снова нарушить хрупкое равновесие сил в мире. В эти теплые благоуханные дни июня 1844 года такая вещь, как Крымская война, могла бы показаться совершенно абсурдной и немыслимой. И тем не менее не пройдет и восьми лет, как русские пушки будут обстреливать англо-французский флот у берегов Севастополя, а огромная армия под британским и французским флагами высадится на берегах России.

* Жандарма Европы (*фр.*).

Глава 3 Так что же такое Крымская война?

Высадка союзников в Крыму состоялась в сентябре 1854 года. От объявления войны до подписания мирного договора прошло двадцать восемь месяцев. И, как уже говорилось, эта война унесла около полумиллиона человеческих жизней. По оценкам на всех театрах военных действий союзники потеряли 252 000 человек, а русские — 246 000. Они умирали на полях сражений и в госпиталях, на море и на суше. Они гибли от пуль и шрапнели, от холеры и других болезней, от голода и холодов. Только в Севастополе были убиты, ранены или пропали без вести 102 000 защитников города. Такова была эта крымская трагедия, и такими оказались потери в этой «единственной абсолютно лишённой смысла войне нового времени».

Так что же это такое — Крымская война?

Немного найдется войн в человеческой истории, которые могли бы сравниться с Крымской по неясности цели и числу нежелательных последствий. Она осталась в памяти благодаря воспетой Теннисоном легендарной атаке Бригады легкой кавалерии и вызывает в воображении образ Флоренс Найтингейл, обходящей раненых в одном из лазаретов в Скутари*. А еще о ней напоминают зна-

* Скутари — прежнее название Ускудара, части Стамбула, расположенной на азиатском берегу Босфора.

комые крымские названия улиц в разных городах мира — Альма, Балаклава, Инкерман, Малахов курган.

Эта война велась не только на отдаленном полуострове Черного моря, давшем ей название. Сражения происходили на территориях нынешних Румынии и Болгарии, в азиатской части Турции и на границе с Персией. Крупные операции имели место на Кавказе: например, осада Карса в самом центре Армении, где в штурмах принимали участие до 30 000 человек, заслуживает не меньшего внимания, чем бои непосредственно в Крыму.

Не ограничивалась война и территориями, прилегающими к Черному морю. На расстоянии 2400 километров к северу от Крыма, на Белом море, противники обменивались артиллерийскими залпами и союзники блокировали Архангельск. В Арктике, в 20 километрах от норвежской границы, русская артиллерия обстреливала английские суда. В свою очередь, британцы приступом взяли Колу, уничтожили русские батареи, а сам город, насчитывавший около тысячи жителей, сожгли дотла.

В течение двух лет англо-французский флот вел боевые действия на Балтике. Объединенные силы союзников насчитывали пятьдесят восемь судов, несущих на борту 3400 орудий и 33 000 солдат и моряков. Под военным контролем России находились Эстония, Латвия и Польша, хорошо укрепленные гарнизоны стояли в Гельсингфорсе (Хельсинки), Свеаборге, Ревеле и Кронштадте. Французские войска численностью около 12 000 человек участвовали в осаде Бомарзунда, островного укрепления, расположенного между Швецией и Финляндией.

На Тихом океане тоже было беспокойно. Австралию беспокоила слабая защищенность Сиднея и Мельбурна, ибо русские фрегаты регулярно появлялись в южно-тихоокеанских водах. Судоходные компании Калькутты подали общую петицию правительству с просьбой обеспечить защиту торговых судов на пути в Китай. Военные власти Гонконга укрепляли оборонительные сооружения, а на Гавайях король Сандвичевых островов Камехамеха IV предусмотрительно объявил о своем нейтралитете. В августе 1854 года британская эскадра из пяти

кораблей под командованием контр-адмирала Дэвида Прайса совершила нападение на Петропавловск-Камчатский — город на полуострове, расположенном к северо-западу от Японии. Береговые батареи и пятьдесят шесть орудий русских кораблей «Аврора» и «Двина» отразили атаку англичан. Прайс покончил с собой.

Восточное побережье Тихого океана было традиционной сферой торговых операций британской компании «Хадсонс бей» и принадлежавшей России «Русско-американской компании». Каждая из них с пониманием и уважением относилась к интересам и проблемам другой, и в течение всей войны они продолжали свою деятельность, поддерживая дружеские отношения. Военно-морская база в Эсквимальте (Британская Колумбия) была укреплена, что до известной степени успокоило встревоженных жителей Виктории*. В Канаде начался сбор пожертвований для Патриотического фонда**. Собранные 20 000 фунтов фонд разделил между Британией и Францией в равных долях. Наполеон III, выразив благодарность за этот дар, с теплотой вспоминал о минувших временах, когда канадцы были жителями французских колониальных владений. Граф Элджин, генерал-губернатор Канады, направил в Британию «верноподданнические послания» законодательного собрания, городских советов ряда городов, священнослужителей и старост пресвитерианских приходов, а также вождей шести индейских племен. Аналогичные обращения и пожертвования в Патриотический фонд стекались в Лондон из Нью-Брансуика, Ньюфаундленда, Барбадоса, Гренады, Гибралтара, Нового Южного Уэльса, Южной Австралии и Новой Зеландии.

Американцы были стойкими русофилами. Вот что писали об атмосфере в Вашингтоне того времени: «Русские дипломаты, как правило, были в весьма дружеских отно-

* Виктория — столица провинции Британская Колумбия, расположенной на западе Канады.

** Патриотический фонд — благотворительная организация, созданная в 1854 году в Англии и Ирландии для помощи семьям солдат, участвовавших в Крымской войне.

шениях с конгрессменами и простыми гражданами, а вот пруссаки и французы встречались с определенными трудностями как в Государственном департаменте, так и при общении с жителями столицы». Американский атташе в Санкт-Петербурге замечал: «Отношения с российским и властями, включая императора, таковы, что лучше и желать нельзя». Посол Соединенных Штатов в России Нейл Браун считал Николая «совершенно неотразимым» и рукопожатие государя называл «славной республиканской хваткой». В докладе государственному секретарю он писал: «По отношению к Соединенным Штатам его величество настроен настолько благожелательно, насколько он вообще может испытывать добрые чувства к стране со свободными общественными институтами».

Не удивительно, что президент Соединенных Штатов Пирс заявил: «Мы со всей искренностью желаем сохранить нейтралитет, но возможно ли это, ведает лишь Господь». Англо-французский альянс, созданный для противостояния «северным варварам», в качестве еще одной своей цели обозначил «действия в полном взаимном согласии для проведения эффективной политики во всех других частях земного шара включая Западное полушарие». При таких угрожающих обстоятельствах сохранение строго нейтралитета было весьма проблематичным, и вскоре стало ясно, что симпатии Америки склоняются к России. «Американский народ не осведомлен о спорных вопросах и разногласиях, ставших причиной этого конфликта, но он почти инстинктивно принимает сторону России», — писал американский историк Фостер Риа Даллес. Одним из источников пророссийских (а скорее — антибританских) настроений американцев были многочисленные ирландские иммигранты. Характерной реакцией ирландцев на события в Крыму стал митинг в Нью-Йорке в 1854 году в честь известного ирландского повстанца Уильяма Смита О'Брайена*, отбывавшего

* О'Брайен, Уильям Смит (1803–1864) — деятель ирландского национально-освободительного движения, один из лидеров ирландской оппозиции в английском парламенте.

заклучение в английской тюрьме. На митинге произносились антибританские речи и, как свидетельствовала пресса, «трижды звучали приветственные крики в адрес русского царя».

В штате Кентукки был сформирован военный отряд для помощи русским войскам в Крыму. Нью-йоркская фирма «Уэбб энд компани» завершила постройку заказанного Николаем парохода и отправил его в Россию вопреки общепринятым правилам нейтралитета. Министры Англии и Франции выразили государственному секретарю Марси протест по поводу якобы имевшего место оснащения российских каперов на верфях Соединенных Штатов. Известная фирма по производству стрелкового оружия полковника Сэмюэла Кольта* поставляла в Россию материалы и обучала российских специалистов. Пятнадцать американских инженеров отправились в Россию помогать в строительстве железных дорог, и тридцать американских врачей служили в российской армии в Крыму, причем большая часть из них обучалась медицине в Париже. В Иллинойсе, однако, произошло событие другого порядка: законодательное собрание штата приняло резолюцию, осуждающую «агрессивную политику российского императора», и потребовало от губернатора штата «направить царю копию этой резолюции». Известный своим практицизмом военный министр Джефферсон Дэвис решил извлечь пользу из военных событий в Европе и отправил туда комиссию в составе трех человек с поручением «наблюдать за ходом боевых действий» и посылать отчеты, обращая особое внимание на «транспорт, обмундирование, вооружение, артиллерию, снабжение армий, оборонительные сооружения и мосты». Помимо прочего комиссия получила указание собрать сведения об «использовании верблюдов в качестве транспортного средства и приспособленности этих животных к работе в холодном климате и в горной местности».

* Кольт, Сэмюэл (1814–1862) — изобретатель стрелкового оружия, в 1835 году запатентовал знаменитый револьвер с барабаном, который автоматически подавал очередной патрон к стволу.

В ходе кровопролитных сражений в Крыму крупные страны мира одна за другой отказывались от политики нейтралитета и принимали сторону англо-французских союзников. Однако Соединенные Штаты оставались тверды в своем нейтралитете с перекосом в сторону России, и Николай (а затем Александр II) не раз направляли президенту Пирсу и государственному секретарю Марси послания с благодарностью «за слова поддержки и ободрения и за щедрую помощь». В разгар войны США предложили враждующим сторонам посредничество — как бы в ответ на российское предложение помочь закончить войну 1812 года*. К моменту окончания Крымской войны Соединенные Штаты были единственной страной в мире, которая не стыдилась и не боялась проявлять дружеские чувства к России.

Для военной науки Крымская война представляет особый интерес. После нее уже редко использовались тесные боевые порядки кавалерии и пехоты. В дальнейшем предпочтения отдавались открытым, гибким построениям и окопам. В частности, в британских войсках это означало завершение целой эпохи — отныне английские солдаты не будут идти в бой в красочных парадных мундирах, с развевающимися знаменами вступать в схватку с противником и шагать навстречу пулям под волнующие звуки полковых оркестров.

Крымская война открыла эру капсюльных ружей. Винтовка Минье** имела решающее преимущество перед гладкоствольным неуклюжим мушкетом. Винтовка заряжалась патронами с цилиндрической, переходящей в конус пулей, а не круглыми пулями и обеспечивала гораздо большую точность огня. Британская армия использовала французскую модель, приспособив ее к своим требованиям. В городе Энфилде был построен завод по производству винтовок, получивших от места своего изготовления

* Речь идет об англо-американской войне 1812–1814 годов, закончившейся Гентским мирным договором в декабре 1814 года.

** Клод-Этьенн, Минье (1804–1879) — французский офицер, радикально усовершенствовавший стрелковое оружие.

название «Энфилд», которые вскоре стали стандартным вооружением армии ее величества.

В военных целях стал использоваться электрический телеграф, и в обиход вскоре вошло слово «телеграмма». Правительство, сидя дома, получило возможность лучше контролировать действия генералов на поле боя. Первые получили распространение облегченные военные железные дороги; сообщение по такой дороге от Балаклавы до фронта имело для союзников поистине неоценимое значение. Заслуженное место заняла фотография — ее возможности по достоинству оценили в военной и военно-морской разведке. Один из журналов писал: «Береговая линия, форты, крепости, расположение судов и воинских частей, особенности местности, позиции войск — все это можно мгновенно запечатлеть и воспроизвести путем объемного моделирования с точностью, намного превосходящей точность словесного описания». Первым военным фотографом стал Роджер Фентон, постоянно сопровождавший войска со своим фотографическим аппаратом. С ним работал непосредственно на местах сражений У.Х. Рассел, первый профессиональный военный корреспондент, посланный в Крым редакцией газеты «Таймс». Репортажи Рассела о ходе боев, о сильных и уязвимых сторонах союзных войск, о потерях и состоянии боевого духа были настолько подробными и точными, что один из русских заметил: «У нас нет нужды в шпионах — нам достаточно почитать “Таймс”».

Наконец, как я уже упоминал, именно во время Крымской войны получила известность основательница современной службы медицинских сестер, одна из самых замечательных личностей в истории Флоренс Найтингейл. Она не только положила начало современной системе гигиенического ухода за ранеными в госпиталях, но и вызвала к жизни революционные перемены в лечении обычных солдат. Дочь весьма обеспеченных, образованных и берегающих свой социальный статус родителей, Флоренс отказалась от весьма удачного замужества, которое прочили ей в семье, и нашла истинное призвание в помощи больным. Работа медицинской сестры в то время

не пользовалась ни малейшим уважением и была уделом представителей низов общества, в том числе алкоголиков и проституток. Упорство и решимость, выдающиеся организаторские способности и невероятная сила убеждения, свойственные Флоренс Найтингейл, сделали эту женщину легендой еще при жизни. В октябре 1854 года Флоренс отплыла в Крым в группе из тридцати восьми сестер, и уже через месяц под ее опекой находились пять тысяч раненых. За полгода ее деятельности смертность в полевых госпиталях снизилась с 44 до 2,2 процента. В невыразимых условиях грязи, общего запустения, нехватки медикаментов Флоренс Найтингейл трудилась не покладая рук, иногда по двадцать часов без перерыва, чтобы как-то облегчить положение рядовых солдат. Страдания раненых и умирающих и сверхчеловеческие усилия этой хрупкой героини ярко описаны в подробнейшей биографии Найтингейл, принадлежавшей перу Сесил Вудем-Смит.

В тени Флоренс Найтингейл часто теряются менее известные личности, которых мы не можем обойти вниманием. В отличие от Найтингейл Мэри Сикоул вышла отнюдь не из высших слоев британского общества. Эта склонная к риску жительница Ямайки была дочерью шотландского солдата и свободной черной женщины. Изучая целебные свойства трав, Мэри Сикоул добилась хороших результатов в лечении холеры и желтой лихорадки. Когда разразилась Крымская война, она выразила желание отправиться на фронт, чтобы там лечить больных и раненых. Из-за ее расовой принадлежности лондонские власти, ведавшие набором медицинских сестер, отказали ей даже в предварительной беседе. «В моей душе в первый — и, слава Богу, последний — раз возникли сомнения и подозрения, — писала Мэри. — Неужели свойственные американцам предрассудки в отношении к цветным пустили корни и здесь? Неужели эти дамы откажутся от моей помощи потому лишь, что моя кровь течет под более темной кожей, чем их?»

Отнюдь не обескураженная, Мэри отправилась сначала в Турцию, а вскоре уже оказалась в Балаклаве, где откры-

ла так называемый «Британский отель» — на самом деле приют для поправляющихся раненых и больных. По вечерам она надзирала за своим приютом, а днем была на передовых позициях, оказывая помощь раненым. Вскоре она стала хорошо известна всем воюющим — ее легко узнавали по яркому цветастому наряду и мулу, нагруженному перевязочным материалом, сумкой с набором медицинских инструментов и кое-какой едой. Когда в сентябре 1855 года пал Севастополь, она была первой женщиной, вошедшей в город, где тут же принялась раздавать еду и помогать раненым. Хотя Мэри стала популярной фигурой в глазах британского общества, правительство долгое время не оценивало по достоинству ее героизм и самоотверженность. Только через несколько лет после окончания войны ее без большой огласки наградили Крымской медалью. Такова была эта черная героиня с Карибских островов.

Лечение или профилактика заболеваний в значительной мере зависит от питания. Союзные войска в Крыму, да и армии в более поздние времена многим обязаны французу, который в течение двадцати лет был шеф-поваром престижного лондонского клуба «Реформ»*. В начале 1855 года этот непредсказуемый мсье Алексис Сойе вызвал замешательство в свете, объявив одновременно о своем уходе из «Реформа» и намерении отправиться на Восток, чтобы принять на себя ответственность за питание армии. Сойе не испытывал сомнений в своих способностях и важности взятой на себя роли. («Я знал, что мисс Найтингейл окажет мне значительную помощь при работе в крымских госпиталях», — писал он.) Оказавшись на фронте, изобретательный француз со всей энергией принялся за оборудование кухонь самого разного назначения — судовых,

* Членами клуба «Реформ» состоят высшие государственные чиновники, политические деятели, видные журналисты. Основан в 1832 году, когда был принят закон о реформе парламентского представительства, откуда клуб получил свое название.

полевых, госпитальных. Он изобрел новые плиты, духовые шкафы, различные виды кухонного оборудования. Он стал выпекать новые сорта хлеба, готовить новые виды соусов и подливок и обучать желающих кулинарному искусству. Из-под его пера вышло великое множество простых и вкусных рецептов, которые с удовольствием перенимали солдаты. Примеры таких рецептов читатель сможет найти в Приложении.

Подобно тому как винтовка Минье и разрывные снаряды изменили лицо армии, бронированные военные суда, движимые гребными винтами, сделали совершенно иным флот. «Мы не должны обманывать себя, говоря, что до сих пор наши винтовые двигатели — всего лишь эксперимент, а не новое слово в военном деле», — писал «Бентлизи мэгэзин». Действительно, эксперимент был весьма успешен и положил конец эре парусного флота. Русскому флоту пришлось обороняться, и российские инженеры прикладывали все усилия для разработки новых видов вооружения. В 1839 году француз Фортье изобрел *boulet asphyxiant** и предложил его своему правительству, но французское военное ведомство не проявило интереса к этому изобретению, и им воспользовались в России. «В описании изобретения Фортье говорится, что оно представляет собой жидкое пламя, горящее под водой, которое способно вызывать смерть от удушья у всех, кто находится не далее определенного расстояния от взрыва. — Отчет об этом оружии сообщает далее: — Если российский император проявит действительную заинтересованность в обладании этим несущим смерть изобретением, объединенные флоты всего мира окажутся бессильны перед ним».

Начались разработки подводных устройств. «Удивительный эксперимент проделан в Марселе доктором Пайерном. Вместе с тремя моряками он опустился на дно в присутствии сотен зрителей, а затем, поднявшись, про-

* Буквально — удушающее ядро (*фр.*).

ник в орудийный порт военного корабля, не замеченный его командой»*.

В Англии было объявлено о создании устройства, получившего название «переносной плавучий подавитель волн Макинтоша». Действие этого изобретения, как сообщалось, «было основано на понимании механизма возникновения волн и на теории их подавления». Ослабляя штормовые волны, это устройство якобы позволяло устраивать гавани в местах, которые ранее были недоступны во время штормов.

Крымская война как выражение русско-турецкого конфликта была одной из целой серии войн, вспыхивающих каждое поколение. Таковы были войны 1768–1772, 1787–1792, 1806–1812 и 1828–1829 годов, а после Крымской войны эта традиция продолжалась в 1875–1878 и 1914–1918 годах. Как война с участием западных держав Крымская война оказалась первой, в которой Россия воевала с европейской коалицией, и первой же в новой истории, в которой Англия и Франция воевали на одной стороне. Вторжение в Россию стало также очередным в целой серии предыдущих и последующих, включая нашествие Наполеона в 1812 году, германских войск в 1916–1918 годах, западных союзников в 1919–1920 годах и снова Германии в 1941–1944 годах. Географические особенности, климат и упорство русских в совокупности отбили все эти вторжения. Думаю, для союзных войск обернулось удачей, что в ходе Крымской кампании они не стали вторгаться в глубь России.

* Можно добавить еще более впечатляющие оценки изобретений французского инженера Проспера Пайерна (1806–1886), данные в одном из британских журналов в 1854 году: «Изобретатель доктор Пайерн не только открыл средство для опускания на дно моря и работы там в течение желаемого времени, заменяя химическими реагентами поглощенный кислород, но он также открыл способ управления лодкой с помощью пара с такой же легкостью, как если это было бы на поверхности. Он может начать рейс на своей лодке из любого порта во Франции и достичь берегов Англии, оставаясь все время в подводном положении».

В течение сорока лет, предшествовавших Крымской войне, ни одна из великих держав Европы не воевала с другой, зато после этого столкновения менее чем за двадцать пять лет Европа пережила целых пять крупных войн: франко-австрийскую (1859), датско-австро-прусскую (1864), австро-прусскую (1866) франко-прусскую (1870) и русско-турецкую (1878). При этом причины этих конфликтов восходят непосредственно к последствиям Крымской войны.

Еще одним следствием Крымской войны стало содействие появлению такой организации, как Международный Красный Крест, официально учрежденной в 1864 году Женевской конвенцией. Сообщения военных корреспондентов с места боев очень ярко и живо описывали гибель и страдания людей. Тяжелые климатические условия, пневмония, тиф, гангрена, холера и постыдное бессилие медицины на фронте — все это вызвало озабоченность европейской общественности. Стали меняться представления о ценности человеческой жизни, повысилось уважение к правам отдельного солдата.

Но пожалуй, наиболее важным итогом этой войны стало исчезновение страха перед российской мощью, который долго влиял на европейскую политику. В 1815 году, после того как русский царь возглавил коалицию, которая нанесла поражение Наполеону, Россия оказалась самой могущественной европейской страной. После революций 1848 года она не просто обладала военным превосходством, а превратилась в настоящую сверхдержаву того времени и заняла доминирующую позицию в мире. Именно тогда Николай получил прозвище *gendarme de l'Europe*. Пагубный исход Крымской войны сверг Россию с этого пьедестала, жандарма лишили силы. В последующие двадцать лет Россия была всего лишь одной из равных, но отнюдь не сверхдержавой. Затем, с быстрым укреплением Германии после 1870 года, бывшее превосходство царя перешло к кайзеру.

После унижительных поражений в Крымской войне Россия поняла, что не в состоянии соперничать со странами Западной Европы, где экономика и социальное устрой-

ство претерпели изменения в результате промышленной революции. Правительство России было дискредитировано открывшейся коррупцией, которая глубоко проникла в политику и экономику. Несмотря на определенные успехи в материальной сфере, достигнутые за предшествующие десятилетия, война ярко продемонстрировала техническое отставание России, особенно в развитии транспортной инфраструктуры. Как сказал один историк, «это была лебединая песня старого уклада России, обозначившая конец Средневековья и начало новой истории». После подписания Парижского мирного трактата в 1856 году в стране началась грандиозная перестройка, которая очень скоро поставила Россию перед необходимостью реформ, включая отмену крепостной зависимости крестьян и модернизацию законодательства. Лишь позже, когда Александр II и его преемники остановили процесс реформирования сверху, в стране стало нарастать революционное движение снизу. Поэтому можно считать, что семена большевистской революции 1917 года вызревали в плодородной почве, подготовленной итогами Крымской войны.

Во время войны Россия оказалась в изоляции, которая продолжилась и после подписания мирного договора. От нее вскоре отвернулась даже Австрия, ее единственный верный друг. В самом начале конфликта император Франц-Иосиф I объявил о своем нейтралитете, а затем, поколебавшись, разорвал альянс с Россией. В конце концов он пригрозил Николаю, что присоединится к союзникам, и тем вынудил царя к мирным переговорам. Даже Пальмерстон посчитал это предательство «бесчестной игрой». Этот новый поворот в австро-российских отношениях внес свою ноту в похоронный звон колоколов по европейскому союзу.

Если Россия осталась в одиночестве к концу войны, то и об Австрии можно сказать то же самое. Утратив добрые отношения с Россией, Франц-Иосиф не смог приобрести дружбу Англии или Франции. Обе эти страны сочли политику Австрии слишком выжидательной, осторожной и ненадежной.

Премьер-министр Сардинии, граф Камилло Кавур, «дородный мужчина в очках, с бакенбардами, чрезвычайно любезный в речах и обожающий формальности во всем», занял было наблюдательную позицию, следя за развитием событий. На двенадцатом часу войны «этот дальновидный политик, решившийся — как и следует великим политикам — сыграть по-крупному, убедил парламент Турина послать в Крым контингент сардинских войск».

В апреле 1855 года король Виктор-Эммануил попросился с пятнадцатью тысячами своих солдат и те отплыли в Балаклаву. К моменту возвращения сардинского контингента двадцать восемь человек было убито в сражении у Черной речки и тысяча погибла от холеры. Это, разумеется, тоже потери, но они несравнимы с потерями в войсках других стран. Правда, судьба благоволит храбрецам. Когда в Париже собралась мирная конференция, граф Кавур занял свое место за столом переговоров, сидя как равный среди представителей великих держав Европы. И вскоре в повестку дня был поставлен «итальянский вопрос»: присутствию австрийцев на Апеннинском полуострове следует положить конец.

Австрийские власти в Италии ведут себя с непозволительной заносчивостью, заявил Кавур, что создает угрозу миру и может нарушить баланс сил в регионе, а продолжающееся присутствие австрийских вооруженных сил на итальянской земле противоречит условиям Венского договора. Лорд Кларендон, предусмотрительно настроенный должным образом сардинским премьером, обрушил обвинения на некомпетентность правительств Неаполитанского королевства и Папского государства, после чего в число обсуждаемых тем был включен вопрос объединения Италии. Однако после обмена мнениями стало ясно, что большого желания продолжать эту дискуссию и настаивать на выводе австрийских войск с Апеннинского полуострова у участников конференции нет. Впрочем, Кавур не был разочарован — ведь на этой конференции ему удалось обеспечить своей маленькой стране равное место среди великих держав. Наполеон III выказал свое сочувствие целям сардинского премьера, и никто не поспе-

шил поддержать Австрию, а менее всех прочих — Россия. В течение трех лет после Парижской конференции сардинские и французские войска воевали против оставшейся в одиночестве Австрии и добились независимости Сардинии. А вскоре произошло и объединение Италии.

В Британии прекращение военных действий также ускорило проведение реформы — это была реформа армии. Крымская война стала первым вооруженным конфликтом, при котором население страны в полной мере оценило лишения и страдания простых солдат, их мужество и стойкость. Подводный телеграфный кабель и фотография сделали возможными быструю передачу новостей с фронта и сохранность этих сведений для последующего изучения. В результате ошибочные действия по руководству армией немедленно и в полном объеме становились известными обществу. Уже в начале войны отчеты с места событий говорили о вопиющей нехватке продовольствия, медикаментов и перевязочных материалов, о недостатках в транспортных средствах и в организации размещения войск, о некомпетентности управления. Все эти грубые промахи вызвали громкое возмущение в обществе и приблизили реформы. Новые правила и инструкции касались всех сторон организации армии — условий службы, обязанностей офицеров, медицинского обеспечения и госпиталей, строительства казарм, вспомогательных служб, программ обучения и тренировки и так далее. Армейские порядки, устаревшие за сорок лет мирного времени, стремительно менялись. Война остановила процесс разложения, который мог привести к краху британской армии и сделать ее бессильной перед необходимостью в будущем решать жизненно важные задачи.

В финансовом отношении затраты на Крымскую войну для Британии были относительно небольшими. Деловая активность не уменьшилась, средства для капиталовложений не истощились, безработица отсутствовала. Военные расходы покрывались за счет заимствований, но при этом около половины из семидесяти миллионов фунтов, потраченных на войну, были получены путем резкого увеличения подоходного налога.

Турция покрывала военные расходы заимствованиями, полученными под гарантии Британии и Франции, и в результате этот «больной Европы» увеличил свой долг западным странам более чем вдвое. Таким образом английские и французские держатели турецких облигаций приобрели влияние на внутренние дела Порты*. По условиям мирного договора союзники смогли принудить султана объявить о равенстве христиан и мусульман перед законом. Религиозной дискриминации был положен конец, права общественных учреждений и организаций подтверждены, включая их право открывать религиозные учебные заведения различных конфессий. Турция сделала значительный шаг в своем развитии по западному образцу, с тем чтобы войти в семью европейских государств, не потеряв своей целостности и независимости. Крымская война отсрочила падение и раздел Османской империи.

Такова была эта война, и таковы были весьма значительные, хотя и непреднамеренные, ее результаты — немедленные и долгосрочные. Мог ли кто-либо десятью годами ранее ожидать подобных потрясений — тем более те политики, которые вели переговоры с Николаем I во время его визита в Британию в 1844 году?

По возвращении из Виндзора в Лондон Николай, к своему удивлению, встретил там прибывшего из Санкт-Петербурга лейб-медика Мандта. Сведения о болезни Адины оказались неутешительными — дочь царя страдала от прогрессирующего туберкулеза. Одно легкое было поражено полностью, и надежд на излечение принцессы не было. Подавленный этим известием, император решил немедленно возвращаться в Россию и приказал подготовить отплытие к следующему дню.

* Порта (Османская Порта, Блистательная Порта, Высокая Порта) — принятое в истории дипломатии и международных отношений название правительства (канцелярии великого визиря и дивана) Османской империи; так же называли само здание канцелярии великого визиря.

Вынужденный отъезд Николая был столь же стремительным и неожиданным, как и его прибытие в Англию. За девять дней, которые продолжался визит, императору удалось произвести на британцев большое впечатление и несомненно покорить сердца дам. «Не монарх оказался столь выдающейся личностью — скорее мужчина явил нам поистине царственное величие», — призналась одна из его поклонниц. Важнее, однако, были результаты бесед императора с сэром Робертом Пилем, Абердином и другими членами кабинета. Николай достиг поставленной цели: Россия и Британия пришли к соглашению. Обе стороны решили, что в интересах мира необходимо сохранить независимость Турции и при этом сделать все возможное, чтобы она и впредь пребывала в ослабленном состоянии. Да, Турции надлежало оставаться слабой, но не слишком — у султана должно быть достаточно сил, чтобы не только противостоять попыткам Франции установить господство над этой страной, но и провести совершенно необходимые внутренние преобразования.

Кроме того, стороны сошлись на том, что, «в случае непредвиденных событий в Турции» — иначе говоря, если правительство султана падет или возникнет угроза существования Турции со стороны какой-либо иностранной державы, — Британия и Россия будут действовать согласованно. Николай торжественно пообещал не предпринимать никаких шагов без консультаций с Британией. Пиль и Абердин, в свою очередь, заверили императора, что Британия не станет действовать односторонне. В довершение всего было решено, что, буде поддержка султана в дальнейшем станет невозможной, Россия и Англия обсудят детали, связанные с разделом Османской империи, вместе с Австрией, игнорируя любые претензии или возражения со стороны Франции.

Британия и Россия договорились, что отныне будут взаимодействовать во всем, что касается турецкой проблемы. «Соглашение 1844» стало тайным договором между двумя странами, но, в отличие от Мюнхенского договора между Россией и Австрией, в Лондоне не состоялось подписание какого-либо документа. Это соглашение было

устным, скрепленным рукопожатием и *parole de gentleman*. «Чрезвычайно благоприятно, что Николай... к тому же оказался человеком, на чью честность и верность слову можно без всякого риска положиться», — писал лидер оппозиции лорд Мельбурн. После возвращения императора в Санкт-Петербург Нессельроде составил меморандум, где в письменной форме были изложены основные положения достигнутых договоренностей. Последовавший обмен письмами между министрами обеих стран означал формальное признание этого меморандума британским правительством. Таким образом мир в Восточном Средиземноморье, включая Проливы, был обеспечен. Теперь в соответствии с Мюнхенгрецким договором и Лондонским соглашением Россия, Британия и Австрия должны были действовать в отношении Турции совместно в общих интересах.

Однако Николай в то время не учел одного весьма уязвимого места в достигнутом соглашении. Хотя стороны и решили предпринять совместные действия по обеспечению преемственности власти в Османской империи «до того, как та распадется», договор не определил временных рамок для таких действий. Каждая сторона могла иметь отличную от партнера по договору точку зрения на то, произойдет ли крах Османской империи в ближайшее время или только в отдаленном будущем. Как мы увидим, в кризисной ситуации 1853 года эта неопределенность приведет к жарким спорам и несогласию по данному вопросу станет причиной войны.

В день отплытия Николай, облаченный в парадную форму, в сопровождении барона Бруннова и свиты посетил русскую часовню. После службы император нанес прощальный визит сэру Роберту Пилю и баронессе Брунновой. Затем царь отобедал с королевой и принцем Альбертом в Букингемском дворце. В пять часов ее величество вместе с принцессой-цесаревной* и принцем Уэльским проводили царя до парадного входа во дворец. Там царь раскланялся с Викторией, любезно пожал руки придвор-

* Титул старшей дочери монарха, присваивается пожизненно.

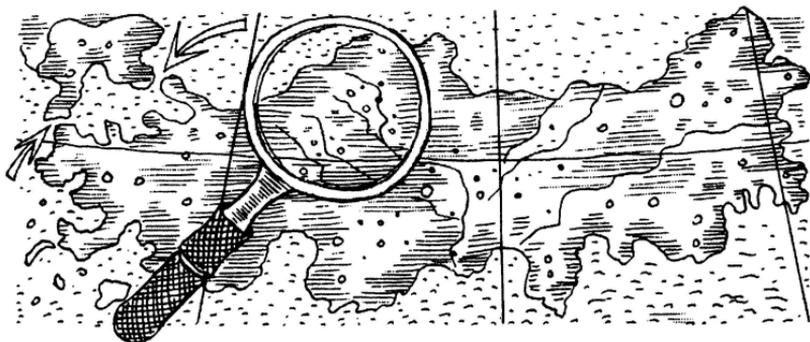
ным, сел в экипаж, где его ожидал принц Альберт, и, с прощальным взмахом руки, покинул королевский дворец.

Процессия из шести карет без задержек проследовала в Вулидж, где в честь императора грянул орудийный салют. Пока на борт судна грузили багаж и завершались приготовления к отплытию, Николай осмотрел верфи. С особым интересом он отнесся к стодвадцатипушечному «Принцу Альберту», стоявшему на стапелях. Наконец, распрощавшись с Альбертом и пожав руки другим провожающим, государь поднялся на борт «Черного орла». Когда уже поднимали якорь, вблизи императорского корабля показалась лодка с одиноким гребцом. Оттуда на борт корабля подняли внушительную охапку свежей соломы, предназначенной для матраца императора. Даже в роскошных покоях своих дворцов или во время визитов к другим монархам Николай оставался верен спартанской привычке, выработанной с раннего детства, и всегда спал на солдатских матрацах, набитых соломой.

Во время визита царь роздал немало драгоценных изделий, табакерок и денег. Обслуживающему персоналу Букингемского дворца он оставил три тысячи фунтов, капитану «Черного орла», старшему офицеру и главному механику судна он подарил перстни с алмазами, а команде велел выплатить четыреста фунтов. Приличную сумму получили нуждающиеся прихожане церкви Святого Георгия в Вестминстере, а также «Немецкий госпиталь» и служащие российского посольства. Драгоценный дождь излился и на многих других людей, прислуживавших царю.

«Черный орел» отдал швартовы, и его величество послал с палубы судна прощальный привет английским берегам. Корабль спустился по Темзе и взял курс на восток.

Глава 4
«Действует некая роковая сила»

Ее назвали «самой странной и ненужной войной». Но сколь бы странной ни была эта война, еще более странными представляются причины, которые к ней привели. Тьер, некогда занимавший пост президента Франции, считал, что то была война за возможность «дать нескольким монахам ключ от пещеры». Мысль простая, но не лишенная основания. «Крымская война, — утверждает английский историк профессор Дж. Б. Хендерсон, — стала результатом пассивности дипломатов и некомпетентности правительств». Трудно не согласиться с профессором. « [Крымская] война и ее причины, — сухо замечает Энгельс, — это колоссальная комедия ошибок, в ходе которой в каждый момент задается вопрос: “Кого надувают на этот раз?”». Надувательство — вот что это было. Так кто же тому виной?

Существует пять *dramatis personae**, на плечи которых можно по справедливости возложить вину за крымскую трагедию.

Наполеон III — стремясь превзойти своего знаменитого дядю, он оказался «слишком мелкой фигурой для великих дел, которые вознамерился совершить».

Честолюбивый Николай I — следуя тысячелетней традиции своих предшественников, царь устремил алчный взор

* Действующих лиц (лат.).

на Константинополь, жемчужину рассыпающейся Османской империи. (Следует заметить, что оба императора не шли ни на какие уступки, а их взаимная неприязнь граничила с ненавистью.)

Напыщенный, чванливый и задиристый князь Меншиков*, посол русского царя для специальных поручений, — он был направлен в Константинополь, чтобы разобраться с «этими жалкими турками», и, прибыв в Порту накануне войны, просто излучал оскорбительное высокомерие. (Несколькими годами ранее несчастливый выстрел турка лишил князя мужского достоинства.)

Стратфорд Каннинг, твердокаменный посол ее величества королевы Британии в Константинополе, — этот господин привык бесконтрольно использовать свою власть и влияние, не допуская вопросов даже со стороны собственного министерства иностранных дел.

И наконец, воинственный лорд Пальмерстон, властный и волевой политик в слабом коалиционном кабинете министров, — не испытывая доверия к России, он полагал важнейшей задачей поддерживать силу Турции.

Казалось, что эта война возникла случайно в результате серии незначительных и не связанных друг с другом событий, которые постепенно и неумолимо толкали великие державы к столкновению. «Похоже, здесь действует некая роковая сила», — с сожалением говорил Абердин. Сначала во Франции взошел на трон Наполеон III, и ему понадобилось во что бы то ни стало укрепить свое шаткое положение. «Наполеон, — заметил Бисмарк, — смутно понимал, что ему необходима война», ибо только война могла возвеличить новую империю и утолить тщеславие нации. (Она же могла стереть пятно бесславного отступления из России его дяди в 1812 году.) Затем в Англии у руля оказалось вздорное, но лишенное силы коалиционное правительство — и это в год, когда страна втягивалась в войну. В Австрии император Франц-Иосиф, которого Николай

* Меншиков, Александр Сергеевич (1787–1869) — светлейший князь, генерал-адъютант, адмирал; правнук сподвижника Петра I Александра Даниловича Меншикова.

называл своим «братом, сыном и близким другом», заколебался, обманул ожидания России и заставил царя необдуманно свернуть на путь, ведущий к конфликту.

В 1848 году венгры поднялись против власти Габсбургов. Это восстание было безжалостно подавлено — в значительной степени благодаря военной помощи, оказанной Австрии Николаем, — в результате чего тысячи венгров бежали в Турцию. И, как мы увидим, это развитие событий нанесло сокрушительный удар по столь важному для царя союзу с Лондоном.

Бегство венгров да тот самый «ключ от пещеры», который следовало дать монахам, — вот два решающих повода к созданию предвоенной ситуации. Однако в основе неуклонного движения к войне лежали расхождение интересов и честолюбие нежелающих идти на уступки правителей — прежде всего Наполеона III и Николая I — в сочетании со скверной дипломатией. В ткань этого процесса вплетались и другие нити, а именно торговые и экономические выгоды.

За десятилетия, предшествовавшие визиту русского императора в Лондон, и в годы, непосредственно следовавшие за этим визитом, Россия вступила в период индустриализации и стала развиваться настолько стремительно, что составила серьезную конкуренцию Англии в экономическом отношении. Так, за двадцать лет (с 1825 по 1845 год) импорт различных машин и оборудования в Россию увеличился почти в тридцать раз, а количество фабричных рабочих более чем удвоилось, как и число промышленных компаний. С распространением прядильных машин периодического действия открылось множество текстильных фабрик и импорт хлопка-сырца вырос на 280 процентов. Пароходное сообщение, железные дороги и дорожная сеть улучшенного качества соединили между собой развивающиеся промышленные центры. Банкам и страховым компаниям были дарованы льготы, и министру финансов удалось стабилизировать курс рубля. Процветала торговля с Кавказом, а экспансия империи в Азию сопровождалась установлением торговых связей с Китаем. К 1840 году был наконец достигнут активный торговый баланс с этой стра-

ной, а еще через семь лет отношение российского экспорта к импорту в торговых операциях с Китаем составило 12:7.

Внедрение помещиками новых методов и оборудования привело к впечатляющим успехам в росте продуктивности сельского хозяйства. Если в 1825 году в России было 7 заводов по переработке сахарной свеклы, то в 1853 году их число выросло до 380. Производство вина за двадцать лет утроилось, производство картофеля за десять лет возросло в 4 раза. Но самым заметным и важным в тот период был рост производства и экспорта зерна. С 1832 по 1840 год объем экспорта российского зерна ежегодно возрастал на 56 процентов. Самые крупные партии вывозились из южных областей России через черноморские порты. В 1845 году из этих портов было сделано 2222 рейса с грузом зерна, а за два последующих года количество таких рейсов достигло 4231. В российских черноморских портах всегда можно было видеть флаги турецких, французских, британских, австрийских, тосканских и сардинских судов. При этом важно отметить, что суда эти плыли с грузом через Босфор, мимо Константинополя и далее через Дарданеллы.

Связь с закавказскими территориями России осуществлялась по суше и морю. Сухопутные маршруты вели в Турцию, Польшу, Финляндию, Молдавию, Персию, Сибирь и Китай. Порты Балтийского и Белого морей, хотя и закрытые льдами долгие зимние месяцы, тем не менее обеспечивали в сумме больший грузооборот, чем черноморские порты.

В первые десятилетия XIX века Британия была самым крупным торговым партнером России. Так, в 1832 году доля Англии в экспорте России достигала 73 процентов, а доля России в английском экспорте составляла 41 процент. Машины и промышленные товары из Британии обменивались на деготь, пеньку, железо, медь, лен и зерно (в первую очередь пшеницу).

По мере роста промышленного производства в России в течение 40-х и 50-х годов ее торговые связи с соседними странами усиливались, а некогда гигантский объем товарооборота с Британией стал уменьшаться. Сырье теперь

требовалось для внутреннего рынка, и экспортные цены были повышены, что было весьма невыгодно для британской стороны и также привело к сокращению закупок из России. После 1840 года русская текстильная промышленность стала соперничать с английской: не только сами русские предпочитали покупать свою продукцию, но российские ткани вышли на зарубежные рынки. Уже в 1841 году британский посланник в Санкт-Петербурге лорд Блумфилд писал в Лондон: «Главной целью системы запретительных мер и защиты собственных производителей в России является заставить Англию снизить цены на свои товары, поставляемые на Восток. До сих пор, возможно, русским это не удавалось... но им свойственно упорство, и по мере продвижения Российской империи к цивилизации и улучшения дел с транспортом близость России к этим странам может оказать пагубное воздействие на британскую торговлю». Быстро развивающаяся российская торговля уже превратилась в реальную опасность, и можно было ожидать, что близок день, когда Российская империя станет угрожать интересам Англии в Индии и вообще на Востоке.

Стремительный экономический рост России в этот период сопровождался пусть и менее впечатляющими, но также заметными успехами в экономике Турции. Предприятия Османской империи производили все большее количество промышленных товаров, успешно развивалось и сельское хозяйство — особенно в европейских провинциях. Британия не оставляла без внимания возможности Турции как торгового партнера. Еще в 1833 году Пальмерстон послал своего специального представителя Дэвида Уркварта* в Константинополь с тайным поручением собрать сведения о степени экономического развития Османской империи и в особенности о перспективах торговли.

Уркварт с энтузиазмом сообщал в Лондон о «неисчерпаемых богатствах этой империи» и в высшей степени

* Уркварт, Дэвид (1805–1877) — шотландский дипломат и писатель.

благоприятных возможностях для торговли. По мнению Уркварта, из-за недавних конфликтов с Францией в Египте турки не могут полагаться на французов. Что касается России, то исторически она находится в недружественных отношениях с султаном и у последнего есть все основания для тревоги по поводу растущего влияния русского царя в Порте. В то же время Британия не только находится вне подозрений, но и обладает мощным военным флотом, который, в случае конфликта с Россией, можно с пользой для дела предоставить султану. Посланник Пальмерстона пришел к заключению, что установление прочных экономических и политических связей с султаном будет как нельзя лучше соответствовать интересам ее величества. Кроме того Уркварт отметил, что почти все товары, импортируемые из России, доступны и в Турции. Более того, усилив британское влияние в Османской империи, можно значительно проще сдержать осуществление российских планов в Турции, Персии, Индии и других восточных странах. Рекомендации Уркварта были приняты и положены в основу британской политики в отношении Порты на протяжении следующих двадцати лет.

В 1838 году было подписано англо-турецкое торговое соглашение, по которому Британия получила значительное преимущество по тарифам по сравнению с другими странами. Товарооборот между Англией и Турцией вырос невероятно. В обмен на промышленные товары Турция экспортировала в Англию зерно. Если в 1838 году экспорт этого товара был близок к нулю, то в 1842 году он достиг 988 000 бушелей*, а в 1852-м — 15 млн. бушелей. Британский агент в Константинополе полковник Роуз предостерегал лорда Кларендона**, что распад Турции станет «сигналом наступающего краха британской торговли и, шире, британских интересов».

Итак, в то время, как торговые отношения Англии с Россией переживали не лучшие времена, эти отноше-

* Бушель — мера объема, равная 36,4 л.

** Кларендон, Джордж Уильям (1800—1870) — граф, министр иностранных дел Англии в 1853—1858, 1865—1866, 1868—1870 годах.

ния с Турцией, напротив, становились теснее. К 1849 году посол Стратфорд Каннинг почувствовал, что наступил благоприятный момент для заключения договора о союзе с Турцией. Посол убеждал Лондон, что Англии следует оказывать «более решительную и систематическую поддержку Оттоманской империи», иными словами — повернуть Турцию против России. Казалось, теперь инициативы и решения по восточным делам рождаются на письменном столе Стратфорда Каннинга в Константинополе, и это становилось все более заметным. Влияние посла на правительство было очень значительным. Накануне объявления войны Кларендон буквально повторял доводы Стратфорда. Целью этой «борьбы цивилизации против варварства» он назвал «спасение нашей чести и достоинства», а затем продолжал с изрядной долей лицемерия: «Мы ничего не хотим для своей торговли и не опасаемся за наши владения в Индии». Все это было лишь попыткой кружевами слов замаскировать истину.

С точки зрения Николая, его визит в Лондон в 1844 году был более чем успешным. Он очаровал британцев и склонил их к согласию с Россией в отношении Турции. Удовлетворен был и Лондон — ведь спокойствие в зоне Проливов казалось теперь обеспеченным. Особенно довольным результатами переговоров с государем остался лорд Абердин. Даже в 1854 году, за три дня до официального объявления войны с Россией, выступая в палате лордов, он сказал: «Я не нахожу эти договоренности ошибочным... Я готов и сейчас подтвердить свое полное согласие с изложенными в них взглядами».

Тайное соглашение, достигнутое во время визита Николая в 1844 году, отражало взаимопонимание между двумя странами, а не между самодержавным властелином и конституционным правительством. Николай полагал, что это соглашение устанавливает строгие рамки для действий обеих сторон, однако сменяющие друг друга британские кабинеты считали его не более чем моральным обязательством отдельных министров. Поскольку никакого официального документа по этому поводу в делах британского

министерства иностранных дел не было, Бруннову приходилось информировать о деталях соглашения каждый новый состав кабинета.

Несмотря на растущую торговую конкуренцию, англо-российский альянс сохранялся почти десятилетие, окрашенное соперничеством империй и международной напряженностью. Тот факт, что этот союз внезапно рухнул и Британия напала на Россию, объясняется двумя, казалось бы, не связанными между собой процессами, происходившими вдали от вызывающих тревогу мест. В Восточной Европе подняли восстание венгры, а в Западной Европе французы свергли короля.

Тысяча восемьсот сорок восьмой год выдался скверным. В большинстве европейских стран сложилась крайне неблагоприятная экономическая ситуация. Период ускоренного развития начала сороковых сменился депрессией. Ощущалась острая нехватка финансов, прокатилась волна банкротств, резко выросла безработица. Цены на продукты питания взлетели до беспрецедентного уровня. Урожай зерновых в 1845 и 1846 годах оказались весьма скудными. Болезнь, поразившая посевы картофеля и ставшая причиной трагических событий в Ирландии*, распространилась на континент и загубила урожай этой культуры на обширных пространствах вплоть до Богемии. Голодные бунты прокатились по Бельгии, Франции, Германии и Италии. Словно по замыслу темных сил, в тот же период разразилась эпидемия тифа, за которой последовала холера. В Америку отплывали суда, до опасного предела переполненные отчаявшимися беженцами.

В это тяжелое время нужды стали набирать силу революционные движения. Социалисты и анархисты призывали к свержению монархов и изменению существующе-

* Имеется в виду так называемый «ирландский картофельный голод», поразивший страну в 1845–1849 годах из-за эпидемии фитофтороза, уничтожившего картофель, главную сельскохозяйственную культуру Ирландии. В результате голода погибло по разным оценкам от 500 тыс. до 1,5 млн. человек.

го строя. Идеи Мадзини, Бакунина, Бентама, Сен-Симона, Блана* и других овладевали массами. В январе 1848 года Маркс издал свой «Манифест Коммунистической партии». «Пролетариям нечего... терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединитесь!»

Экономический кризис этого страшного *annus mirabilis*** с особенной силой ударил по Франции. Прекратилось строительство железных дорог, в результате чего 600 000 рабочих лишились заработка. Закрывались угольные шахты и металлургические заводы. К безработным, выражавшим недовольство правительством Луи-Филиппа, присоединились обанкротившиеся предприниматели. Громко звучали требования реформировать допускающую злоупотребления избирательную систему. Король отказался идти на уступки и запретил все политические митинги. Тогда граждане нашли другие способы собираться. Организовывались званые обеды — якобы для обсуждения гастрономических пристрастий, но на самом деле речь там сразу же заходила о более насущных проблемах политического толка. Двадцать второго февраля прошел слух, что в Париже должен состояться особенно грандиозный банкет. Несмотря на правительственный запрет, собралась толпа. Люди пели «Марсельезу», раздавались крики «Долой Луи-Филиппа!». За ночь толпа возмущенных французов увеличилась, по улицам шли демонстрации, а к утру возникли баррикады. Вечером 23-го протестующие двинулись к зданию министерства иностранных дел на Кэ д'Ор-

* Мадзини, Джузеппе (1805–1872) — предводитель республиканско-демократического крыла итальянского освободительного движения Рисорджименто, основатель «Молодой Италии»; Бакунин, Михаил Александрович (1814–1876) — русский революционер, теоретик анархизма; Бентам, Джереми (1748–1832) — английский философ, социолог, теоретик политического либерализма; Сен-Симон, Клод Анри де Рувруа (1760–1825) — граф, французский философ, социалист-утопист; Блан, Луи (1811–1882) — французский утопический социалист.

** Чудесного года (лат.).

сэ. Там демонстрантов ожидали королевские войска. Когда толпа приблизилась, раздался залп, и шестнадцать «мучеников» упали на мостовую. К утру город был охвачен восстанием. Король оказался не в состоянии овладеть положением. После полудня он объявил о своем отречении и поспешно уехал в Англию. В Дувре он сошел на берег как некий «господин Смит». Над парижской мэрией взвился трехцветный флаг, республика была восстановлена.

К марту ясные дни сложившегося порядка омрачились: тучи французской революции заволокли небо Европы. В Сицилии разгневанные толпы разоружили гарнизон Палермо и изгнали неаполитанского короля Фердинанда II. В Бельгии радикалы предприняли попытку (впрочем, безуспешную) свергнуть правительство. Правители немецких княжеств уступили давлению либералов и согласились провести реформы. Король Голландии Вильгельм II поспешно провел парламентскую реформу, чтобы успокоить раздраженный средний класс. Даже папа Пий IX был вынужден сложить с себя часть полномочий и объявил о введении конституции в Папском государстве.

Громовые раскаты движений за национальное освобождение и установление конституционного правления особенно громко звучали в Италии. Венский конгресс в свое время принял решение об образовании восьми отдельных государств, каждое из которых было зависимо от Австрии. «Италия — не более чем географическое понятие», — холодно сказал тогда Меттерних. Теперь, через тридцать три года, весь полуостров был охвачен национальным движением, получившим название «Рисорджименто» («Возрождение»). В 1831 году Джузеппе Мадзини, находясь в изгнании в Марселе, основал общество «Молодая Италия». Каждый член общества приносил торжественную клятву посвятить себя «целиком и навсегда борьбе за... образование Италии — единой свободной независимой республики». Тысячи людей из всех уголков этого «географического понятия» стекались под революционные знамена, дабы возродить «величие Рима».

Первый удар по Австрии был нанесен миланцами: они отказывались курить сигары. Приносящая огром-

ную прибыль монополия на торговлю табаком находилась в то время в руках австрийских властей, и отказ от курения не только повлек за собой финансовые потери, но и был справедливо воспринят как явное антиавстрийское выступление. Третьего января австрийское интендантство снабдило сигарами всех солдат, расквартированных в Милане, и те получили приказ курить на улицах. Миланцы реагировали на это с предсказуемой яростью, между ними и австрийскими солдатами возникли стычки. Для защиты солдаты использовали холодное оружие, в результате чего среди горожан были убитые и раненые. Напряжение нарастало, и вскоре вся Ломбардия бурлила. Малейшая искра могла вызвать мятеж. В последующие недели австрийским властям были предъявлены требования освободить политических заключенных, отменить цензуру, созвать национальную ассамблею, упразднить старую полицию и учредить новые полицейские формирования, подчинив их муниципалитетам. Ответов на эти требования не последовало.

Сенсационная новость о свержении Луи-Филиппа быстро распространилась по Италии, и 17 марта у здания правительства в Милане собралась возбужденная толпа. Волнение нарастало с пугающей быстротой, и охрана сделала предупредительный залп холостыми патронами. В ответ на это шестнадцатилетний юноша поднял пистолет и с криком «Да здравствует Италия!» выстрелил в сторону солдат. Толпа двинулась вперед, сломила сопротивление охраны, захватила вице-губернатора и подняла над зданием бело-красно-зеленый флаг республики. К закату по всему городу возникли баррикады, и немногочисленному австрийскому гарнизону пришлось очень туго. Через пять дней австрийские войска, которыми командовал фельдмаршал Радецкий*, отступили из Милана. В тот же день провозгласила независимость Республика Венеция.

Пока разворачивались эти события, революционная буря охватила и другие части империи Габсбургов. В Вен-

* Радецкий, Йозеф (1766–1858) — граф, австрийский фельдмаршал, в 1831–1857 годах главнокомандующий австрийской армией в Северной Италии.

грии, Богемии и, наконец, в самой Вене росло возмущение. «Мы хотим, чтобы имперский трон находился в окружении конституциональных организаций, — заявил Лайош Кошут* на заседании венгерского сейма, — и чтобы свою конституцию имела каждая страна в составе Австрийской империи». Он назвал Вену «слепом», из которого дует «тлетворный ветер». Сейм с энтузиазмом воспринял дерзкую речь Кошута и проголосовал за то, чтобы направить императору послание с требованием конституционного управления для Венгрии.

Воодушевленные смелостью Кошута, жители Вены вышли на демонстрации, и 13 марта площадь Баллхаузплац перед зданием администрации канцлера заполнилась народом. «Долой Меттерниха!» — раздавались крики. Затем толпа двинулась к Хофбургу, резиденции императора. Там, как и следовало ожидать, по людям открыли огонь. Это только усилило ярость толпы, и скоро стычки с войсками и полицией распространились по городу. Канцлер советовал встревоженному императору сохранять твердость и применить силу, в то время как придворные полагали необходимой отставку Меттерниха.

К восьми вечера положение стало критическим, и Фердинанд в конце концов принял решение. Клеменс Меттерних был вызван в кабинет императора и смещен с поста, который занимал в течение тридцати девяти лет. «Скажите этим людям, — бормотал Фердинанд, — скажите им, что я согласен на все». На следующий день Меттерних тайно выскользнул из заднего входа в свою резиденцию и отправился в изгнание.

Как и с падением Бастилии в 1789 году, с уходом Меттерниха завершилась целая эпоха. Не успел канцлер покинуть Вену, как зависимые от австрийской короны народы в разных концах империи настойчиво потребовали реформ. В Венгрии сейму удалось заставить императора принять его требования касательно упразднения феодального уклада, отмены цензуры и создания собственно-

* Кошут, Лайош (1802–1894) — главный организатор борьбы Венгрии за независимость во время революции 18438 года.

го правительства. Премьер-министром стал граф Лайош Баттяни*, а министром финансов — Лайош Кошут.

В Вене был сформирован реакционный кабинет во главе с князем Феликсом фон Шварценбергом, который занял посты президент-министра и министра иностранных дел. В течение девяти дней после вступления в должность князь убедил Фердинанда отречься от престола, сославшись на состояние здоровья. На трон взошел восемнадцатилетний Франц-Иосиф. Новый император находился под влиянием реакционного правительства и был свободен от обязательств перед венграми. Провозглашенная новая конституция была ориентирована в большей степени на обеспечение единства империи, чем на свободу ее подданных. Теперь имперское правительство могло приступить к активным действиям против мятежных мадьяр.

Венгрия отказалась признать нового императора и подтвердила свою верность «законному монарху» Фердинанду. Тринадцатого апреля венгерский сейм выразил несогласие с новой конституцией и в одностороннем порядке принял декларацию независимости: была провозглашена Венгерская республика. На следующий день Лайош Кошут был избран «правителем-президентом» и фактическим диктатором. Так Венгрия неожиданно для себя стала независимым государством и оплотом революции в глазах всей Европы. Однако уже очень скоро в эту только что провозглашенную республику вторгнутся австрийские войска, исполненные решимости повернуть ход событий вспять.

Новая республика отчаянно пыталась укрепить свое положение, добиваясь международного признания. В Париж и Лондон были срочно отправлены соответствующие послания. В трогательном обращении к американскому президенту Тейлору Кошут писал: «Я сам и весь венгерский народ... исполнены желания жить в мире и дружбе со всеми странами, но особенно — с Соединенными Штатами Америки... Мы обещаем содействовать миру и служить идеалам гуманизма и цивилизации, которые столь

* Баттяни, Лайош (1807—1849) — граф, венгерский политический деятель, один из лидеров венгерской революции 1848 года.

блистательно воплощены в американском народе». В ответ Тейлор направил своего представителя Дадли Манна в Вену для встречи с американским поверенным в делах. Манну было поручено изучить венгерскую проблему, оценить «возможное развитие текущих революционных событий» и составить представление о том, «насколько выгодным для США в экономическом отношении смогло бы стать сотрудничество с этой страной». Так что реакция Америки оказалась не слишком обнадеживающей, а ответов от Франции и Британии не последовало вовсе.

Франц-Иосиф оказался в довольно печальном положении, которое обычно так не любят военные специалисты: австрийская армия была разделена на два фронта. В Италии для защиты имперских интересов стояли войска численностью до 160 000. В результате в распоряжении Франца-Иосифа оставалось лишь около 20 000 солдат для поддержания спокойствия собственно в Австрии и противостояния венгерским повстанцам. Молодой император обратился к русскому царю:

С раннего детства я привык видеть в Вашем Величестве твердого защитника монархической идеи правления, а также искреннейшего и надежнейшего друга нашей семьи. Пребывая в убеждении, что Ваше Величество, обладая мудростью, столь ярко отличающей все Ваши деяния, глубоко проник в истинный характер кровопролитной борьбы, развернувшейся в Венгрии, я рассчитываю на поддержку могучей руки Вашего Величества.

Gendarme de l'Europe не замедлил ответить:

Император Австрии попросил Нас о помощи в борьбе с Нашим общим недругом. Мы не откажем ему в этом. Мы отдали приказ о выступлении Нашим войскам, дабы подавить мятеж и уничтожить дерзких преступников, пытающихся нарушить Наш покой и нанести ущерб Нашим землям.

Монархи решили, что совместные военные действия против Венгрии станут семейным делом двух правящих домов.

Николай по-отечески отнесется к нуждам своего юного родственника. Он не ожидал сколько-нибудь весомых ответных услуг и довольствовался чувством удовлетворения от помощи, оказанной Австрии, которая, несомненно, будет за эту помощь крайне признательна. Кроме того, отвечая таким образом на просьбу Австрии, царь посылал предостерегающий сигнал полякам: и не мечтайте о революции в принадлежащей России Польше.

Николай послал в Венгрию стотысячную армию во главе с фельдмаршалом князем Иваном Паскевичем. Тем самым судьба венгерского восстания была предрешена. Окруженные превосходящими силами противника и раздираемые внутренними конфликтами, венгры оказались в безвыходном положении. Десятого августа, после разгрома в битве при Тимишоаре, генерал Гёргей, командовавший венгерскими войсками численностью в 30 000 человек, капитулировал. «Венгрия лежит у ног Вашего величества», — телеграфировал Паскевич царю.

Революционный кризис в империи Габсбургов остался в прошлом. Кошут, члены его правительства и около пяти тысяч венгров и поляков переправились через Дунай и нашли убежище на турецкой территории. Турки, которые почитали гостеприимство священным долгом, охотно приняли беженцев. Эта ситуация породила новый кризис, причем международный по своему охвату, который чуть было не привел великие европейские державы к войне. Не прошло и двух месяцев после капитуляции Гёргея, как духу англо-российского альянса 1844 года был нанесен сокрушительный удар. Взаимное доверие между двумя странами так и не смогло восстановиться. Угроза войны стала на шаг ближе к ее реальному воплощению.

Русские войска разгромили венгерских повстанцев, и Франц-Иосиф вновь обрел власть над Венгрией. Однако для австрийцев венгры оставались мятежниками, а мятежников следовало наказывать. Граф Баттяни был приговорен к унижительной казни через повешение. Желая избежать позора, бывший глава Венгерской республики предпринял попытку самоубийства и нанес себе такие страшные раны в шею, что палач отказался делать свое дело. Графа

расстреляли. Казни подвергли более ста предводителей венгерского восстания, в том числе тринадцать генералов и несколько католических священников. Несколько сот человек по приказу генерала Гайнау были брошены в тюрьмы, множество людей подверглись другим наказаниям. Венгерских аристократов заставили служить в австрийской армии, где они занимали самые низкие должности и выполняли самую неприятную работу. Представители знатных родов становились кучерами в артиллерийских частях и подчинялись простым капралам. От еврейской общины Пешта генерал Гайнау потребовал уплаты 18 000 фунтов, причем на сбор денег отводилось двадцать четыре часа. На городских площадях собирались толпы, чтобы смотреть, как знатных дам, обнаженных до пояса, наказывают ударами плети по обнаженным спинам. Свободная мировая пресса захлебывалась от возмущения. Негодование англичан по поводу бесчеловечности австрийцев одинаково громко звучало в залах Вестминстера и в домах простых обывателей. Гневные обращения, порицающие чудовищное поведение австрийских властей, стекались в министерство иностранных дел со всей Британии.

Те руководители неудавшейся революции, которым повезло больше, оказались в сравнительной безопасности в изгнании. Среди тех, кого приютил султан Абдул-Меджид, были предводители разгромленной венгерской армии, в том числе такие заметные фигуры, как генералы Юзеф Бем и Генрих Дембинский*. Однако не было сомнений, что австрийские власти приложат все силы, чтобы добраться до беглецов. С особым тщанием они охотились за Кошутом, человеком, который олицетворял венгерскую революцию. Русский император был не менее решительно настроен в отношении своих польских подданных, которые поддержали венгров. Он не мог допустить, чтобы

* Бем, Юзеф (1794—1850) и Дембинский, Генрих (1791—1864) — польские генералы с очень похожими судьбами: оба в молодости участвовали в походах Наполеона, были руководителями Польского восстания 1830 года и венгерской революции 1848 года, бежали в Турцию, где служили в турецкой армии.

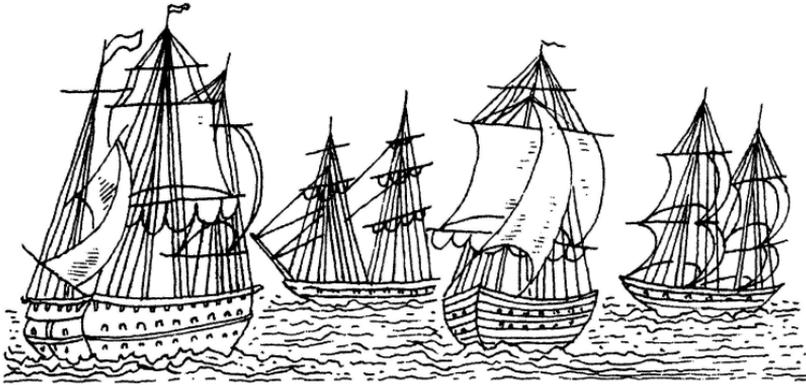
они оставались на свободе и сеяли семена мятежа по всей Европе. Россия и Австрия совместно обратились к Абдул-Меджиду с требованием о немедленной выдаче беглецов.

Получив это требование, султан безотлагательно пригласил во дворец британского посла. Абдул-Меджид хотел узнать у Стратфорда Каннинга, на какую помощь со стороны Британии он может рассчитывать в случае конфронтации с Россией. Ответ, который он собирался дать двум императорам, в значительной степени зависел от того, что скажет посол ее величества.

Стратфорд Каннинг задумался. На весах лежала не только и не столько личная судьба беженцев, но и, что важнее, враждебные намерения России в отношении Турции. Время было дорого, а связаться с Лондоном достаточно быстро представлялось, увы, невозможным. И посол колебался недолго. В случае вооруженного конфликта, заверил он султана, Британия окажет Турции всяческую поддержку. Взволнованный султан был доволен. Теперь у него не оставалось сомнений относительно того, какой ответ он даст Николаю и Францу-Иосифу: ни при каких обстоятельствах беженцы не будут выданы.

Жребий был брошен.

Глава 5 Стратфорд и венгры

В анналах дипломатии трудно отыскать другой пример, когда дипломат по личной инициативе и с подобной легкостью взвалил на свою страну столь серьезные обязательства. И в тех же анналах не менее сложно обнаружить личность менее спорную, но и более обворожительную, чем посол Стратфорд Каннинг, виконт Стратфорд де Редклиф*. По словам одного из английских историков «главная ответственность за развязывание Крымской войны должна быть возложена на Стратфорда Каннинга». И хотя, возможно, это обвинение не на сто процентов справедливо, у нас нет сомнений, что Стратфорду принадлежит ведущая роль в развитии событий, которое привело к началу войны.

Каннинг пользовался огромным влиянием в турецкой столице на протяжении шестнадцати лет с несколькими краткими перерывами. Это беспрецедентное влияние распространялось на всю Османскую империю, дипломат, по существу, имел почти неограниченную власть. И султан, и его подданные называли его Великий Элчи («посол»). Евреи, несторианцы, арабы, друзы — все, кто страдал от преследований, притеснений, дискрими-

* Стратфорд Каннинг, Чарльз, лорд Редклиф (1786–1880) — английский дипломат.

нации, — обращались к этому англичанину за помощью и защитой. Лорд Раглан*, главнокомандующий британскими экспедиционными войсками в Крыму, как-то раз сказал одному из младших офицеров: «Этого желает лорд Стратфорд, а вам надлежит помнить, что желание лорда Стратфорда для меня закон».

Было бы опрометчиво считать Стратфорда обычным послом, исполняющим волю своего правительства. В то время иностранные представители обладали значительно большей независимостью от властей своей страны, чем это имеет место сегодня. «Когда он начинал свою дипломатическую карьеру, — сообщает Лейн-Пул, писавший биографию Каннинга еще в XIX веке, — связь с министерством иностранных дел не могла осуществляться быстро и регулярно. На то, чтобы получить в Константинополе ответ на свой вопрос и указания из Лондона, уходило до четырех месяцев, а к тому времени, когда эти указания приходили, проблема, ради которой их запрашивали, могла отойти в прошлое. Поэтому посланник был вынужден действовать по собственному разумению, беря на себя ответственность. Отчасти из-за удаленности от Англии, отчасти из-за того, что министерство иностранных дел предпочитало не замечать молодого дипломата в течение почти всего периода его первой миссии в Константинополь, он приобрел такую привычку к самостоятельным решениям, которая немислима для современного посла». Зависимость от инструкций из Англии была неприемлема для человека, который так долго и успешно действовал исключительно по собственной инициативе.

Стратфорд Каннинг приходился двоюродным братом премьер-министру Джорджу Каннингу. В молодые годы он учился в Итоне, где, по его признанию, уже отличался самоуверенностью. Блестящий ученик, но не преуспевающий в спорте — лишь однажды ему удалось сыграть в крикет за свою школу в матче с командой Хэрроу, в которой,

* Раглан, Фицрой Сомерсет (1788—1855) — барон, британский военачальник, фельдмаршал.

кстати говоря, играл юный поэт Байрон. Затем Стратфорд поступил в Кембридж, где, как он писал, студенты пользовались «сомнительным преимуществом переходить со ступени на ступень без экзаменов». Университетские занятия Каннинга были прерваны назначением на должность второго секретаря британского посольства в Копенгагене. В 1808 году Стратфорд отправился в свою первую поездку в Константинополь, где спустя год в возрасте всего лишь двадцати четырех лет занял должность полномочного представителя. За несколько месяцев пребывания в Порте молодой дипломат весьма точно оценил обстановку в Османской империи. Своему знаменитому кузену, в то время министру иностранных дел, он написал: «Эту империю разрушат отнюдь не силы, пришедшие с севера или юга, — она прогнила изнутри. Средоточие разложения находится в самом Константинополе».

В 1820 году Стратфорд был назначен посланником в Соединенных Штатах. В Вашингтоне он провел четыре года, чувствуя себя глубоко несчастным. Он жаловался на все — общество, жару, скуку, провинциальность, городские улицы. Единственным достоинством американской столицы он считал чистый воздух.

Сила характера Стратфорда и в равной степени его недовольство назначением на эту должность не укрылись от президента Джона Адамса, который писал:

«Это высокомерный англичанин со вспыльчивым нравом... склонный подавлять окружающих, и я нередко был вынужден ставить его на место тем же способом. Из всех иностранных представителей, с которыми мне довелось общаться, он в наибольшей степени испытывал мое терпение... При этом господин Каннинг с величайшим уважением относится к своему слову и совершенно лишен фальши... Это человек строгих нравственных принципов, придающий большое значение форме и тщательно следующий принятым в нашем обществе правилам. Как дипломату ему недостает гибкости, зато к его несомненным достоинствам следует отнести откровенность».

В течение девятнадцати лет после отъезда из Вашингтона, а именно до 1853 года, Каннинг служил в несколь-

ких европейских столицах, включая четыре периода работы в Константинополе. Дважды дипломатическая карьера Стратфорда прерывалась, когда он баллотировался в парламент. Оба раза он был избран — в первый раз от Олд-Сарума, «мерзейшего местечка в списке», где в голосовании участвовало всего одиннадцать человек. Дважды Каннингу предлагали должность генерал-губернатора Канады, и дважды он от нее отказывался: проехав как-то раз от Ниагарского водопада до Квебека, он решил, что в достаточной мере удовлетворил свое любопытство. И вот в 1853 году Стратфорд Каннинг снова в Константинополе.

Что же это была за личность, Стратфорд Каннинг? Как ему удалось добиться такого влиятельного положения в Османской империи? Согласно твердому убеждению этого дипломата, замечает Лейн-Пул, «всё, что касается чести Британии, имеет особенное значение». Биограф Каннинга продолжает:

Идея британского владычества, которую он должен был впечатать в сознание пребывающей в невежестве нации, воодушевляла его до крайней степени... Сознание личной ответственности за поддержание чести своей страны побуждало его на действия, которые, по сути, служили выражением принципа божественного права, распространившегося на послов.

Возможно, подобное понимание высокого положения посла было преувеличением. Такие притязания снискали ему репутацию человека надменного и даже тщеславного. Его величественная осанка и гордый вид нередко принимались за свидетельство самодовольства, кичливости. Но вряд ли ему удалось бы добиться такого исключительного влияния на турок, которое всегда ассоциируется с его именем, будь он не столь величествен и исполнен достоинства. На Востоке вас воспринимают таким, каким вы себя представите, и, дабы обрести там уважение, вам необходимо навязать его своим поведением. Заставить турка действовать желаемым образом, не привлекая эти внешние приемы, практически невозможно.

Президент Джон Адамс говорил о склонности Стратфорда «подавлять окружающих». На самом деле он просто отличался взрывным характером. Помощники Стратфорда трепетали перед своим внушающим страх начальником. Ходил слух, что все они, говоря с послом, не отнимали ладони от дверной ручки, чтобы иметь возможность быстро покинуть кабинет. Военный историк А. У. Кинглейк* писал: «Его бешеный нрав, который Стратфорд всегда держал в узде, если того требовали государственные дела, вовсе не свидетельствовал о слабости. Скорее он служил острым оружием, которое Стратфорд пускал в ход, чтобы вызвать страх и принудить к сдаче, но при этом не породить ответное сопротивление». Турецкие министры жили в страхе перед возможным визитом британского посла. «Когда медальное лицо самого Великого Элчи появлялось во дворце, чиновников охватывал панический ужас и даже сам великий визирь, позабыв о собственной важности, с тревогой в глазах спешил встретить сурового гостя и выслушать его приказания».

Особенно сильное впечатление оказывали на турок, казалось бы, неограниченные возможности посла. Они никогда не знали, какое еще оружие у него осталось в запасе. «Он произносил гневные речи, и при этом за ними скрывалось нечто большее, что можно было пустить в ход в случае крайней необходимости. Помимо прочего именно это представление о каких-то скрытых силах, которыми он владеет, поражало воображение подданных султана».

Власть и влияние Стратфорда ощущались во всех уголках Османской империи. Первым заметным примером такого влияния стал вопрос о вероотступничестве. Мусульманский закон того времени требовал смертной казни для любого христианина, который принял ислам, а затем отказался от новой веры. В 1843 году за это преступление был арестован, судим и казнен молодой армянин. Европейские посольства в Константинополе пере-

* Кинглейк, Александр Уильям (1809–1891) — английский путешественник, историк и писатель, друг У. М. Теккерея.

дали турецким властям ноты протеста, и Стратфорд был уполномочен потребовать от Порты прекращения подобных казней. Великий визирь выразил глубокое сожаление, но отметил, что Коран не допускает иных толкований, — вероотступник подлежит наказанию смертью. «Закон, установленный Богом, нельзя отменить властью человека», — сказал визирь.

Но это не обескуражило Стратфорда. Он обратился к Корану и после тщательного изучения священной книги пришел к выводу, что «Мухаммед, приговаривая отступников к наказанию, имел в виду их мучения в загробном мире, а не лишение жизни на земле». Британский посол заключил, что пророк никогда не говорил о смертной казни для вероотступников, каковая стала лишь проявлением традиции, не имеющей под собой твердого основания. С этим заявлением Стратфорд и обратился к турецким властям. Обстановка приняла критический характер. Проблема обсуждалась с духовенством, звучали различные точки зрения, каждый ученый мулла высказывал свою, но к единодушному решению прийти не удавалось. Правительство понимало всю сложность своего положения: оно оказалось между молотом и наковальней. Один из министров писал: «Если мы откажемся, то утратим дружеское расположение Европы, а если согласимся — создадим угрозу миру в империи». Турецкий министр иностранных дел Рифаат-паша умолял Стратфорда уладить спор «дружески и без огласки», но британский посол был неумолим: закон о вероотступниках должен быть изменен. Какое-то время султан продолжал отклонять требования Каннинга, но мало-помалу его решимость истощилась, и в конце концов, после тщетных попыток склонить англичан к уступкам, он сдался. Закон был изменен в полном соответствии с ультиматумом Стратфорда. Великий Элчи победил.

Вслед за этим успехом Стратфорд сумел склонить султана издать указ, отменяющий пытки на территории Оттоманской империи, а затем он добился от турецких властей официального признания протестантской церкви в Иерусалиме, чего долгое время не удавалось прус-

скому королю. Фридрих-Вильгельм IV выразил Каннингу свою глубокую признательность. После этого успеха британский посол занялся проблемой протестантов-армян и добился для них определенных прав. Каннинг убедил султана за негуманные действия против христианской общины Салоников отозвать тамошнего пашу. А одного греческого монаха удалось спасти от ложных обвинений, благодаря простому присутствию британского вице-консула, который и не думал вмешиваться сам, а просто пригрозил сообщить о происходящем в свое посольство. Таково было влияние Элчи на султана и его министров.

Вскоре Стратфорд оказался вовлеченным практически во все сферы деятельности турецкого правительства. Он давал советы по переустройству армии, предлагал провести реформу системы образования, участвовал в планировании новых дорог и помогал в решении других транспортных проблем. Министры и чиновники, не согласные с его предложениями, лишались своих постов, те же, кто поддерживал планы Стратфорда, успешно продвигались по службе. «Открыто возражать властному послу было очень трудно, — писал Кинглейк. — Если его распоряжения находились в противоречии с природой вещей, то скорее следовало надеяться на изменение этой природы неким божественным указом, ибо на смягчении железной воли Великого Элчи не было ни малейшей надежды».

Отношения с российским императором у посла не сложились. В 1832 году Стратфорда предложили на пост британского посланника в Санкт-Петербурге, однако по каким-то личным причинам Николай неожиданно отказался утвердить эту кандидатуру. После такого унижения Стратфорд при каждом удобном случае ставил палки в колеса российскому правительству. Именно он в 1844 году направил в Лондон предупреждение о растущем превосходстве России в Турции. Именно Каннинг пятью годами ранее настаивал на заключении англо-турецкого союза против России. Не кто иной, как Стратфорд, противостоял расширению российского влияния

на придунайских территориях. Наконец, именно он, вернувшись в Константинополь, обещал полную поддержку туркам в вопросе о венгерских беженцах.

«Вопрос об экстрадиции поднят с весьма мрачной целью, — писал Стратфорд Пальмерстону. — Правительство Ее величества должно выразить султану свое сочувствие и понимание и быть готово прийти на помощь».

Тем временем личный посланец царя князь Радзивилл прибыл в Константинополь с ультимативным требованием незамедлительно выдать беженцев. Князь при этом упомянул, что пятидесятитысячная русская армия находится в полной готовности, чтобы вступить в пределы турецких владений. На султана, впрочем, эта угроза не произвела ожидаемого впечатления: ведь он заручился дружескими гарантиями грозного британского посла. Учтиво, но твердо султан отклонил требование России, и 17 сентября 1849 года, убедившись в тщетности своих усилий, князь Радзивилл без особого шума покинул Константинополь. В тот же день Россия и Австрия разорвали дипломатические отношения с Портой и спустили флаги над зданиями своих посольств.

Не успел Радзивилл поднять якорь, как Стратфорд отправил послание вице-адмиралу Уильяму Паркеру, командующему средиземноморским флотом. Посол сообщил адмиралу о положении дел в Константинополе и попросил, чтобы «часть средиземноморской эскадры Ее величества пребывала в готовности к любым действиям, демонстрирующим возможности британского флота». Стратфорд был совершенно уверен, что Пальмерстон одобрит его инициативу, и теперь ему оставалось только ждать сообщения от премьер-министра с подтверждением тех заверений, которые посол дал туркам.

Известия о бурных событиях в Константинополе достигли Лондона в конце месяца. «Следует оказать султану решительную поддержку со стороны Англии и Франции, — писал Пальмерстон Каннингу за два дня до получения его послания, — и дать понять правительствам России и Австрии, что Турция имеет друзей, кото-

рые не оставят ее в беде и защитят, если возникнет необходимость». В тот самый день, когда письмо Стратфорда достигло адресата, посол султана при Сент-Джеймском дворе Мехмет-паша вручил британским властям официальную просьбу о моральной и материальной поддержке. С того дня, когда флаги России и Австрии над зданиями посольств этих стран в Константинополе были спущены, прошло две недели. Угроза нарастала с тревожной быстротой.

Британский парламент был на каникулах. Стояла теплая ясная погода, и большинство министров отбыли в свои загородные усадьбы. Для того чтобы созвать членов кабинета на заседание, понадобилось бы несколько дней. Однако Пальмерстон не сомневался в том, каким будет окончательное решение. Получив депешу Стратфорда, он тут же отправил ему свое уже написанное письмо. Британия не только окажет Турции моральную и материальную поддержку, но и убедит Францию в необходимости совместных действий, какой бы оборот ни приняли события. Пусть турки не падают духом, писал Пальмерстон и обещал, что вскоре сможет подтвердить все это официальным документом. Наконец кабинет собрался и принял решение одобрить позицию Пальмерстона. Восьмого октября Адмиралтейство выпустило приказ, согласно которому эскадра Паркера должна была направиться в Безикскую бухту, что у входа в Дарданеллы.

Французский кабинет, однако, оказался расколотым. Министр иностранных дел де Токвиль потребовал от французского посла в Лондоне Друэна де Люиса* выяснить, как далеко намерена идти Британия: «Если англичане хотят от нас помощи, они должны поставить все точки над “и”». Луи-Наполеон, недавно ставший президентом, был настроен решительно и рвался в бой, не дожидаясь этих самых точек. Его мнение возобладало, и 10 октября

* Друэн де Люис, Эдуард (1805–1881) — французский государственный деятель, неоднократно занимал пост министра иностранных дел.

французский средиземноморский флот получил приказ присоединиться к адмиралу Паркеру.

Между тем русский посол в Лондоне Бруннов предупредил Пальмерстона, что проникновение в Дарданеллы любого военного судна будет означать нарушение Конвенции о Проливах 1841 года и может привести к конфронтации*. «Но, дорогой барон, — ответил Пальмерстон послу, — пока в Турции царит мир, мы исполнены намерений соблюдать и уважать наши взаимные обязательства. Использование военно-морских сил в соседних водах не следует рассматривать как демонстрацию, направленную против вас». На это Бруннов возразил, сказав, что присутствие английского флота у Дарданелл создаст у Турции впечатление защищенности и осложнит дальнейшие переговоры России с Портой о выдаче беженцев. Далее посол выразил особое беспокойство в связи с широкими полномочиями Стратфорда, который в любой момент может распорядиться о введении флота в Проливы. По сути, в руках Стратфорда находится решение вопроса войны и мира. Пальмерстон заверил Бруннова, что полномочия британского посла ограничены получаемыми им указаниями из Лондона и что он совершенно уверен в благоразумии и осмотрительности Стратфорда: британский флот не войдет в Дарданеллы.

В эти дни начала октября угроза непрерывно нарастала. Миссия Радзивилла закончилась неудачей, и посланец царя возвращался на родину. Флот Паркера был уже в Ионическом море, и французские суда взяли курс на восток. В Лондоне не обратили особого внимания на заявления Бруннова. Четыре империи балансировали на грани войны.

Пока Константинополь, Париж и Лондон были охвачены лихорадкой военных приготовлений, дела в Петербурге шли менее драматично. Пятого октября личный представитель султана Фуад-эфенди тайно прибыл в рос-

* Согласно Лондонской конвенции о Проливах, подписанной великими державами, Босфор и Дарданеллы объявлялись демилитаризованными.

сийскую столицу для переговоров о беженцах. Канцлер Нессельроде сообщил ему, что дружеское урегулирование проблемы достижимо, но все зависит от личного решения царя. В то же время он предостерег турецкого эмиссара. «Если другие страны попытаются вмешаться в этот конфликт, — сказал Нессельроде, — его императорское величество и слушать не пожелает о каком-либо компромиссе».

Шестнадцатого октября, еще до того, как сведения о передвижении англо-французского флота достигли Петербурга, Фуад получил аудиенцию у императора, и у них состоялась продолжительная беседа. В тот же вечер Николай сообщил удивленному — но и испытывшему облегчение — Нессельроде, что вопрос о венгерских беженцах урегулирован: Россия отказывается от всех требований и нормальные отношения с Портой немедленно восстанавливаются. Через три дня в «Официел газетт» появилось сообщение, что русский император принял во внимание «прямой призыв со стороны близкого союзника».

Когда известие об односторонних решениях русского императора достигли Вены, Австрия выразила категорическое несогласие. Впрочем, Николай отнесся к этому спокойно. Он достаточно много сделал для австрийского императора, помогая ему подавить венгерское восстание. Петербург уладил вопрос с беженцами и тем самым обеспечил мирное развитие отношений с Турцией. В дальнейшем, после проработки деталей репатриации, более трех тысяч беженцев смогли вернуться в Австрию, где их более не преследовали. Лайош Кошут получил предложение от правительства Соединенных Штатов эмигрировать в Америку, куда и направился на специально присланном за ним корвете. По пути он остановился в Лондоне, где произнес несколько речей перед многочисленными аудиториями. Он говорил на английском, который выучил, читая Библию и Шекспира, когда сидел в тюрьме. В дальнейшем он переехал в Италию, где и умер в 1894 году — немощный, нищий, одинокий. После смерти он стал символом борьбы Венгрии за независимость, его прах был

перевезен на родину и погребен с великими почестями. Юзеф Бем и некоторые другие повстанцы приняли ислам и поступили на службу к туркам.

Поскольку новости в те времена распространялись не столь быстро, весть об урегулировании проблемы беженцев в Петербурге достигла Лондона и Константинополя с огорчительным опозданием. Посол Бруннов 19 октября снова посетил министра иностранных дел и получил заверения Пальмерстона, что, пока в Порте царит мир, запрет на вхождение военных судов в Проливы будет соблюдаться. При этом правительство по-прежнему полностью доверяет своему послу в Константинополе.

Как раз в тот момент, когда в Лондоне происходила эта встреча, Стратфорд завершал разработку собственного плана. Он решил, что Британии необходимо заключить официальный договор о союзе с Турцией. Это, по его убеждению, принесет Англии большие экономические и политические выгоды. Для достижения желаемого необходимо убедить султана в надвигающейся катастрофической угрозе — тогда он с готовностью примет помощь Британии в защите Константинополя. Даже при отсутствии такого договора беспокойная обстановка склоняет турок к уверенности, что в лице Британии она обрела спасителя. Так что договор может и должен быть заключен.

Тем временем флот адмирала Паркера приближался к Безикской бухте. Для предотвращения нападения со стороны русских было признано целесообразным получить разрешение встать на якорь в непосредственной близости от Константинополя, что противоречило Конвенции о Проливах 1841 года. По этому поводу в последние дни октября состоялся обмен депешами между британским консулом в Дарданеллах и турецким военным губернатором. Документы конвенции были заново изучены, и это исследование привело к их оригинальной интерпретации. Турция и Британия согласились, что конвенция все же позволяет военным судам входить в Дарданеллы, но только до сужения пролива — того места, где в античные времена Леандр входил в воду, чтобы переплыть на другую сторону и встретиться с Геро.

Находясь под впечатлением угрозы, нависшей над Портой, встревоженный султан предоставил английскому флоту полную свободу действий. Преимущества, даваемые флоту безопасной стоянкой и близостью к Константинополю, по мнению Стратфорда, перевесят любые возражения против захода в Дарданеллы. И 2 ноября британский флот вошел в Проливы. По удивительному совпадению в тот же самый день Австрия благополучно завершила переговоры с Турцией по проблеме венгерских беженцев.

Когда известие о возмутительном нарушении Британией Конвенции о Проливах достигла Петербурга, разгневанный император приказал заявить британскому послу решительный протест. Блумфилд был вызван в министерство иностранных дел, и от него потребовали объяснений. Заход английского флота в Дарданеллы, согласно ответу Блумфилда, был связан исключительно с погодными условиями, которые угрожали безопасности судов. В Лондоне Пальмерстон поспешно заверил российского посла, что проникновение флота в Проливы вопреки сделанным ранее обещаниям было «исключительно вынужденной мерой». Премьер-министр Рассел признал при встрече с Брунновым, что Стратфорд — это «человек, способный рассориться с собственным бутербродом». Тем не менее Бруннов заявил, что, если правительство ее величества не отдаст немедленного распоряжения о выводе британского флота из Дарданелл, он пошлет в Санкт-Петербург депешу с рекомендацией отправить эскадру адмирала Лазарева в Босфор. Переговоры Бруннова с Пальмерстоном в роскошном загородном доме последнего продолжались еще два дня. Пальмерстон согласился незамедлительно отозвать флот, но отказался выполнить требование русского посла наказать адмирала Паркера.

Тем временем Стратфорд решил, что оставлять флот на существующей позиции бесполезно и даже опасно. Проблема венгерских беженцев была уже улажена и Россией и Австрией, а потому причина для демонстрации силы исчезла. Каннинг написал Портеру: «В данных обстоятельствах мне представляется важным вывод

эскадры... Я сожалею о необходимости этих действий». Тринадцатого ноября британский флот покинул Проливы и вышел в Средиземное море, так и не успев получить приказ из Лондона на этот счет.

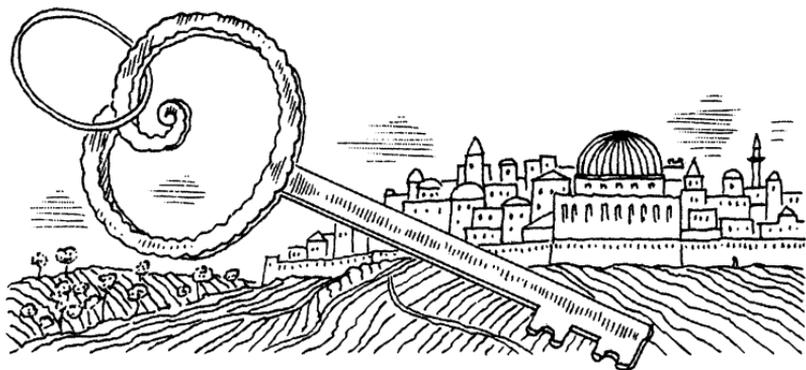
Вскоре после возвращения флота Блумфилд вручил российскому министру иностранных дел официальное послание, в котором Пальмерстон приносил свои извинения и осуждал интерпретацию Стратфордом условий Конвенции о Проливах. Россия и Англия подтвердили, что запрет на вхождение в Проливы иностранных военных судов будет впредь строго соблюдаться. Если же какой-либо британский корабль нарушит этот запрет, Россия будет вправе принять соответствующие меры противодействия.

Извинения британской стороны успокоили Николая, и инцидент был исчерпан. Бурные события, порожденные венгерским восстанием, привели Британию и Россию на грань военного столкновения. И все же переговоры и дипломатические усилия привели к мирному разрешению конфликта, и союз, заключенный в 1844 году, сохранился — по крайней мере на какое-то время. Однако основанию этого союза был нанесен непоправимый ущерб.

Конвенция о Проливах была нарушена Британией совершенно безнаказанно и без какой-либо оглядки на турецкие власти. Однако турки смогли одержать важную дипломатическую победу над Россией. Надо также отметить, что в течение всего кризиса Стратфорд открыто демонстрировал свою личную неприязнь к русскому императору и при этом сумел заручиться постоянной поддержкой Лондона. Николай пришел к убеждению, что до тех пор, пока Пальмерстон остается министром иностранных дел, а Стратфорд — британским послом в Константинополе, на помощь Британии в сохранении мира в этом регионе полагаться нельзя. Беспокойство русских усугубляло то обстоятельство, что Стратфорд Каннинг получил право лично распоряжаться средиземноморской британской эскадрой — опасный прецедент такого распоряжения уже был создан.

Войны в эти осенние месяцы 1849 года, хоть и с трудом, удалось избежать. Но последующие четыре года увидят почти полное повторение этого сценария. Пальмерстон по-прежнему останется в кресле министра иностранных дел, а Стратфорд — посла в Константинополе. Другая эскадра британских военных кораблей снова войдет в Проливы — и снова по инициативе и под контролем Стратфорда. На этот раз, правда, этой стороной будет не Британия, а Франция. Франция, управляемая неугомонным Луи-Наполеоном — уже не президентом, а королем.

Глава 6 Наполеон III и Иерусалим

Орлеанская династия пала во Франции 24 февраля 1848 года. Луи-Филипп бежал в Англию, и палата депутатов передала контроль над правительством группе республиканских и социалистических лидеров. В первые дни Второй республики оставалось неясным, какой флаг станет государственным — трехцветный или красный. Лидер республиканцев, поэт и историк Ламартин, произнес страстную речь, убеждая временное правительство принять трехцветный флаг. Однако левое крыло настояло на том, чтобы к древку флага крепилась красная розетка.

В начале марта были сняты ограничения с прессы, и в последующие четыре месяца появилось более двухсот новых периодических изданий. Пятого марта стало известно, что общие выборы состоятся в апреле. Право голоса получали все мужчины старше двадцати одного года, в результате чего количество избирателей возросло с 240 000 до 8 000 000 человек. Двадцать третьего апреля более 80% избирателей приняли участие в выборах в Учредительное собрание, которое оказалось весьма умеренным по составу. Социалисты, лейбористы и коммунисты получили менее четверти из 840 мест. Потерпевшие поражение радикалы призвали к уличным акциям. В июне ими была предпринята неудачная попытка восстания, закончившаяся арестом более пятнадцати тысяч мятежников,

многих из которых бросили в тюрьмы, изгнали из страны или казнили. В результате левое движение было подавлено, но правительство Второй республики в значительной степени утратило доверие народа.

К ноябрю работа над новой конституцией, предусматривающей разделение властей, завершилась. Законодательная власть отходила к палате депутатов, избираемой всеобщим голосованием взрослого мужского населения. Исполнительная власть передавалась президенту, который избирался на 4 года и только на один срок.

Президентские выборы были назначены на 10 декабря. По мере приближения дня голосования становилось ясно, что во Франции нет признанного политического лидера. Социалисты потерпели поражение, а республиканцы после июньского восстания установили военный режим правления. Со времени падения Луи-Филиппа, случившегося десять месяцев тому назад, ни один политик не снижал популярности в глазах французов. Требовалось появление совершенно новой фигуры, которая не была связана с событиями последних месяцев и могла обеспечить спокойную деятельность правительства.

Такого человека Франция обрела в лице принца Луи-Наполеона — племянник великого императора недавно вернулся на родину из Англии. Глава наполеоновского клана принц Луи-Наполеон унаследовал авторитет своего дяди — для крестьян само его имя воплощало идею закона и порядка. Лишенные предводителей рабочие с одобрением встретили его брошюру *L'Extinction du paupérisme**. Для патриотов и военных Луи воплощал былую славу Франции. В результате Луи-Наполеон одержал полную победу на выборах, получив 75% голосов, и 20 декабря принес клятву президента Французской республики.

Наполеон обещал своим избирателям процветание и длительный мир. Процветание он действительно дал, чего нельзя сказать о мире: уже через шесть лет началась война с Россией. «Он утверждал, что к войне его принуди-

* «Ликвидация нищеты» (фр.).

ли, — писал о Луи-Наполеоне его современник, — и мы ему верили. Мы думали, что он стал жертвой честолюбивых планов России или желания Британии разрушить Кронштадт и Севастополь... а сейчас мы видим, что он сам способствовал разжиганию этой войны... что он инициировал все решительные действия для ее начала».

Внешне Луи-Наполеон вряд ли подходил для президентского поста. Короткие ноги и чересчур длинный торс производили впечатление неуклюжести. Несколько выше он казался в седле. Особенно сильное впечатление производили его усы — длинные, черные, нафабранные. Взгляд первого Наполеона пронизывал собеседника, взгляд его племянника был тусклым и вялым. Как писал Кинглейк, он походил на «ткача, согбенного, с погасшим взором, угнетенного долгими часами монотонного труда в душном помещении».

Но в личности Луи-Наполеона было и немало привлекательного. Его отличали дружелюбие и добродушный нрав. Чем лучше его узнавали люди, тем большей симпатией к нему проникались. Он очаровывал своей любезностью и мягкостью, серьезностью и внезапными вспышками остроумия. Легче всего он завоевывал расположение детей, ученых, священников и женщин. В Англии Луи-Наполеон особенно нравился владельцам сельских усадеб, поскольку очень быстро овладел навыками верховой охоты с гончими. (Умение Луи обращаться с лошадьми восхищало его дядю, бывшего артиллерийского офицера, чье искусство верховой езды оставляло желать лучшего.)

Люди считали Луи-Наполеона нудноватым. Он неторопливо излагал свои мысли, и его лицо при этом отнюдь не излучало блеска ума. Однако он упорно трудился, и из-под его пера вышли десятки брошюр, статей и писем по вопросам общественной значимости — о конституции, о швейцарской политике, о производстве сахара. Он издал *Manuel d'artillerie, des idées napoléoniennes**, размыш-

* «Руководство по артиллерии. Воззрения Наполеона» (фр.).

лял о строительстве канала через территорию Никарагуа, о вербовке солдат во французскую армию. Луи-Наполеон вел переписку с республиканцами и социалистами. В годы изгнания, проведенные в Англии, его воспринимали не столько серьезным претендентом на французский престол, сколько просто оригинальной личностью.

Луи-Наполеон был сыном младшего брата Бонапарта, голландского короля Луи, и Гортензии Богарне, дочери Жозефины Богарне, первой жены Бонапарта. Юный принц воспитывался матерью в Германии, Италии и Швейцарии. Он посещал гимназию в Аугсбурге, где приобрел свой немецкий акцент. С молодых лет он общился к либерализму, который в его понимании был синонимом бонапартизма. В 1830 году Луи-Наполеон примкнул к карбонариям и участвовал в итальянском освободительном движении. Едва избежав ареста австрийскими властями (в значительной степени благодаря связям своей матери), бежал во Францию, где присоединился к республиканцам, за что вскоре был выслан в Англию.

В 1832 году умер сын Наполеона, его законный наследник герцог Рейхштадтский. Отец Луи-Наполеона, который тихо и мирно жил во Флоренции, не выказал ни малейшего намерения претендовать на французскую корону. То же можно сказать о дяде Луи-Наполеона Жозефе, в прошлом неаполитанском и испанском короле. Луи-Наполеон воспользовался сложившимися обстоятельствами и объявил себя истинным законным наследником Бонапарта. С тех пор все его ученые труды и иные усилия были направлены на то, чтобы отвоевать эти права у ненавистных Бурбонов.

Часами напролет он сидел за бумагами и строил планы. Незаурядная сила воображения помогала ему разрабатывать изощренные схемы. Однако этого воображения не хватило для того, чтобы предугадать собственную реакцию на критическую ситуацию. Он опрометчиво ввязался в борьбу, но, встретившись лицом к лицу с опасностью, испугался и отступил.

Однако мысль о французском престоле не покидала Луи. В мечтах он видел себя на высоком посту, взи-

рающим на мир, который в свою очередь смотрел на него снизу вверх. Такое честолюбие сочеталось в нем со страстью к мелодраматическим эффектам. Будь Луи-Наполеон обычным человеком, он не оставил бы следа в истории. Но случайные обстоятельства его рождения сделали его претендентом на французский престол.

Свое первое впечатляющее театральное действие Луи представил миру в возрасте двадцати восьми лет. С помощью горстки романтически настроенных друзей молодой принц подстрекал на мятеж страсбургский гарнизон. Его главным сообщником в этом деле стал полковник Водри, ветеран наполеоновской армии и командир 4-го артиллерийского полка. Утром 30 октября 1836 года Водри объявил своим подчиненным, что в Париже революционеры свергли короля. Он убедил их признать Луи новым королем Наполеоном II и приказал заключить под стражу префекта и командира гарнизона. Вооруженные отряды направились к домам названных людей и без малейшего шума арестовали обоих. Гарнизон оставался в полном неведении относительно происходящего. Затем, облачившись в исторический мундир своего дяди, воспроизведенный с величайшей тщательностью до малейших деталей, Луи-Наполеон явился к арестованному генералу, не сомневаясь в том, что сможет убедить старого воина принять его сторону. Однако генерал Вуараль не выказал ни восхищения, ни готовности к сотрудничеству. Тогда Луи в сопровождении «императорской свиты» отправился в казармы 46-го полка.

Солдаты полка были застигнуты врасплох, услышав, что перед ними — их новый монарх Наполеон II. В обстановке общей растерянности воцарилась почтительная, но неловкая и подозрительная тишина. В этот момент в расположении полка появился его запыхавшийся командир подполковник Таланше, которому уже было известно о предшествовавших событиях. Он немедленно приказал закрыть все выходы и направился прямо к самозваному императору. Обряженный в имитацию мундира великого полководца, Луи, привыкший скорее к перу, чем к шпаге, в растерянности стоял на площади для смотров. Перед

ним был вполне реальный, в отличие от наполеоновского костюма, и при этом брызжущий яростью полковой командир, в казармы которого вторгся непрощенный гость. Ситуация была крайне неприятная, хотя и вполне ожидаемая. Подполковник потребовал немедленно прекратить балаган. Луи, поколебавшись, залился краской и уступил. У него отобрали шпагу и украшавшие мундир ордена и вместе с несчастным Водри и прочими членами «императорской свиты» взяли под стражу.

Министры короля настаивали на тюремном заключении для незадачливого претендента на престол. Однако Луи-Филипп не захотел делать из него мученика, пострадавшего за преданность бонапартизму. Принца отправили в Лориент и посадили на корабль, плывущий в Америку. От шедрот короля изгнаннику выдали 600 фунтов. Однако через год, выправив себе швейцарский паспорт, принц Луи вернулся в Европу, вынашивая новые планы восхождения на французский трон.

Таким был человек, который в 1848 году вполне законным образом стал президентом Французской республики.

В то время, когда русский император помогал Австрии подавить венгерское восстание, а Луи-Наполеон восходил на вершины власти, вдали от кабинетов и дворцов Парижа, Лондона и Санкт-Петербурга разворачивались события совсем иного толка. На застывших в оцепенении холмах Палестины, казалось бы, пустяковые раздоры между невежественными монахами вдруг приобрели международное значение. Раздоры, касавшиеся ключей, лестниц, привратников, огородов и различных построек, в конечном счете привели к столкновению самых сильных европейских армий. Это, говоря словами Пальмерстона, «само по себе совершенно незначительное дело» послужило непосредственным поводом для Крымской войны.

С эпохи ранних христиан храбрецы, движимые верой и страстным желанием прикоснуться к земле, по которой ступали святые ноги Спасителя, отправлялись в Иерусалим. В Средние века это стремление было настолько силь-

ным, что оно заставило многие тысячи верующих принять участие в крестовых походах для завоевания этой далекой бесплодной земли. К XIX веку страсть к паломничеству отнюдь не остыла — люди продолжали толпами прибывать на Святую землю, где повсеместно возникали религиозные общины. Греки, грузины, армяне и даже американские конгрегационалисты* открывали там приюты и гостиницы для паломников.

На протяжении веков манящие тайны святых реликвий весьма изобретательно использовались предприимчивыми местными священнослужителями. Это был крупный бизнес, и стремление к наживе порождало постоянное соперничество между церквями. К мусульманским властям обращались с просьбами разбирать споры о принадлежности той или иной святыни, а турецким солдатам нередко приходилось с оружием в руках охранять наиболее важные святые места, чтобы не допустить кровопролития между христианами.

Акты насилия, жестокие стычки, сильнейшая зависть — все это было свойственно христианскому братству Иерусалима. Например в 1842 году греки затратили немало средств на восстановление пришедшей в упадок базилики Рождества Христова в Вифлееме. При этом строители во всех деталях воссоздавали первоначальную архитектуру храма, в том числе реставрировали северный неф и ступени, ведущие к пещере Рождества. Обе эти зоны находились под юрисдикцией армянской церкви, о чьих пожеланиях греки, к сожалению, не осведомились перед началом работ. Армянская община пришла в неописуемый гнев и немедленно получила от турецких властей фирман, то есть разрешение, на ликвидацию всего, что сделали греки. Права армян были восстановлены, и теперь они могли с удовлетворением наблюдать, как стремительно разрушается их святыня.

Соперничество за контроль над святыми местами было особенно острым между православной и католической

* Конгрегационализм — одно из течений кальвинизма, возникшее в Англии во второй половине XVI века.

церквями, иначе говоря, между греческой и римской ветвями христианства. В 636 году халиф Омар подписал фирман, согласно которому христианские святыни отдавались во владение грекам. В последующие одиннадцать столетий римская церковь оспаривала эту привилегию греков и святыне места то и дело меняли владельцев в зависимости от того, откуда исходило более сильное давление на мусульманских правителей — из Рима или Константинополя. В 1740 году между Францией и Портой был заключен договор, согласно которому все права на Святую землю отходили к римско-католической церкви. Православная церковь, естественно, не захотела с этим мириться, и имевший давнюю традицию спор не утихал. В 1757 году своим указом султан положил конец особенно яростному столкновению между православными и католиками, приняв сторону первых. Католикам было предписано освободить храм Гроба Господня и церковь Успения Богородицы. Под опеку православной церкви были переданы и другие важные христианские святыни.

В 1808 году пожар уничтожил храм Гроба Господня и православная церковь получила от турецких властей разрешение восстановить сгоревшее здание. По всему миру православные жертвовали деньги на строительство храма, и довольно скоро работы были завершены. В ходе этой благородной акции неожиданно и необъяснимо исчезли католические святыни — могилы Годфрида Бульонского* и Балдуина**. Что еще более удивительно, на куполе храма статуй четырех евангелистов поменяли католические одеяния на православные. Господствующее положение православия ощущалось во всем.

* Готфрид Бульонский (1060–1100) — герцог Нижней Лотарингии, потомок Карла Великого, один из предводителей крестоносцев, был погребен с великими почестями близ храма Гроба Господня в Иерусалиме.

** Болдуин I (1174–1205) — младший брат Готфрида Бульонского, первый король Иерусалимский.

Тем временем греческая церковь продолжала добиваться все новых привилегий, что вело к углублению раздора. В 1819 году ссора между православными и католическими монахами привела к кровопролитию и заставила правительства России и Франции вмешаться в конфликт. Французский король объявил себя «наследственным защитником католиков на Востоке», а российский император — «правителем большинства последователей православной церкви». В качестве предварительной меры было решено послать на Святую землю по одному представителю от Франции и России, чтобы те на месте собрали точные сведения о происходящем. Граф де Марселлюс* и посол Дашков трудились в тесном контакте, что обещало скорое и удовлетворительное урегулирование проблемы. Однако революция 1821 года в Греции вынудила стороны прервать переговоры.

Тем временем поток паломников на Святую землю не прекращался. Особенно много людей приезжали из России, где обряд паломничества считался священным. На Рождество 1831 года количество российских паломников составило около четырех тысяч, причем только четверо не были православными. Люди устремлялись на Святую землю со всех концов необъятной империи. Как писал профессор Темперли**, «с берегов Байкала и из Архангельска, с Карпат и Кавказа шли оборванные крестьяне, распевая псалмы, каясь в совершенных грехах, провозглашая веру в простые евангельские заповеди... На Рождество и Пасху пятьдесят миллионов русских молились, обратив свои взоры на Иерусалим, где паломники из России стояли на коленях перед гробом Спасителя».

В то же время во Франции в XIX веке религиозный пыл был в значительной мере утрачен под влиянием «просветительских» революционных идей. Паломни-

* Марселлюс, Мари-Жан де (1795–1865) — граф, французский ученый-эллинист и дипломат, в 1820 году открыл знаменитую статую Венеры Милосской.

** Темперли, Гарольд Уильям (1879–1939) — английский историк.

чество стало редким, интерес к Святой земле угас. Уже упомянутый Кинглейк отмечал: «Ближайшим подобием паломника, которым могла похвастаться католическая церковь, стал обыкновенный французский турист с блокнотом в руках — возможно, подумывающий написать книгу о своем путешествии». Время от времени французское министерство иностранных дел заявляло символические протесты, чтобы напомнить о традиционной позиции Франции как защитника католической церкви, но дальше этого дело не шло. О таком положении свидетельствует и журнальная статья, опубликованная в 1850 году:

...Католики не удовлетворены ролью Франции как защитницы их интересов довольно давно, но в последние годы они испытывают особенное разочарование. Франция позволила православному духовенству мало-помалу захватить большинство святых мест в Иерусалиме и Вифлееме... И такие жалобы со стороны католиков уже не новы.

Именно в этот момент на европейской политической сцене появился Луи-Наполеон. В течение двух лет со дня избрания он добился полного контроля над действиями правительства. Следующим этапом было завоевание популярности во всей стране, и для этого, решил он, необходимо прежде всего завоевать расположение церковных кругов. Духовенство благоволило к нему с самого начала восхождения Луи-Наполеона к власти — можно сказать, что свой пост президента он получил в значительной степени в результате поддержки римско-католической церкви. Близкие отношения с церковью не только обеспечивали ему приязнь граждан-католиков, но и давали могущественного консервативного союзника, поскольку самым прочным барьером, защищающим от революции, оставались «люди в черном».

Наполеона Бонапарта называли «восстановителем алтарей», и племянник императора преисполнился решимости идти по стопам дяди. На церкви и религиозные благотворительные организации посыпались щедрые дары и суб-

сидии. Законодательство, регулировавшее деятельность монашеских братств, значительно упростилось. В средних школах ввели обязательные уроки религии, и церковь получила свободу вмешиваться во все аспекты образования и воспитания. Не удивительно, что духовенство считало правление Луи-Наполеона «благом, ниспосланным небом».

С возрождением прежних притязаний и традиционных старинных привилегий церкви воодушевленное успехом духовенство обратило свои взоры на Восток: ведь Франция имеет священные обязательства перед Святой землей. Возвращение иерусалимских святынь — это вопрос национальной чести и главенства римско-католической церкви. Луи-Наполеон согласился с такой позицией.

И вот 26 мая 1850 года французский посол в Константинополе генерал Опик* получил послание из Парижа. Послу надлежало обратиться к турецким властям с официальным требованием: султан должен признать права Франции в Святой земле, обусловленные договором 1740 года. Выпущенные с тех пор фирманы, передающие фактический контроль над святынями православной церкви, должны быть отменены. Опику следовало заявить, что одностороннее аннулирование двусторонних соглашений не может быть признано Францией независимо от того, как давно оно имело место.

По этому поводу Стратфорд писал из Константинополя Пальмерстону: «Генерал Опик заверил меня, что речь идет лишь о собственности и о четком соблюдении условий договора. Однако трудно отделить эти вопросы от политических соображений. Предстоящие переговоры по проблеме, скорее всего, приведут к усилению борьбы за общее влияние в Порте, особенно если Россия, как и следует ожидать, выступит в защиту православной церкви». Воскрешение таких притязаний Франции по прошествии почти столетия стало весьма опасным дипломатическим ходом. Трудно было ожидать, что рус-

* Опик, Жак (1789–1857) — французский генерал и дипломат, отчим Шарля Бодлера.

ский царь согласится с изгнанием православных монахов из святых мест, которые они с любовью опекали десятки лет. Со всей очевидностью он не потерпит фактического разрушения православной церкви в Иерусалиме, а именно к этому могло привести удовлетворение французских требований. Российский посол Титов выразил решительный протест по поводу притязаний Франции. Иерусалимские святыни, утверждал он, принадлежат православной церкви в силу договора, подписанного халифом Омаром еще в 636 году.

В чем же конкретно заключались требования французской стороны, которые в конце концов привели ко вторжению союзников в Крым? Первый и самый принципиальный вопрос касался ключа к главному входу в базилику Рождества Христова: разве не должны католические монахи иметь такой ключ, чтобы пройти через здание базилики к пещере Рождества? Православная церковь долго упиралась, а потом согласилась предоставить своим христианским собратьям ключ от другой, второстепенной двери в святилище. Подобный компромисс не устроил французов. На ранней стадии дипломатической переписки по этой проблеме канцлер Нессельроде задал вопрос, является ли предмет спора «приспособлением для открывания двери, которое используется исключительно для предотвращения попадания в базилику представителей других ветвей христианства, или... оно служит просто символом». В ответ канцлер получил разъяснение, что требуемый ключ вполне материален и используется для отпирания двери: «Пагубное качество ключа состоит не в том, что он не впускал внутрь православных верующих, а в том, что впускал католиков».

Помимо этого ключа католики требовали ключ к каждой из двух дверей, ведущих к Святым яслям, и претендовали на доступ к ларю и лампаде у гробницы Богородицы. Кроме того, в числе их притязаний были право один раз в году посещать гробницу Богородицы в церкви Успения в Гефсимании и привилегия поместить в базилике Рождества Христова серебряную звезду, украшенную гербом Франции. Что касается Камня помазания и семи арок

Богородицы в храме Гроба Господня, то они должны были перейти в исключительную собственность католических монахов.

Испытывая сильнейшее давление послов Франции и России, султан Абдул-Меджид оказался между молотом и наковальней. Русская армия стояла в Дунайских княжествах* и могла безнаказанно подойти к Константинополю. С другой стороны, французский средиземноморский флот представлял угрозу для подвластных султану Триполи и Туниса. Следовало также учитывать, что Россия недавно угрожала Турции в связи с проблемой венгерских беженцев, а Франция заявила о своей готовности прийти на помощь султану. Абдул-Меджид назначил специальную комиссию для изучения ситуации со святыми местами. После долгого обдумывания комиссия пришла к заключению, что фирман 636 года, согласно которому греческая церковь получила свои привилегии, должен быть отменен. Договор с католической Францией столетней давности заменил собой соглашение, заключенное двенадцать веков назад.

Однако спор между двумя странами на этом не завершился. Тринадцатого сентября 1851 года Николай написал султану о своей убежденности, что не будет допущено никаких изменений касательно владения христианскими святынями, а если таковые последуют, русский посол немедленно покинет Константинополь. Одновременно с этим Опи́к был отозван в Париж и его место французского посла в Порте занял де Лавалетт**. Новый посол быстро оценил положение дел. «Если бы это зависело от меня, — писал он, — я бы без колебаний использовал мощный флот, которым располагает Франция на Средиземном море, и, заперев Дарданеллы, добился удовлетворительного для нас решения вопроса».

* Дунайские княжества — Молдавия и Валахия, в 1859 году они объединились, в результате чего появилась Румыния.

** Лавалетт, Шарль Жан де (1806—1881) — маркиз, французский дипломат.

Проблема святых разрослась до тревожных размеров. Две великие державы оказались в тупике, и возникла реальная угроза, что выйти из него мирным путем не удастся. Эти страны защищали позиции соперничающих церквей. И при этом, как ни странно, ни одна из церквей не выказывала ни малейшей склонности ввязаться в спор. Митрополит Московский Филарет наотрез отказался участвовать в конфликте, не пожелал вмешаться в него и папа Пий IX. На пути в Константинополь посол де Лавалетт остановился в Риме и был принят папой. «К моему великому удивлению, — писал он впоследствии, — Его Святейшество не проявил желания добиваться прав на иерусалимские святые и вифлеемские ключи».

Пока разворачивались эти события, во Франции разразился конституционный кризис. Дело в том, что согласно конституции Второй республики президент не имел права избираться на второй срок подряд. Все усилия Луи-Наполеона убедить Национальное собрание принять по этому поводу поправку к основному закону не увенчались успехом. Президент рассорился с этим органом, и упрямые законодатели отказались идти ему навстречу. И тогда 2 декабря 1851 года, в годовщину коронации Наполеона Бонапарта и Аустерлицкого сражения, его величайшей победы, Луи-Наполеон совершил государственный переворот. Руководители оппозиции и недружески настроенные к президенту журналисты были арестованы, мятеж в Восточном Париже с центром на улице Фобур-Сент-Антуан — жестоко подавлен, в провинциях введено военное положение. Защитник закона и порядка одержал победу над воображаемым заговором социалистов, и Франция вновь — как заявили власти — стала свободной от фанатиков и радикалов.

В течение трех недель после переворота Луи-Наполеон укрепил свое положение в достаточной степени, чтобы объявить о всеобщих выборах. В голосовании приняли участие около восьми миллионов французов, из которых 7 481 000 выразили свое доверие Луи-Наполеону. Этот результат означал одобрение его действий и давал

ему право предложить новую конституцию. Согласно этому документу Луи-Наполеон становился президентом на десять лет и получал поистине диктаторские полномочия.

В последующие месяцы Луи-Наполеон приложил немало стараний, чтобы заразить Францию имперскими идеями. Он совершил длительную поездку по стране, и повсюду его встречали восторженные толпы. Агенты Луи-Наполеона подготавливали почву соответствующим образом, в результате чего все чаще и громче звучали льстивые возгласы и призывы к президенту стать новым императором Франции. Сам Луи не высказывался по этому поводу — он предпочитал, чтобы в глазах Европы дело выглядело так, словно он просто исполняет волю своего народа. Французы, похоже, и на самом деле жаждали восстановления монархии для обретения стабильного правительства.

В Санкт-Петербурге известие о совершенном Луи-Наполеоном перевороте встретили со смешанными чувствами. С одной стороны, императорский двор всегда приветствовал тех, кто «наводил порядок» в Европе: наконец-то французские радикалы и либералы лишились власти. Как писала пресса, «общественные интересы, находившиеся под угрозой, теперь обрели защиту». С другой стороны, возникло беспокойство, что Луи захочет примерить на себя императорскую корону — в конце концов, несколько десятилетий тому назад он успешно имитировал своего августейшего дядю. Возникает вопрос, осмелится ли Луи-Наполеон бросить вызов условиям Венского договора и пойти наперекор воле Европы?

Статья II этого договора подчеркивала, что Наполеон Бонапарт и члены его семьи «навечно лишались права на высшую власть во Франции». Кроме того, великие державы договорились «совместно обеспечивать мир и спокойствие в Европе», если кто-либо в будущем предпримет попытку «преступным образом захватить престол». В 1815 году Великобритания, Австрия, Пруссия и Россия продемонстрировали полное единодушие и твердую решимость

мость в этом отношении. Насколько сохранилась эта твердость сейчас?

Не прошло и нескольких дней после переворота, как русский посол в Вене барон Мейендорф* встретился с австрийским канцлером князем фон Шварценбергом. Посла интересовало, какую позицию займет Австрия, если Луи-Наполеон станет императором. Шварценберг ответил, что ради «общего мира и спокойствия в Европе» всем великим державам целесообразно признать титул Луи-Наполеона, особенно если принц-президент провозгласит свою приверженность мирной внешней политике. Австрия, по словам канцлера, больше всего хочет избежать шагов, которые могут угрожать существующему равновесию в Европе.

К началу осени стало ясно, что Британия, Пруссия и Россия солидарны с Австрией в нежелании силовыми мерами предотвратить установление во Франции второй империи. В то же время Николай дал понять, что захват императорской короны Луи-Наполеоном будет равносильно узурпации власти. «Император без божественного права таковым не является. Он может фактически исполнять обязанности императора, но не станет законным императором».

В ноябре 1852 года Луи-Наполеон вновь инициировал референдум — на этот раз по вопросу преобразования республиканского строя в наследственную монархию. Подавляющее большинство участников референдума (7 824 000 против 252 000) высказалось за восстановление империи. В соответствии с этим результатом 2 декабря состоялась коронация и президент Луи-Наполеон стал Наполеоном III, императором Франции.

«Для нас не может быть никаких сомнений относительно Наполеона III, — заявил русский царь. — Эта цифра абсурдна. С нашей точки зрения, его следует именовать “Луи-Наполеон, император Франции” — и только так. Если это вызовет его гнев, тем хуже для него. Если он

* Мейендорф, Петр Казимирович (1796–1863) — барон, русский дипломат.

позволит себе грубость, Киселев [русский посол] покинет Францию». Николай сообщил Нессельроде, что вся подписываемая царем корреспонденция в адрес французского императора не должна начинаться с обычного для монархов обращения *Mon frère**, вполне достаточно писать «Мой друг». Признание порядкового номера «III» предполагало бы и признание некогда отвергнутого номера «II», а также возможных в будущем номеров при имени «Наполеон».

Со дня коронации не прошло недели, как Британия официально признала титул нового французского императора и Виктория начала свое послание к нему обращением «Брат мой». Вскоре пришло подтверждение признания от Франца-Иосифа из Вены, Фридриха-Вильгельма из Берлина, Бисмарка из Франкфурта и правительств других стран Европы. Лишь Санкт-Петербург хранил ледяное молчание — царь упорно отказывался признать самозванного императора. Обида чувствительного Наполеона на Россию росла — такого он простить не мог. Он не только воспринял молчание Николая как личное унижение, но и как оскорбление, нанесенное Франции. Повторяя слова своего великого дяди, Луи-Наполеон провозгласил: «Все ради блага французского народа». А французский народ находился в великом небрежении.

В течение года, который Наполеон потратил на свое восхождение к трону, такие далекие проблемы, как притязания на святые места, отошли на второй план. Поскольку давление из Парижа ослабло, а из Петербурга, напротив, усилилось, султан назначил новую комиссию для рассмотрения непростой ситуации со святынями. На этот раз состав комиссии был не столь расположен к Франции. Среди щекотливых вопросов, рассматриваемых впервые, были: следует ли разрешить католической церкви вернуть на место серебряную звезду, которые православная церковь удалила из Святых яслей? Должны ли католики иметь ключ от главного входа в вифлеемскую базилику Рождества Христова и, если они такой ключ получают, позволи-

* Брат мой (фр.).

тельно ли будет для них вставить его в замок? А вставив ключ в замок, могут ли они повернуть его и открыть дверь? Какими бы тривиальными и отвлеченными эти вопросы ни казались, ответы на них вызывали сильнейшую тревогу и могли привести к войне.

В начале февраля комиссия представила султану результаты своей работы. Были составлены два документа, противоречащих друг другу: нота, обращенная к французам, и фирман для русских. В ноте говорилось, что притязания католиков признаны справедливыми и им даются новые привилегии, а фирман подтверждал все существующие права православной церкви и недопустимость изменять сложившееся положение. Абдул-Меджид выразил полнейшее удовлетворение работой комиссии и ее беспристрастным решением, которое должно удовлетворить обе стороны. Французы остались довольны решением, изложенным в полученной ими ноте, а русские с восторгом приняли свой фирман. С точки зрения султана, это утомительное дело пришло к благоприятному завершению.

Однако не прошло много времени со дня принятия этого удивительного решения, как казуистику турок поняли и в Санкт-Петербурге, и в Париже. Стало очевидно, что спор вовсе не закончен. А учитывая плачевное состояние отношений между Николаем и Наполеоном, трудно было ожидать, что дальнейшие переговоры по проблеме святынь будут проходить в дружественном ключе. Каждый из этих монархов преисполнился решимости стать главной силой в делах, касающихся Османской империи, и при этом испытывал острую неприязнь к другому.

«Кое-кто утверждает, что империя означает войну, — с типичной галльской самоуверенностью провозгласил Луи-Наполеон в начале своего правления. — Но я говорю, что империя означает мир... Она означает мир, потому что этого желает Франция, а когда Франция удовлетворена, спокойствие наступает и за ее пределами». Однако мир не приносит стране ни чести, ни достоинства — и уж определенно не способствует обретению вели-

чия, которое новый император полагал столь важным для нации и своей династии. Несколькими годами ранее Луи-Наполеон в своем труде *Les idées napoléoniennes** заявлял, что полагает делом своей жизни восстановление Франции в ее естественных границах. Более того, он посвящает себя освобождению всех угнетенных народов. Вряд ли любая из этих благородных задач могла быть решена мирными средствами. А потому война стала неизбежностью.

Но дело не ограничивалось просто восстановлением границ империи или защитой справедливости в других странах. С момента восшествия на престол Наполеон III опасался возобновления альянса четырех великих держав — Британии, России, Австрии и Пруссии. Именно в таком составе коалиция нанесла поражение его дяде, основателю династии. А потому этот альянс следовало разрушить. «Вопрос о святых местах и все, что к нему относится, не имеет для Франции большого значения, — заявил французский министр иностранных дел Друэн де Люис спустя значительное время после начала войны. — Восточная проблема в целом служит нам средством разрушить европейский альянс, который в течение почти полувека парализует Францию. Наконец-то представилась возможность посеять раздор между членами этой мощной коалиции, и император Наполеон III ухватился за нее обеими руками».

Как только в Париже вполне осознали смысл последнего решения султана, Наполеон приказал своему послу в Порте маркизу де Лавалетту вернуться в Константинополь и потребовать объяснений. При этом император распорядился доставить посла к месту назначения через Дарданеллы на борту трехпалубного девяностопушечного фрегата «Карл Великий». Никакая сила воображения не помогла бы принять этот крупный военный корабль за «легкое судно», прохождение которых по Проливам допускалось конвенцией 1841 года. Как мы говорили, Россия однажды уже выражала решительный протест

* «Воззрения Наполеона» (фр.).

по поводу подобного нарушения Конвенции о Проливах. Однако турки незамедлительно выступили с заявлением, что «Карл Великий» был приглашен султаном с единственной целью послужить образцом для строительства судов на турецких верфях. Так или иначе, но появление могучего фрегата, который, как писал профессор Темперли, «успешно преодолел стремительные встречные течения Босфора исключительно силою винта, неся на себе всю артиллерию и многочисленную команду», произвело сильнейшее впечатление. Могла ли Франция одержать победу над Россией на море? Да, могла, заключили турки, ибо винтовые суда Наполеона со всей очевидностью превосходили всё, чем располагал русский царь. При таких — новых — обстоятельствах султан решил в третий раз рассмотреть ситуацию с принадлежностью христианских святынь. «Вот так небольшое устройство — винт влияет и еще будет влиять на важные политические события», — писал полковник Роуз, британский поверенный в делах. «Действительно, — добавляет Темперли, — французский винт пришел в движение».

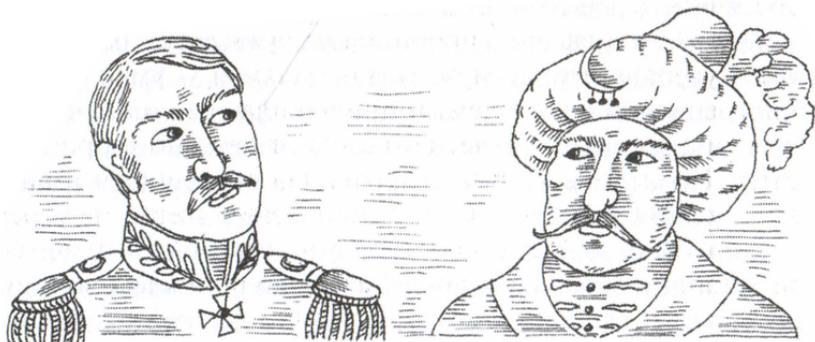
Французский посол в Баварии направил из Мюнхена в Париж полное тревоги послание: «Что означает этот спор о святых местах, который мы ведем в Константинополе?.. Я знаю Восток и могу заверить вас, что Россия не уступит в этом споре. Для нее это вопрос жизни и смерти, и очень важно, чтобы в Париже понимали всю опасность происходящего и отдавали себе отчет в последствиях, если они хотят довести дело до конца». Понимал ли Наполеон, что для Николая вопрос о святых местах настолько важен, вряд ли имеет сколько-нибудь серьезное значение. Французский император твердо решил «довести дело до конца» и продолжал наращивать давление. Уверенный в успехе, он даже заказал новую серебряную звезду для Святых яслей. На звезде красовалась надпись по-латыни и стояла дата: 1740.

На созванном султаном совете Фуад-эфенди, вновь назначенный министр иностранных дел Порты, в яркой речи высказался за удовлетворение требований Франции. Он говорил о том, что возрожденная империя находится

на подъеме, и превозносил решительный характер императора Наполеона III. Министр напомнил о воинственном духе французов и подчеркнул, что союз с Францией поможет Турции решить проблемы в Дунайских княжествах и Черногории. В заключение красноречивого выступления Фуад-эфенди напомнил членам совета о «Карле Великом»: памятуя о мощи французского флота, находящегося в непосредственной близости к турецким владениям в Средиземном море, весьма опасно вызвать раздражение Наполеона III.

Слова Фуада произвели желаемое действие. «В декабре, — пишет Кинглейк, — серебряная звезда с большой торжественностью отправилась в путь. Для ее сопровождения несколько представителей мусульманской знати прибыли в Яффу, а другие присоединились к процессии на пути в Иерусалим. В среду 22-го числа того же месяца католический патриарх в ходе пышной церемонии поместил звезду в вифлеемскую базилику и одновременно с этим католики получили ключ от главного входа в этот храм и ключи от Святых яслей».

Глава 7 Больной Европы

В начале 1853 года общее состояние Турции было весьма плачевным. По мнению европейских политиков, Османская империя пришла в упадок. Это, видимо, понимал и сам султан Абдул-Меджид. На ранней стадии своего правления он предпочел не замечать печального положения страны. Выбрав позицию страуса, он даже физически удалился на некоторое расстояние от правительственных зданий: в трех километрах от центра Константинополя, на другом берегу Босфора, султан возвел великолепный дворец Долмабах. В роскошном здании, выстроенном в стиле рококо, было около трехсот комнат, не считая спартанских каморок для многочисленных наложниц. Самый большой в мире бальный зал освещался люстрой весом в четыре тонны, длина тронного зала достигала сорока пяти метров. На украшение дворца пошло четырнадцать тонн листового золота, а кровать султана была целиком сделана из серебра.

Жизнь повелителя Турции состояла из приемов, банкетов, балов и прочих развлечений. В дворцовом театре разыгрывались представления и пантомимы, в которых красивые юноши исполняли ведущие женские роли и влюблялись в столь же красивых юношей, исполнявших роли мужские, чем доставляли зрителям немалое удовольствие. Предаваясь наслаждениям в таком убежище, султан

не утруждал себя утомительными государственными делами и взвалил их бремя на великого визиря. Время от времени он позволял себе принять какого-нибудь высокого гостя или подписать тот или иной документ.

Мать Меджида была простой прислужницей в бане. Она была уверена, что ее муж султан Махмуд II умер от злоупотребления алкоголем, и приложила все силы, чтобы оградить шестнадцатилетнего сына от пагубного пристрастия. Прежде всего она уничтожила оставшиеся в винном погребе Махмуда запасы, приказав вывезти на берег Босфора и разбить о стену гавани 50 000 бутылок лучшего шампанского, бренди и вина. Затем она принялась со всем тщанием приучать своего хрупкого, узкогрудого, болезненного сына к радостям гарема. Абдул с удовольствием предавался этим излишествами, что уже на ранней стадии его правления привело к ослаблению мужской силы султана. К великому огорчению матери ее усилия не увенчались успехом: став импотентом так рано, молодой человек потянулся к бутылке.

В то время как Абдул-Меджид вел полную удовольствий жизнь во дворце Долмабаш, его империя стремительно скатывалась к финансовому банкротству и нравственному упадку. Мусульманское население сокращалось главным образом из-за получивших широкое распространение абортот. Национально-освободительный дух, проникший во все уголки империи, порождает демонстрации, кровавые столкновения и мятежи, которые не удавалось подавить. В азиатских провинциях царил беззаконие, на Балканах участились волнения среди христиан. К концу 1852 года в Черногории началось открытое восстание, и султан послал на усмирение мятежников свои лучшие войска во главе с Омар-пашой. Это вызвало беспокойство соседней Австрии. А вскоре Петербург достигла отчаянная мольба православных братьев из Черногории об избавлении от неверных. Да спасет, говорилось в обращении, могущественный северный брат, Защитник Церкви, осажденных турками черногорцев.

Для Николая это стало последней каплей — настало время раз и навсегда решить этот «восточный вопрос».

«Кичливого турка» следует научить с должным уважением относиться к православию. «Эти презренные людишки» должны принять все требования России, касающиеся Святой земли, и уяснить наконец, что им не позволено чинить обиды православным христианам. Сэра Гамильтона Сеймура, вновь назначенного британского посла в Санкт-Петербурге, вызвали к канцлеру Нессельроде и проинформировали о предстоящей «демонстрации силы», которая не должна вызывать тревогу у Британии. Затем последовал приказ, согласно которому войска численностью 144 000 человек должны были выдвинуться к границам придунайских провинций.

Царь, разумеется, отдавал себе отчет в том, что подобная акция станет прямым вызовом Наполеону III. Однако он не опасался французов при условии, что Британия сохранит нейтралитет. Русский император не только был совершенно уверен в этом нейтралитете, но и рассчитывал на благоприятную реакцию Англии. Во-первых, полагал Николай, Британия стала миролюбивой страной, которая направляет свои усилия скорее на торговлю, нежели на войну. Во-вторых, его личные отношения с Викторией, ее двором и министрами были в высшей степени дружескими. И наконец, что особенно важно, Николай сохранял твердую веру в действенность договора 1844 года. Во время визита в Лондон, который привел к созданию союза, император имел откровенные беседы с Абердином, в то время министром иностранных дел, а ныне тот же дружески расположенный человек занимает пост премьер-министра Британии. Меморандум Нессельроде 1844 года, содержащий в себе главные результаты этих бесед, был воспринят британским министром иностранных дел без каких-либо возражений. Ко всему прочему царь знал, что Абердин испытывал неприязнь к Наполеону III в той же степени, в какой был благорасположен к нему, Николаю.

Итак, Британия должна сохранить нейтралитет. Но на этом этапе представлялось столь же важным достигнуть с ней согласия по вопросу разделения Оттоманской империи, крах которой с неизбежностью приближался.

Девятого января на набережной Невы во дворце великой княгини Елены, сестры Николая, которая была старше его на двенадцать лет, состоялся званый вечер. Среди гостей были сам император и британский посол сэра Гамильтон Сеймур. Николай завел с англичанином беседу и непринужденно коснулся «восточного вопроса». Эта беседа стала первой из четырех, которые оказались значимыми для начала военных действий. У историков они получили название «сеймуровские беседы».

— Вам известны мои чувства к Англии, — начал Николай. — Мне представляется важным, чтобы два правительства — правительство Британии и я, я и правительство Британии — сохраняли самые лучшие отношения. В настоящее время это необходимо как никогда прежде. Я прошу вас передать эти слова лорду Джону Расселу*. Когда между нами царит взаимопонимание, меня не тревожит остальная Европа: что думают или делают другие страны не имеет значения. — Император сделал паузу и добавил, словно после минутного размышления: — Что касается Турции, то здесь совсем другое дело. Эта страна пребывает в критическом состоянии и может причинить всем нам немало хлопот.

Николай протянул сэру Гамильтону затянутую в перчатку руку и собрался отойти. Однако Сеймур, смущенный присутствием августейшей особы, в свою очередь обратился к императору.

— Сир, — сказал он, прежде чем Николай успел удалиться, — с вашего милостивого соизволения могу я взять на себя смелость?

— Разумеется, — ответил царь. — Что вы хотели сказать?

— Правительство ее величества встревожено состоянием дел в Турции. Возможно, вы дадите мне какие-либо дополнительные заверения, которые помогли бы умерить эту тревогу.

Император поколебался, но затем заговорил со всей откровенностью:

* Рассел, Джон (1792–1878) — граф, британский политический деятель, премьер министр в 1846–1852 и 1865–1866 годах.

— Дела Турции находятся в полном расстройстве. Страна распадается на части. Этот распад станет большим несчастьем, и для Англии и России очень важно прийти к полному взаимопониманию по всем этим вопросам и не предпринимать никаких важных шагов без ведома другой стороны. — Николай умолк, а сэр Гамильтон заметил, что сам придерживается в точности такой точки зрения. Царь продолжил: — У нас на руках больной — тяжело больной. Будет прискорбно, если в один прекрасный день он скончается, а тем более прискорбно, если скончается, прежде чем будут сделаны все необходимые приготовления. Однако сейчас не время нам с вами говорить об этом.

С этими словами Николай удалился, а посол вскоре вернулся в свою резиденцию, чтобы написать отчет о столь откровенном разговоре.

Через две недели сэра Гамильтона пригласили во дворец. Николай пожелал продолжить беседу, начатую на приеме у великой княгини Елены. «Его величество был один, — писал впоследствии Сеймур. — Он принял меня весьма любезно».

— Вам, должно быть, известны мечты и планы императрицы Екатерины, — начал царь. — Они дошли до нашего времени. Однако, получив необъятные земли, я не унаследовал тех замыслов, тех устремлений. Напротив, моя страна столь велика и обильна во всех отношениях, что было бы неразумным стремиться к увеличению ее территории или могущества. Более того, я первый признаюсь вам, что наша величайшая — а возможно, и единственная — опасность состоит как раз в протяженности империи, которая уже слишком велика.

Затем Николай сказал, что в Турции живет несколько миллионов православных, чьи интересы он призван защищать. По Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 года русский монарх получал особые права в отношении этих христиан, и Николай полагал себя единственным защитником если и не всего христианского населения Турции, то, во всяком случае, исповедующих православие.

— Дела приняли такой оборот, — продолжал император, — а Турция пришла в настолько убогое состояние, что, как я вам говорил при последней встрече, больной может умереть в любой момент вопреки нашему желанию, чтобы дни его продлились как можно дольше. Увы, мы не обладаем даром воскрешения.

И Николай вновь подчеркнул необходимость для России и Британии иметь совместный план действий на случай краха Османской империи, дабы избежать «хаоса, неразберихи и реальной угрозы европейской войны — именно это с неизбежностью воспоследует за катастрофой в Турции, если к ней не подготовиться».

— Ваше величество несомненно понимает, — ответил Сеймур, — что мое правительство обычно не склонно брать на себя обязательства касательно возможных в будущем событий. Мне представляется, что этот принцип особенно применим к идее разрыва отношений со старым другом и союзником на основании, так сказать, некоторого предчувствия.

Диалог продолжался, и царь на протяжении всего разговора настаивал на заключении двустороннего соглашения по Османской империи. В конце концов, теряя терпение, он заявил:

— Теперь я хочу говорить с вами как друг и как джентльмен, со всей откровенностью. Если Англия предполагает в близком будущем водвориться в Константинополе, я этого не допущу. — Со своей стороны Николай был готов также отказаться от притязаний на владение турецкими территориями. Затем он добавил: — Это не значит отказа от возможной оккупации. Если предварительных договоренностей достичь не удастся и ход событий будет предоставлен случаю, у меня может не остаться другого выбора, кроме как занять Константинополь.

Лорд Рассел изучил подробный отчет Сеймура об этой последней беседе и незамедлительно ответил своему послу: «Во-первых, пока еще не случилось кризиса, который привел бы к необходимости решать этот вопрос европейского масштаба». Более того, распад Турции, о котором так тревожится царь Николай, по мне-

нию Рассела, «не привязан к определенному моменту времени... и может произойти через двадцать, пятьдесят или сто лет». Далее Рассел написал: «При сложившихся обстоятельствах и особенно с учетом дружеского расположения к Абдул-Меджиду со стороны как Николая, так и Виктории в настоящий момент вряд ли можно считать разумным строить планы в отношении владений султана. Следует заметить, что соглашение, заключенное в подобных условиях, со всей вероятностью приведет к ускорению наступления того события, ради которого оно задумано». Британское правительство решительно отвергает подозрения в намерении оккупировать Константинополь и подтверждает, что в случае падения Турции не предпримет никаких шагов без уведомления императора. Рассел полагает совершенно необходимым воздерживаться от каких-либо резких действий в отношении Турции и избегать «военных демонстраций на суше и на море» в качестве средства давления на султана.

В том же письме британский министр иностранных дел отмечал, что султану следует напомнить о необходимости относиться к его подданным христианского вероисповедания согласно принципам религиозной свободы, принятым среди просвещенных европейских наций. Чем с большей справедливостью и беспристрастностью султан будет относиться к православному меньшинству, «тем меньше оснований будет у российского императора прикладывать особые усилия для защиты интересов православной церкви — усилия тягостные и обременительные, но несомненно диктуемые долгом и разрешенные условиями договора».

«Диктуемые долгом и разрешенные условиями договора». На редкость неудачное признание! Вскоре 40 000 англичан отдадут свои жизни, сражаясь за то, чтобы опровергнуть право русского царя на защиту православных, с которым лорд Рассел столь открыто согласился.

Двадцатого февраля на приеме у великой княгини вновь присутствовали Николай и британский посол. Как и следовало ожидать, они продолжили свой разговор.

— Итак, — сказал император, — вы уже получили ответ и завтра должны передать его мне?

— Буду иметь эту честь, — ответил посол, — но вашему величеству известно, что существо этого ответа весьма близко к тому, о котором я вам говорил.

— Если ваше правительство предпочитает верить, что Турция сохраняет шансы на дальнейшее существование, то оно получило неверные сведения. Могу лишь повторить, что больной находится при смерти и мы не имеем права допустить, чтобы его кончина застала нас врасплох. — Император задумался, затем продолжил свою речь, и тон его был печален: — Если бы я только мог хотя бы десять минут поговорить с вашими министрами — с лордом Абердином, например, который так хорошо меня знает и полностью доверяет мне, как и я ему... Я не требую письменного договора или протокола — с меня хватит простого взаимного понимания, между джентльменами этого вполне достаточно... — И царь закончил беседу: — На этом мы расстанемся. Жду вас завтра.

На следующий день сэр Гамильтон явился в Зимний дворец и был принят императором. Он прочел Николаю послание Рассела, после чего состоялась самая важная из «сеймуровских бесед». Николай подчеркнул, что более всего он хотел бы получить «изложение британской точки зрения касательно допустимых действий в случае внезапного падения Оттоманской империи».

— Возможно, ваше величество соблаговолит разъяснить его собственные мысли на этот счет, — сказал Сеймур.

— Что ж, существует несколько вещей, которые я не потерплю. Я полагаю недопустимой постоянную оккупацию Константинополя русскими, англичанами, французами или любой другой великой державой. Далее, я никогда не соглашусь на попытку возрождения Византийской империи... Еще в большей степени мне претит идея разделения Турции на мелкие республики, прибежища для людей вроде Кошута, Мадзини и других революционеров Европы. Дабы не допустить такого оборота событий, я готов на войну, которую буду вести до послед-

него солдата. Вот вам несколько мыслей, о которых вы просили. Теперь ваша очередь.

— Что ж, ваше величество, как вы посмотрите на то, чтобы Россия и Англия заявили, что в случае катастрофы в Турции ни одна из этих стран не должна претендовать на владение турецкими провинциями? Что эти территории должны оставаться неприкосновенными вплоть до заключения дружественного соглашения об их судьбе?

Николай отверг такое предложение, сказав, что при отсутствии местных правительств в провинциях Оттоманской империи Турция погрузится в пучину внутренних раздоров, беззакония, хаоса и анархии. Затем предметом беседы царя и посла стали другие страны, прежде всего Франция. Николай заявил, что мнением Франции можно пренебречь, если Британия и Россия будут действовать в согласии друг с другом. Посол задал вопрос об Австрии. Ответ императора удивил Сеймура.

— Ах Австрия! Но вы должны понимать, что, когда я говорю от имени России, я говорю и от имени Австрии. То, что устраивает одну из этих стран, устраивает и другую. Наши интересы в отношении Турции полностью совпадают.

Далее царь особо отметил умеренность и сдержанность своей политики в отношении Оттоманской империи. Военная демонстрация была предпринята им лишь для того, чтобы показать свою силу и дать понять, что с ним следует считаться. Затем Николай открыто изложил свои предложения по судьбе турецких территорий после распада Турции:

— Дунайские княжества в настоящее время фактически независимы и находятся под моим протекторатом. Такое положение должно сохраниться. Сербия может получить такую же форму правления. То же относится к Болгарии: я не вижу причин, по которым эта провинция не должна стать независимым государством. Что касается Египта, я вполне понимаю важность этой территории для Англии. Тут я могу только сказать, что, если при распределении оттоманского наследия после падения империи вы овла-

деете Египтом, у меня не будет возражений против этого. То же самое я скажу и о Кандии*. Этот остров, может быть, подходит вам, и я не вижу, почему ему не стать английским владением.

В заключение царь сообщил Сеймуру, что удовлетворен посланием Рассела, но надеется на «расширение его содержания».

— Так побудите ваше правительство написать об этом предмете, написать более полно, и пусть оно сделает это без колебаний. Я доверяю английскому правительству.

Так завершились эти четыре весьма знаменательные беседы русского императора с представителем ее величества в Санкт-Петербурге. Сеймур преисполнился еще большей уверенности, что Николай был «строящим козни лицемером», который ставил своими главными целями ускорить крах Турции и вбить клин между Англией и Францией. В отчетах, направляемых в Лондон, посол обвинял Николая в «умышленной расплывчатости» касательно возможности «временной оккупации» Константинополя.

Британское правительство, впрочем, отнеслось к предложениям императора менее подозрительно. В официальном послании Николаю сообщалось, что Британия принимает заверения России об отказе от претензий на владение турецкими территориями. В свою очередь, правительство ее величества обещало также воздержаться от таких притязаний.

В пору этих дипломатических шагов лорд Джон Рассел был министром иностранных дел, причем пост этот он занимал без особого энтузиазма. Как лидер палаты общин он прежде всего интересовался парламентской реформой. Требуемая немалой энергии деятельность, связанная с турецкими делами, не входила в круг первоочередных забот этого семидесятилетнего джентльмена. Кроме того, он находился в натянутых отношениях с лордом Абердином и мечтал занять кресло премьера. В силу этих обстоятельств вполне вероятно, что сообщения Сеймура

* Кандия — остров Крит.

из Санкт-Петербурга не получали того внимания, которого заслуживали. По мнению одного из английских историков, «исключительно благоприятная возможность уладить восточную проблему, договорившись с Россией, была упущена в начале 1853 года; то обстоятельство, что определенные предложения российского императора оказались неприемлемы, этого не может оправдать».

Чтобы понять действия английского кабинета, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период Британия страдала от политической нестабильности в сменяющихся друг друга правительствах: виги соперничали с тори, министры относились друг к другу с неприязнью, завистью и недоверием, процветало лоббирование частных интересов — все это занимало политиков в первую очередь. За двадцать лет, с 1834 по 1854 год, сменилось семь правительств и восемь премьеров, причем три премьер-министра успели прослужить на посту министра иностранных дел, а Рассел и Кларендон — дважды. Имей Англия одного решительного премьера, возглавляющего сильный сплоченный кабинет, события, которые привели к войне, могли бы пойти по совершенно другому пути.

Пока Англия и Россия обменивались мнениями по «восточной проблеме», турки и черногорцы обменивались выстрелами. Хотя просьба восставшей Черногории о помощи осталась не услышанной в России, Турции не удавалось подавить мятеж. Наконец в дело решила вмешаться Австрия, вооруженные силы которой располагались на границах Оттоманской империи. Франц-Иосиф отправил в Порту графа Лейнингена с наказом потребовать от султана немедленно вывести турецкие войска с территории Черногории. Если это требование не будет выполнено в течение десяти суток, Австрия без промедления начнет военные действия.

Турецкому правительству было хорошо известно, что Россия обязалась поддерживать любые действия Австрии. Оно тут же согласилось выполнить требования Лейнингена и отдало приказ войскам покинуть Черногорию. Австрия, таким образом, одержала победу, и Франц-

Иосиф выразил «глубокую признательность» Николаю за обещание помощи. Как и в 1848 году, Австрия и Россия действовали в союзе друг с другом. Николай был так обрадован, что пожаловал австрийскому министру иностранных дел орден Святого Александра Невского с бриллиантами.

Итак, Австрия послала в Константинополь волевого представителя и тот преуспел в своей миссии. Николай решил развить этот успех, ибо теперь как никогда чувствовал необходимость проявить твердость в отношении «этих презренных людишек». Он тоже добьется своего, послав в Порту чрезвычайного представителя. «Император, — писал Нессельроде, — весьма раздражен действиями султана и полагает необходимым пригрозить ему сейчас, дабы избежать в дальнейшем серьезных и открытых военных действий, которых, по мнению государя, нельзя допустить ни в коем случае». Для выполнения этого важнейшего поручения царь остановил свой выбор на князе Александре Сергеевиче Меншикове.

Посланнику были даны инструкции, не допускавшие толкования: православной церкви следует вернуть те права на Святой земле, которые она имела до февраля 1852 года, включая владение утраченными святынями. Более того, привилегии православным христианам в полном объеме предоставляются на всей территории Оттоманской империи, а право России на их защиту должно быть подтверждено специальным документом, подписанным султаном. И наконец, между Санкт-Петербургом и Портой заключается секретный оборонительный договор на тот случай, если Франция каким-либо образом воспрепятствует выполнению этих договоренностей.

При отказе выполнить эти требования в течение трех дней князю надлежало покинуть Константинополь. Кроме того, ему следовало «не опровергать, а напротив — подтвердить слухи о военных приготовлениях». Так что разговор с «презренными людишками» действительно предстоял суровый.

Назначение Меншикова для этой непростой миссии оказалось крайне неудачным, по существу — роко-

вым. Своим неумным, резким и грубым поведением князь помог Европе сделать огромный шаг к крымской катастрофе. Что подвигло императора выбрать этого человека для столь важных переговоров при наличии в России многих весьма способных и осведомленных дипломатов, остается загадкой, которая до сих пор не дает покоя историкам.

«Человек, который столь ярко блистал в гостиных Санкт-Петербурга, не обладал ни прямоотой, ни широтой взглядов... ни даже знаниями, необходимыми для того, чтобы довести до успешного завершения серьезные дипломатические переговоры», — писал о Меншикове французский историк профессор Константин де Грюнвальд. Возглавляя Адмиралтейство в течение двадцати лет, Меншиков показал свое полнейшее невежество в военно-морском деле. Будучи генерал-губернатором Финляндии, он отличался полным пренебрежением к делам этой провинции, не проявляя к ней интереса даже как турист. «При хороших манерах он отличался язвительностью и склонностью шутить *et donner le change** о серьезных вещах», — писал о нем Кларендон Стратфорду. «Это остроумнейший человек в России, — отмечал Мейендорф, — но ум его неглубок, а характеру недостает твердости». «Было очевидно, что турок он презирает, — пишет о князе Меншикове Кинглейк, — и поговаривали, что так же презрительно он относится к англичанам. Дипломатии он никогда не учился, но при этом получил разрешение говорить в угрожающем тоне и опирался на поддержку флота, готового к выходу в море, и войск, стоявших на турецких границах. По всей видимости, император Николай полагал, что грубые речи и демонстрация военной силы компенсируют отсутствие дипломатического таланта». При всем при этом князь Меншиков оставался царским любимцем.

Николай лично сформулировал инструкции, с которыми вновь назначенный посланник отбыл из Санкт-Петербурга. Совета канцлера Нессельроде не потребовалось,

* Здесь: и сбивая с толку (*фр.*).

и Меншиков не считал нужным нанести ему визит перед тем, как покинуть столицу. По словам академика Е. В. Тарле, «Меншиков понял, что царь рассчитывает воевать только с Турцией, а вовсе не с Европой, и он очень охотно, с легким сердцем, решил поспособствовать скорейшему исполнению царских тайных чаяний. Что Турция в этой дуэли один на один с Россией будет разгромлена, в этом князь ничуть не сомневался. За дипломатическими переговорами он до сих пор не следил, потому что ему было неинтересно. Перед отъездом он только осведомился, кто из турецких министров стоит на стороне французов, чтобы знать, кого немедленно прогнать с должности. С султаном Абдул-Меджидом князь решил не церемониться».

Двадцать восьмого февраля шестидесятипушечный корвет, носящий вполне уместное для этой миссии название «Громоносец», вошел в Босфор, имея на борту генерал-губернатора Финляндии, адъютанта российского императора князя Меншикова с сопровождающими лицами. Со времени последней беседы царя с Сеймуром прошла почти неделя. Меншиков торжественно сошел на берег и проследовал во дворец российского посольства, сопровождаемый толпой восторженных православных христиан, сотрясающих воздух приветственными криками. Было ясно, что русские агенты, присланные сюда заблаговременно, потрудились на славу.

На следующий день в Константинополь на отдельном пароходе прибыла сверкающая шитьем группа российских офицеров во главе с вице-адмиралом Корниловым, командующим черноморским флотом. Одновременно прошел слух, что русская кавалерия приблизилась к границам Молдавии и севастопольская эскадра готова выйти в море по первому знаку. Меншиков представил свидетельство своих полномочий и надменно потребовал, чтобы великий визирь встретил его у ворот своего дворца. Впрочем, это неслыханное требование было с возмущением отвергнуто.

Второго марта Меншиков и его свита вошли в Порту, чтобы нанести официальный визит великому визирю

Мехмету-Али, зятю султана. Согласно строгим правилам протокола послу следовало сначала явиться к министру иностранных дел Фуаду-эфенди, а уж затем в сопровождении последнего отправиться на прием к визирю. Однако, хотя Фуад был одним из самых влиятельных членов турецкого правительства, в глазах русских он был «повинен в вероломстве» — именно на нем лежала ответственность за ущерб, нанесенный православной церкви на Святой земле. В силу этого Меншиков не желал иметь ничего общего с турецким министром иностранных дел. Он гордо прошел мимо открытых дверей канцелярии Фуада и направился к великому визирю. Подобное оскорбление было нетерпимым, и в тот же день Фуад подал прошение об отставке.

Распахнув двери в покои великого визиря, князь вошел туда вместе со всей свитой. Из уст турок вырвался возглас удивления — русский посол не удосужился надеть приличествующий событию мундир со всеми регалиями своего звания, вместо парадного одеяния Меншиков был облачен в обычный гражданский сюртук и цилиндр. Несмотря на подобное оскорбление, Мехмет-Али сдерживал свой гнев на протяжении всей церемонии.

Известия об обстоятельствах этой встречи быстро распространились по Константинополю. Православная община ликовала, турки были напуганы, в иностранных посольствах поселилась тревога. Британский и французский послы в это время отсутствовали и должны были вернуться в начале апреля. Встревоженные поведением Меншикова, британский поверенный в делах полковник Хью Роуз и французский поверженный виконт Бенедетти встретились и приняли решение вызвать в Константинополь англо-французский флот. Полковник уведомил султана об этом решении, и турки с облегчением вздохнули. Бенедетти, которому в 1870 году будет суждено сыграть важную роль в событиях, приведших к Франко-прусской войне, телеграфировал в Париж, в Роуз послал на Мальту адмиралу Дандасу приказ отправить в Босфор эскадру английских кораблей. Дандас, однако, счел за благо связаться с Лондоном, который отменил распоряжение Роуза.

В то же время французское правительство не колебалось и приказало эскадре из судов средиземноморского флота направиться в Саламис.

Когда известие о движении французского флота достигли Лондона, Кларендон, который только что заменил Рассела на посту министра иностранных дел, потребовал от Франции отозвать эскадру. «Политика подозрений неразумна и опасна», — заявил он Валуевскому, послу Наполеона III в Лондоне. И пояснил, что британское правительство полностью доверяет российскому императору, от которого оно «неоднократно получало заверения, что он заинтересован в сохранении и поддержке Оттоманской империи, а если в намерениях Николая произойдут изменения, о них Лондон будет незамедлительно уведомлен во всех подробностях». Настойчивые просьбы Валуевского присоединиться к демонстрации силы британское правительство оставило без удовлетворения. Затем Даунинг-стрит направил российскому императору послание, где давалось исчерпывающее объяснение «инцидента с Роузом» и выражалось сожаление по поводу возникшего недоразумения.

Император был весьма доволен тем, что Абердин осудил действия Роуза и Англия отказалась поддержать Францию. Николай выразил свое полное удовлетворение и отправил в Лондон благодарственное письмо. Он подтвердил, что у Меншикова нет никаких секретных поручений и что Россия озабочена исключительно положением православной церкви в Турции. «Мы действовали совершенно правильно, продемонстрировав свое доверие словам российского императора», — заявил впоследствии Кларендон.

Шестнадцатого марта Меншиков встретился со вновь назначенным министром иностранных дел Рифаат-пашой и передал ему свои предложения — вернее сказать, требования. По вопросу о правах православной церкви должно быть заключено соглашение. Российский император должен иметь твердые гарантии, согласно которым он получает статус защитника всех подданных султана православного вероисповедания, о чем султану надлежит подписать

соответствующую конвенцию, подтверждающую искренность его намерений. Проект такого документа Меншиков предполагает представить на рассмотрение турецкому правительству.

Спустя несколько дней князь действительно представил черновик упомянутого документа, и эта бумага повергла турок в ужас. К тому времени стало известно, что Британия отказалась послать в Константинополь свой флот, что еще более осложняло положение Турции. Рифаат-паша умолял Меншикова взять назад требование о подписании конвенции, заверив князя, что все прочие вопросы можно дружески решить без этого документа. Затем он попросил предоставить отсрочку для более точного изложения всех формулировок. Меншикова так поразила искренность этих просьб, что он согласился отложить завершающую стадию переговоров, и этот шаг, как мы увидим, стал свидетельством его наивности и серьезной ошибкой.

Среди особенностей Крымской войны историки отмечают и такую: ее объявление потребовало больше времени, чем объявление любой другой войны в новой истории. Наиболее значимые дипломатические демарши, которые в конечном счете привели к формальному объявлению войны, были сделаны в последние дни марта 1853 года.

В то время как Меншиков вел переговоры с турками, Стратфорд Каннинг был на пути в Константинополь, чтобы вновь занять пост посла ее величества в Блистательной Порте. Двадцать четвертого марта во время короткой остановки в Вене его принял австрийский император. Франц-Иосиф заверил британца в том, что у Австрии нет намерений покушаться на территориальную целостность Турции. Он также подчеркнул, что его позиция в этом вопросе вполне совпадает с российской и что Австрия испытывает к Порте самые добрые чувства.

Пока разворачивались все эти события, Наполеон III приходил во все большее возбуждение. В первые месяцы 1853 года Франция оставалась в одиночестве. Австрия находилась в союзе с Россией, а Пруссия — с Австрией.

Британия не только выказывала благосклонное отношение к восточной политике русского царя, но и, похоже, поддерживала Николая. Наполеон решил попытаться счастья и разрушить англо-российский альянс. По мнению французского императора, равновесие сил в Европе можно было достигнуть только одним способом — заключив союз между Францией и Британией.

Двадцать второго марта министерство иностранных дел выпустило декларацию, в которой указывалось, что правительство Франции рассматривает турецкую проблему как общеевропейскую. «Если хотя бы один российский солдат пересечет границу Турции, Франция будет считать себя свободной от каких-либо обязательств, налагаемых на нее договорами 1815 года [Венским конгрессом], и вправе действовать по своему усмотрению». Любое территориальное увеличение Российской или Австрийской империй, говорилось в декларации, приведет к таковому Французской империи. При этом Наполеон не делал секрета из того, что его взгляд обращен на Бельгию.

Венский конгресс объединил Бельгию и Голландию с целью создать сильное государство для защиты территорий в низовьях Рейна от посягательств Франции. В 1830 году бельгийцы восстали против нидерландского короля Вильгельма I и образовали независимое государство. Немецкий князь и британский подданный Леопольд Сакс-Кобург-Готский взошел на бельгийский трон и сочетался браком с дочерью Луи-Филиппа. Будущее установившейся конституционной монархии зависело от позиции Франции, которая помогла повстанцам одержать победу. В течение последующих двух десятилетий враждебность бельгийцев к Франции росла в прямой зависимости от усиления французского влияния на внутренние дела их маленькой страны.

К началу 1853 года франко-бельгийские отношения достигли критической точки. Бельгия решила удалить из своей армии всех служивших в ней французских офицеров. Двадцать второго марта посланник Наполеона III в Брюсселе Бутенваль явился к бельгийскому минист-

ру иностранных дел Брушеру и вручил тому угрожающее послание: начало военных действий в Турции явится сигналом для французского вторжения в Бельгию.

Король Леопольд воззвал к своей племяннице королеве Виктории. Первой реакцией Лондона на французскую угрозу было смятение и растерянность. Однако вскоре эти чувства улеглись, и британское правительство обещало Бельгии полную поддержку, если события примут столь неблагоприятный характер. Тем не менее Франция не переменяла своих намерений. Газета «Таймс» в марте 1853 года отмечала: «Если Россия, пренебрегая условиями договоров, силой захватит Константинополь, другие державы могут также вторгнуться в любую соседнюю страну... Первый шаг к расчленению Турции приведет к перекраиванию всей карты Европы».

Итак: в Константинополе Меншиков настаивал на выполнении турками его требований; в Брюсселе Бутенваль пугал бельгийцев вторжением; в Вене австрийский император успокаивал Стратфорда Каннинга; наконец, в Санкт-Петербурге Николай проявлял все более сильное раздражение в отношении Британии. Для царя было совершенно ясно, что гибель Турции близка, — так почему же британцы не отвечают на его предложения о разделе Оттоманской империи? Двадцать второго марта Сеймур, чьи подозрения относительно истинных намерений России на Востоке получили подтверждение, рекомендовал премьер-министру Абердину занять позицию противостояния российскому императору.

Когда предложения царя по Турции достигли Лондона, их приняли со сдержанным удивлением. Пока они подвергались обсуждению в правительстве и еще до того, как Британия была готова сформулировать свой ответ, о своих зловещих намерениях в отношении Бельгии заявила Франция.

На следующий день после встречи Бутенваля с Брушером Абердин сделал недвусмысленное заявление о британской политике касательно Турции. Оккупация Константинополя Россией или Австрией «является несовместимой с британской позицией... и рассматривается как непри-

емлемая акция». Британия намеревалась помогать Турции. Падение султана рассматривалось лишь как отдаленная возможность, Турция вовсе не стояла на краю гибели. Британия желала в полной мере сотрудничать с Россией в поддержке Оттоманской империи и превыше всего была заинтересована в сохранении мира. Правительство ее величества «будет оказывать содействие Турции исходя из убеждения, что любая нестабильность на Востоке непременно станет источником раздора на Западе». Падение Бельгии признавалось недопустимым — дядя Виктории должен остаться на троне. «Бельгийский вопрос» послужил толчком для изменения британской позиции по «восточному вопросу».

Наполеон вел свою игру мастерски — ему удалось расстроить англо-российский союз. Секретное соглашение 1844 года быстро теряло силу. По словам Нессельроде, в такое неустойчивое время любое правительство пребывает в неведении, где ему придется искать союзников через пару дней. Для России ситуация изменилась коренным образом за каких-нибудь десять дней. Австрия, похоже, отреклась от Мюнхенгрещкого соглашения, а Британия фактически разорвала договоренности с Николаем. Ко всему прочему Наполеону III удалось одержать блестящую дипломатическую победу и добиться сближения с Англией. Все это и само по себе не внушало оптимизма, но Санкт-Петербург еще не мог оценить в полной мере важности того обстоятельства, что в Константинополь спешит Стратфорд Каннинг, а возвращение этого человека на пост британского посла в Турции еще более увеличивало опасность войны.

Утром 5 апреля корабль британского флота «Ярость» бросил якорь в Босфоре. «Суматоха, связанная с прибытием, закончилась задолго до полудня, и, если не считать ставшего на якорь в бухте Золотой Рог корвета под английским флагом, в мире, казалось, ничего не изменилось, — пишет Кинглейк. — На самом деле это впечатление было ложным: в здание британского посольства вернулся лорд Стратфорд де Редклиф». Это событие вселяло в турок чувство безопасности, но и рождало страх.

Отныне миссия Меншикова была обречена на провал. «Ему следовало не мешкать, а завершить переговоры стрелительной атакой еще до того, как в это дело на стороне Турции могли вмешаться Франция и Англия, — писал голландский посол в Константинополе барон Моллерус. — Он не оценил по достоинству благоприятные возможности, которые открывало перед ним отсутствие лорда Редклифа. Князю не объяснили, что турки, слабые и напуганные прибытием Меншикова, подчинились бы и более суровым требованиям, чем подписание конвенции. Однако в присутствии лорда Редклифа они могли действовать только согласно его указаниям».

Стратфорд привез с собой строго определенные инструкции британского кабинета. Он должен был предостеречь турок, сообщив, что их правительство находится в большой опасности. Существует серьезная угроза стабильности Османской империи, что связано с несовершенством внутреннего управления страной и накопившимся недовольством ее союзников. Стратфорду надлежало убедить турецкие власти, что критическое положение требует от них высшей степени благоразумия и полного доверия к советам и рекомендациям британского посла, которые позволят этот кризис преодолеть и обеспечить мирную жизнь и независимость страны.

Далее в инструкциях сообщалось, что при возникновении непосредственной угрозы для турецкого правительства посол должен «отправить курьера на Мальту с приказом адмиралу привести флот в полную готовность, но не приближаться к Дарданеллам без последующих указаний от правительства ее величества». При подготовке этих распоряжений премьер-министр Дерби*, по всей видимости, следовал совету Абердина: «Будьте крайне осторожны, давая инструкции Каннингу».

Такая формулировка преследовала цель избежать повторения ситуации, сложившейся в 1849 году, когда эскадра Паркера вошла в Проливы. Стратфорд получил полномо-

* Дерби, Эдуард Джефри Смит (1799–1869) — граф, неоднократно занимал пост премьер-министра Великобритании.

чия лишь послать курьера к адмиралу, но и эти ограниченные возможности он сумел употребить в достаточной степени, чтобы успокоить турецкое правительство, которое находилось под сильнейшим давлением князя Меншикова, чьих приказов ожидали российский флот и стосорокатысячная армия.

Сразу по прибытии Стратфорд узнал о русских требованиях. В них, по его мнению, просматривались две разные зоны конфликта. Первая проблема касалась старых противоречий по поводу святых мест. Кто — православные или католики — имеют преимущественные права на гробницу Богородицы? Какой национальности должен быть привратник этой усыпальницы? Кто обладает привилегией чинить купол храма Гроба Господня?

Вторая, и более серьезная, проблема относилась к будущим обязательствам. Дадут ли России исключительное право защиты православных подданных султана? Должна ли Россия получить право предъявлять требования, относящиеся к православной церкви? «Кючук-Кайнарджийский договор, — писал Нессельроде, — предоставляет России полное право надзирать и выдвигать возражения. Это право было подтверждено и выражено с большей ясностью в Адрианопольском договоре 1829 года... Таким образом за нами уже восемьдесят лет закреплены те самые прерогативы, которые сейчас оспариваются». Именно эти права лорд Рассел признавал за Николаем, назвав их правами, «диктуемыми долгом и разрешенными условиями договора». Для турок же признание этого права означало, что в будущем верность султану двенадцати миллионов его православных подданных могла быть поставлена под сомнение.

Стратфорд посоветовал турецкому министру иностранных дел «открыть дверь для переговоров» по менее важным пунктам, но противостоять давлению по второй, более серьезной проблеме — протектората России в отношении православных Османской империи. Это решение нужно затягивать, а при настойчивости Меншикова — ответить ему решительным отказом. Рифаат-паша спросил, окажет ли Британия в этом случае вооруженную

помощь Порте, если таковая потребуется. Стратфорд воздержался от ответа на этот вопрос.

Одновременно Каннинг предложил свои услуги в качестве посредника между Меншиковым и французским послом де Лакуром — разве деликатный вопрос, относящийся к святым местам, не мог быть решен дружественно, как подобает джентльменам? Три джентльмена встретились и к немалому своему удивлению, а также удивлению и всех прочих довольно быстро достигли соглашения по поводу святынь. Турок уведомили о благоприятном исходе встречи, и 3 мая был подписан фирман, ознаменовавший окончание спора. Россия вернула себе привилегии на Святой земле, и Меншиков тепло поблагодарил лорда Стратфорда за содействие.

Однако генерал-губернатор Финляндии, вполне удовлетворенный результатом переговоров по святыням, на этом не остановился. Не прошло и двух дней, как он предъявил свои последние требования, а именно требования будущих гарантий. В прошлом султан уже подписывал фирманы, после чего их условия нарушались. Теперь Меншиков желал иметь конвенцию, согласно которой «фирман в отношении святых мест будет иметь силу официального соглашения с правительством Турции». Православная церковь должна получить гарантию всех прав и пользоваться неприкосновенностью на всей территории Оттоманской империи. Кроме того, право России на защиту православных подданных султана должно быть им признано раз и навсегда.

Получив эти требования, Рифаат пришел в сильное волнение и немедленно ознакомил с ними Стратфорда. На следующий день Великий Элчи испросил аудиенцию султана, чтобы обсудить с ним создавшееся положение. Министры Абдул-Меджида, похоже, склонялись к тому, чтобы последовать прежнему совету Стратфорда, и дело было только за одним — решить определенно, отказать Меншикову категорически или в более мягкой форме. «У меня сложилось впечатление, — сказал Стратфорд, — что, если ваше величество утвердит такое решение, Меншиков может разорвать все отношения с Пор-

той и уехать, захватив с собой всех сотрудников посольства. Я также не исключаю и временной оккупации Россией Дунайских княжеств, сколь несправедливым бы это ни было. Но я не думаю, что в настоящее время можно ожидать объявления войны или других откровенно враждебных действий». Затем особенно доверительным тоном Стратфорд заявил султану, что у него есть право в случае немедленной опасности послать командующему средиземноморским флотом ее величества приказ привести вверенную ему эскадру в полную готовность. «Сам по себе такой приказ немного стоил, — замечает по этому поводу Кинглейк, — и свидетельствовал лишь о весьма ограниченных полномочиях. Но тот факт, что султану в ходе личной беседы сообщил о нем лорд Стратфорд де Редклиф, имел больший вес, чем обещание вооруженной помощи из уст любого другого политика». Абдул-Меджид остался весьма удовлетворен встречей.

На следующий день турецкое правительство официально сообщило Меншикову о решительном отказе выполнить его требования, что привело князя в неопишуемую ярость. Он отказался признать эту ноту в качестве ответа и пригрозил, что сочтет свою миссию законченной, если его условия не будут приняты до истечения трех дней. Удовлетворительный ответ должен быть доставлен в российское посольство до 14 мая, в противном случае он вернется в Санкт-Петербург. Вся ответственность за последствия его отъезда ляжет на министров султана.

Тринадцатого мая в турецком правительстве произошли новые перемены и министром иностранных дел стал Решид-паша, а Рифаат получил пост председателя совета. Теперь Меншиков возлагал надежды на Решида, полагая его «просвещенным и миролюбивым». Однако князь снова ошибся — новое правительство не более прежнего стремилось пойти навстречу его требованиям.

Четырнадцатого мая Решид-паша встретился со Стратфордом, они вместе набросали письмо в русское посольство с просьбой о нескольких днях отсрочки для подготовки ответа. На следующий день Стратфорд пришел к султану и убедил его разрешить беспрепятственный про-

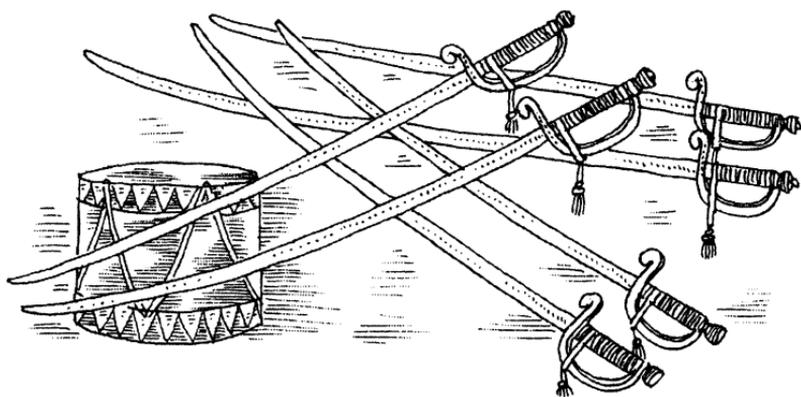
ход британских военных судов через Проливы, а 17 мая военный губернатор Дарданелл получил приказ пропустить два французских военных корабля. В тот же вечер было созвано чрезвычайное заседание Большого совета для обмена мнениями по вопросу российских требований. В состав Большого совета входили наиболее видные государственные деятели империи, включая всех членов кабинета, бывших министров, губернаторов и правоведов. Этот форум, по существу, отражал истинное мнение нации, насколько это было возможно в то время. На совете прозвучали голоса, что Турции уже приходилось подчиняться унижительным требованиям другой державы — а именно Австрии. Неужели подобное должно повториться? В результате голосования выяснилось, что 42 голоса из 45 было подано против России. На это раз Турция не уступит.

На следующий день Решид-паша встретился с Меншиковым. Примирительным тоном он заверил князя, что Турция ничего не желает так сильно, как мирного урегулирования всех разногласий. И тут же передал послу окончательные предложения турецкого правительства. Отныне никаких изменений в отношении статуса святых мест не может происходить без согласия России. Султан подписывает фирман, гарантирующий права православных в Османской империи. И наконец, издается конвенция, согласно которой в Иерусалиме выделяется место для строительства русской православной церкви и приюта для паломников. В этих предложениях министра содержалось практически все, что требовал князь, и даже больше. Там не было только одного — пункта о русском протекторате в отношении православных христиан на территории Турции. Меншиков ответил Решиду, как он впоследствии сам писал, «холодным и решительным отказом, изложенным в самых сильных выражениях». Генерал-губернатор Финляндии был неумолим: всё или ничего. И в качестве последней возможности спасти положение дал туркам еще три дня.

Во время этого разговора лорд Стратфорд де Редклиф совершал прогулку по Босфору под парусом. С Решидом он встретился до того, как тот отправился к Меншико-

ву, и теперь ждал возвращения министра, чтобы узнать последние новости.

Вернувшись в посольство, разгневанный князь приказал убрать со здания российский флаг. Его миссия была завершена, и он покидал «презренный город». Все документы и архив были упакованы в ящики и переправлены на борт «Громоносца». Туда же по распоряжению Меншикова перешел весь персонал посольства за исключением торгового атташе, которому надлежало остаться в Константинополе. Восемнадцатого мая Меншиков отдал капитану приказ выйти из гавани. На внешнем рейде он велел стать на якорь. Там он провел три дня в ожидании сведений от турок. Но все было тихо, никто не появился. Двадцать первого мая сразу после полудня «Громоносец» поднял якорь и взял курс домой. К закату земля пропала из виду, а корабль, если смотреть на него с берега, превратился в крохотное пятнышко на горизонте.

Меншиков покинул Константинополь; Стратфорд там остался. В докладе Николаю русский посол, не жалея красок, жаловался на «антихриста в облике гордого англичанина, которому небо позволило восторжествовать над царем и православной церковью и чье злокозненное искусство послужило причиной его неудачи».

До возвращения в Константинополь Стратфорда турки находились в состоянии нерешительности и тревоги. В течение сорока пяти дней после приезда английского посла они обрели уверенность в себе и твердость — исключительно его усилиями. Авторитет Элчи в Порте не подвергался сомнению. Стратфорд успешно довел до завершения дело о святых местах и при этом отразил попытки России распространить свое влияние на Османскую империю.

Еще в начале года распад Турции был любимой темой размышлений и обсуждений в европейских столицах, а теперь Европа с восхищением смотрела на Османскую империю, которая проявила незаурядные выдержку, терпение и стойкость в переговорах с Россией. На царя Николая давно смотрели со страхом как на властителя, обладающего неслыханным могуществом и склонного к распространению своего господства на другие страны. И вот он явлен миру потерпевшим поражение.

Когда известие о неудаче Меншикова в Константинополе достигла Петербурга, гневу императора не было границ. Провал миссии русского посла был вызван исключительно интригами этого несносного Стратфорда, который, похоже, фактически управлял Портой. У Николая было ощущение, что султан дал ему пощечину. Стратфорд не только переиграл его личного посланника, но этот негодяй теперь сам осуществляет протекторат над всеми церквями в Турции, в том числе и над его церковью — Царя, Отца, Первосвященника православного христианства. Как пишет Кинглейк, «Николай был ввергнут в такое состояние, что его ярость прорвала все плотины, лишив даже чувства собственного достоинства, которое всегда заставляло императора сдерживаться».

Через десять дней после того, как Меншиков покинул Константинополь, канцлер Нессельроде направил Решид-паше послание, в котором предупредил о весьма тяжелых последствиях для султана при отказе выполнить все требования России. Если в течение восьми дней Порты не даст положительного ответа, русские войска пересекут турецкую границу, чтобы «силой, но не войной» добиться того, что султан отказался сделать по доброй воле.

В течение нескольких недель ситуация в зоне Проливов резко изменилась и в нее были вовлечены все великие державы. Британское правительство оказалось втянутым в военный союз с Турцией. Абердин продолжал говорить о мире, но при этом не выступил за нейтралитет и не заявил об отказе от оборонительного договора с султаном. Он снова и снова одобрял отчеты Стратфорда, почти ежедневно приходящие из Константинополя. Каждый в отдельности такой отчет казался разумным, сдержанным и вполне достойным одобрения, но, как подчеркивает Кинглейк, «если некий государственный деятель раз за разом одобряет подобные документы, не пытаясь приложить усилие, чтобы шире взглянуть на происходящие события, о которых его извещают такими дробными порциями, он может оказаться вовлеченным в действия, им отнюдь не предусмотренные и для него нежелательные».

Те действия, которые премьер-министр всего лишь одобрял, министр иностранных дел настойчиво пытался усилить. Кларендон писал Стратфорду о «необходимости принять меры для защиты султана и оказания ему помощи при отражении любого нападения на его территорию... прибегая к силе как крайней мере для обороны Турции от неспровоцированной агрессии и покушения на ее независимость, которую Англия обязана обеспечить».

Обязана или нет, но могла ли Британия все еще предотвратить войну? Вот что об этом пишет Уолпол*: «На этом этапе было два пути для сохранения мира. Правительство могло сказать Порте: “Если начнется война, Англия не будет в ней участвовать”. Такое прямое заявление заставило бы султана прийти к соглашению с Россией. Второй путь — заявить царю: “Если начнется война, Англия выступит союзником Турции”. В этом случае царь был бы вынужден остановиться». Если бы премьер-министр Абердин чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сказать решающее слово, события пошли бы по первому пути. Будь сильнее министр иностранных дел Кларендон — реальным оказался бы второй путь. А прискорбно разделенное коалиционное правительство не смогло выбрать единой активной позиции. «Пока государственный корабль дрейфовал в неопределенном направлении, — заключает Уолпол, — лорд Стратфорд захватил руль и направил судно в водоворот войны».

Тем временем Санкт-Петербург с нетерпением ожидал ответа Порты на послание Нессельроде. Но и по истечении восьми дней Константинополь продолжал хранить молчание, и Николай, потеряв терпение, решил действовать. Третьего июля царь издал манифест:

Божьей милостью Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая, объявляем всенародно:

Известно любезным Нашим верноподданным, что защита Православия была искони обетом блаженных предков

* Уолпол, Спенсер (1839–1907) — английский историк.

Наших... Истощив все убеждения и с ними все меры миролюбивого удовлетворения справедливых Наших требований, признали Мы необходимым двинуть войска Наши в Придунайские княжества, дабы доказать Порте, к чему может вести ее упорство... Не завоеваний ищем Мы; в них Россия не нуждается. Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного...

В качестве предварительного шага генерал Горчаков за день до выхода манифеста переправил шестидесятитысячную армию через Прут на территорию Дунайских княжеств и быстро и беспрепятственно расположил свои войска вдоль границы.

Политическое положение Молдавии и Валахии было весьма своеобразным. На эти территории распространялся суверенитет Порты, но при этом они находились под защитой России. Каждым княжеством управлял господарь, назначенный султаном, но в то же время султан не имел права вмешиваться в их внутренние дела. Турецким войскам доступ в эти княжества был запрещен, но с 2 300 000 жителей собиралась подать, которую отправляли в Константинополь. В случае внутренних раздоров, которые могли угрожать стабильности правительств этих территорий, Россия имела право вмешаться для восстановления порядка. (Именно это и произошло в 1848 году, когда русские войска успешно подавили революционные движения в обоих княжествах.)

Когда русские войска вошли в Молдавию и Валахию, Горчаков приказал господарям продолжать исполнение своих функций, но с этого момента они становились подотчетны генералу. Кроме того, отныне ежегодная подать должна была поступать в российское казначейство в Санкт-Петербурге. Такое положение предполагалось сохранять до тех пор, пока русские войска будут оставаться на этих землях.

Оккупировав Дунайские княжества и заявив о своем намерении оставаться там до полного выполнения Турцией его требований, Николай полагал, что выбрал компромиссную линию поведения. Этот шаг не озна-

чал начала войны, но и не обеспечивал прочного мира. Со временем, рассуждал император, такое положение должно привести к желаемым результатам. Совершенно очевидно, что Николай, по существу, не желал войны. «Довести дело до войны нетрудно, — писал он после возвращения Меншикова в столицу, — но как ее закончить? Это одному Богу известно». Царь был убежден, что все усиливающийся внутренний разлад в Османской империи вскоре приведет к ее краху и сокращению территории. Силовая акция в Дунайских княжествах только ускорит этот процесс, и Турция неизбежно уступит давлению России.

У Николая существовал план и на случай иного развития событий: если оккупация Дунайских княжеств не приведет к желаемой цели, Россия установит блокаду Босфора, а также признает независимость Молдавии и Валахии. В случае продолжающегося упорства турок Россия признает и независимость Сербии. «Вот увидите, все закончится благополучно», — уверял Николай французского посла в Петербурге Кастельбажака*.

Тем временем в Константинополе Стратфорд успокаивал встревоженных турок. Вторжение на территорию Османской империи было, несомненно, актом агрессии, говорил он. Однако, продолжал британский посол, на данном этапе султан не обязан относиться к этому именно так — целесообразно проявить сдержанность. Порта не готова к войне, к тому же общественное мнение Западной Европы еще не полностью на стороне Турции. Выбрав средний, компромиссный путь, подчеркивал Стратфорд, царь позволил султану самому определить время для начала силовых действий, если к таковым придется прибегнуть, а их неизбежность становится очевидной всем, кроме российского императора.

Николай сохранял уверенность, что ни Австрия, ни Англия не вступятся за Турцию. Габсбурги были его должниками за помощь в подавлении восстаний в Венгрии и Черногории и не смогут нарушить Мюнхенский договор.

* Кастельбажак, Бартельми (1787–1864) — французский дипломат.

Царь не сомневался в поддержке Франца-Иосифа и был убежден, что при удобном случае Австрия сама оккупирует турецкие протектораты Сербию и Герцеговину. Что касается Англии, то Николай искренно верил в невозможность конфликта со своим партнером по договоренностям 1844 года. Более того, в Британии у власти стоял народ, народ заинтересован в процветании страны, а для процветания страна должна избегать войн. Ко всему прочему Абердин громко говорил о своем стремлении к миру и неоднократно заявлял, что Британия не вступит в войну без его личного одобрения этого шага. Николай был знаком с британским премьером и безоговорочно верил ему. Война с Британией решительно невозможна. Поэтому неудивительно, что, принимая у себя Джона Брайта, посла Соединенных Штатов в Санкт-Петербурге, император решительно отрицал возможность перерастания существующих разногласий между Россией и Турцией в активные военные действия.

Как мог царь столь ошибочно оценить возможные действия Англии, что в первые недели июня заявил: «Все закончится благополучно»? Еще совсем недавно, в середине апреля, британское правительство поддержало императора — предложения Франции о совместных действиях против России были решительно отвергнуты. «Николай не лелеет никаких тайных замыслов», — заявил Кларендон, выступая перед парламентом. Однако 26 апреля в Лондон пришло первое послание Стратфорда касательно русско-турецких переговоров, и с каждым следующим отчетом враждебность их автора к России нарастала. Стратфорд писал о зловещих мотивах царя, требующего протектората над православными подданными султана. В одном из сообщений утверждалось, что Россия стремится заполучить в Турции опасные политические преимущества, в другом — что требуемые Меншиковым гарантии для православных не имеют отношения к религии. Время шло, и в британском кабинете нарастала тревога по поводу развития событий на Востоке. Члены кабинета не были единодушны в том, какую позицию следует занять Британии. Абердин — «наш единственный друг», по словам Брунно-

ва, — желал любой ценой сохранить мир. Он восхищался царем и в той же мере презирал султана, которого считал неспособным к переменам. Однако, признавая необходимость призвать Россию к сдержанности, премьер-министр предложил, чтобы великие державы оказали «моральное воздействие» на российского императора. Пальмерстон склонялся к другой крайности. По его мнению, оккупация Дунайских княжеств представляет собой *casus belli**, а потому английский флот должен направиться в Константинополь и, если понадобится, войти в Черное море. «Моральное воздействие», заявил он, может привести к желаемой цели, только если его подкрепить силой оружия. Кларендон занял промежуточную позицию, которая в конечном счете и была принята. Он предложил побудить великие державы к совместному дипломатическому давлению на Россию, а при этом еще послать ко входу в Дарданеллы английскую эскадру.

Пока Стратфорд возбуждал страсти, а кабинет спорил, пресса освещала события во всех подробностях, и публика с жадностью на них набрасывалась. В Англии на протяжении двух поколений царил мир, и известие об угрожающей обстановке на Востоке глубоко волновало британцев. «Дейли ньюс» призывала к немедленной отправке флота в Дарданеллы. «Таймс» восклицала: «Полагать, что можно поддержать независимость Турции без риска оказаться вовлеченными в войну, — сущая глупость! Нужно либо действовать, либо молчать». «Манчестер гардиан» требовала решительных шагов и напоминала о значении Турции для британской торговли. И все были едины во мнении, что действия царя на Востоке могут дать повод Наполеону III для вторжения в Бельгию.

В течение нескольких недель неустойчивая ситуация на Дарданеллах в корне изменилась, что сильно повлияло на поведение великих держав. Британия и Франция, враги согласно старой исторической традиции, сблизились друг с другом. Третьего июня послы обеих стран в Константинополе получили одинаковые распоряжения. Командую-

* «Случай войны», повод к войне (*лат.*).

шему французским флотом на Средиземном море адмиралу Гамелену предписывалось действовать совместно с адмиралом Дандасом, и объединенная флотилия должна была прибыть в Безикскую бухту — как свидетельство взаимопонимания между двумя державами. В середине июня в Париже и Лондоне было официально объявлено о сотрудничестве и взаимной помощи между Францией и Англией. Таким образом новый союз был закреплен. Твердая позиция султана получила одобрение, а дерзкие действия царя осуждены. Не прошло много времени, как Николай подверг осмеянию британскую прессу: *Les invectives des journaux anglais sont d'une insolence et d'une trivialité qui dépassent toute mesure**. Вера Николая в английское правительство и английское общество неожиданно пошатнулась.

Через три дня после того, как русские войска переправились через Прут, объединенный флот получил приказ следовать в Безикскую бухту у входа в Дарданеллы. Приказ предписывал французским и английским судам «не входить в Дарданеллы до тех пор, пока Россия не начнет военные действия и Порты не объявит, что находится в состоянии войны». Целью передвижения флотов являлось исключительно сохранение Османской империи. Профессор Темперли пишет: «Огромный флот отслеживал действия огромной армии. Ни одна сторона не приступала к военным действиям, но обе эту войну приближали. Реальная опасность дальнейшего продвижения флота или армии заключалась в том, что возврат на исходные позиции с сохранением достоинства был очень сложен. Отступление или вывод войск стал бы признанием поражения».

Известие о передвижении объединенного флота привело Николая в ярость. Когда же ему сообщили, что этот флот поступил в распоряжение лорда Стратфорда, русский император, как замечает Кинглейк, «впал в состоя-

* Брань английских газет по своей наглости и пошлости превосходит все разумные пределы (*фр.*).

ние царя Давида, когда тот возносит молитвы Господу о поражении его врагов».

Пребывание иностранных флотов у входа в Дарданеллы и угроза их дальнейшего продвижения через Босфор нанесли огромный ущерб стратегическим интересам и безопасности России. Любая блокада Балтийского или Черного морей, писал молодой журналист Карл Маркс в статье для «Нью-Йорк трибюн», превратит Российскую империю в «коLOSSа, лишённого рук и глаз». России угрожала судьба Циклопа.

Нессельроде получил задание объяснить правительствам Европы, что именно эти недопустимые враждебные шаги заставили царя оккупировать Дунайские княжества, которые должны послужить «материальной гарантией» удовлетворения справедливых требований Николая. Действия России по принуждению Турции не означают войны. Выполнить такое поручение было невозможно: каким образом Нессельроде мог объяснить, что русская армия переправилась через Прут за три дня до того, как объединённый флот получил приказ к отплытию?

В Константинополе султан был весьма доволен. Он с удовлетворением воспринял мнение Стратфорда, что вторжение русских войск в Дунайские княжества — это *casus belli*. Ещё большую радость ему доставило известие, что Наполеон III разделяет эту точку зрения. Теперь у входа в Дарданеллы стоял мощный англо-французский флот и послы этих стран были уполномочены не только вызвать их в Константинополь, но и направить в Чёрное море. Вскоре Константинополя достигла ещё одна обнадеживающая весть: вице-султан Египта и бей Туниса послали свои войска на помощь султану. Дальнейшие переговоры с российским императором должны были неизбежно закончиться самым благоприятным для Турции образом. «Трудно было проповедовать мир, — пишет Темперли, — когда пламя национальных и религиозных чувств горело так ярко, столице ничего не угрожало и подкрепления шли к Константинополю».

В Париже Наполеон также пребывал в превосходном настроении: связи между Францией и Британией креп-

ли и этот дипломатический успех был достоин его славного имени. Но он и не думал останавливаться — Наполеону была нужна война, ибо только она могла осенить его воинской славой. Успех в войне не только укрепит положение французского императора в Европе, но и благоприятно повлияет на внутренние дела в стране. Победа над Россией реабилитирует Францию после поражения его дяди, а также заставит людей забыть о нарушении Луи-Наполеоном клятвы 2 декабря 1851 года и последовавшем за переворотом кровопролитии. Да, война была ему необходима.

В Лондоне продолжались споры между членами кабинета. Абердин убеждал правительство в необходимости сотрудничества с царем и продвижения флотов не далее входа в Дарданеллы. Ему возражал Пальмерстон: «Словами можно отвечать только на слова, а не действия следует отвечать действиями!» И призывал к отправке флота в Босфор.

В конце концов кабинет принял решение (с которым Пальмерстон не согласился): считать, что оккупация Дунайских княжеств не составляет *casus belli*. Об этом было сообщено Бруннову, и Кларендон отправил письмо Николаю с заверениями, что объединенный флот не войдет в Дарданеллы, пока Константинополю не грозит вторжение. Одновременно в российское посольство просочилась конфиденциальная информация, что Британия решила не вступать в войну до тех пор, пока Франц-Иосиф остается союзником России. Австрия была единственной страной, способной убедить царя вывести войска из Дунайских княжеств, а потому соглашение по восточной проблеме в полном объеме могло быть достигнуто только с помощью Вены. «Вопрос о войне и мире теперь находится в ее руках», — заявил Бруннов.

Австрия тем временем оставалась молчаливым наблюдателем событий, которые разворачивались в опасной близости от ее границ. Возможности Франца-Иосифа как посредника сохранялись, несмотря на противоречивую ситуацию, в которой оказался молодой император. С одной стороны, он был в долгу перед Николаем, кото-

рый помог ему сохранить трон, и открыто восхищался русским царем, считая его оплотом законной власти династий. С другой стороны, рассуждая практически, он понимал, что, оставаясь в Дунайских княжествах, Россия приобретает контроль над устьем Дуная, что нанесет ущерб австрийским торговым интересам на Востоке. Кроме того, возникал вопрос: каковым будет будущее православных подданных австрийского императора, если царю удастся установить протекторат над православным населением Оттоманской империи? Не обретет ли Россия чрезмерное влияние на внутренние дела Австрии?

Во взглядах Австрии на Британию также просматривались две стороны. Буржуа относились к ней благожелательно и приветствовали расширение торговых связей. В то же время влиятельная аристократия видела в Англии центр либерализма и убежище для революционеров всего мира.

Отношение Австрии к Франции оставалось неопределенным. Наполеон III, активный сторонник итальянского национально-освободительного движения, мог побудить Сардинию войти в подвластные Габсбургам провинции Италии — это толкало Вену на установление дружеских связей с Францией. С другой стороны, имея в виду возможность такого вторжения, было бы полезно заручиться поддержкой русского оружия.

Наконец, рассмотрев и оценив все эти обстоятельства, Австрия приняла решение. Семнадцатого июня графа Мейендорфа, русского посла в Вене, вызвали в Хофбург, где министр иностранных дел граф Буоль* сообщил ему, что австрийская политика в отношении Оттоманской империи полностью совпадает с британской. «Поддержание ее независимости и целостности представляется весьма важным для интересов Австрии», — сказал министр и далее заявил, что, если Австрии придется применить свои вооруженные силы, их действия будут направлены на защиту власти султана.

* Буоль, Карл Фердинанд (1797—1865) — граф, австрийский дипломат и государственный деятель.

И наконец, Пруссия. Эта страна, которую, по словам Кинглейка, «до того момента полагали во всем согласной с императором Николаем», была крайне встревожена чванливым поведением Меншикова в Порте и особенно — его требованиями. После объявления Австрией ее позиции по восточному вопросу прусский посол в Константинополе получил указание впредь действовать в дружеском единении с послами Австрии, Франции и Британии.

Подобная реакция теперь уже объединенной Европы потрясла царя. Особенно расстроила Николая двуличность Австрии — Франц-Иосиф предал своего спасителя. Упорство турок и определившаяся позиция великих держав еще более усиливали угрозу войны. Во время своего визита в Англию в 1844 году Николай, говоря о будущем, спросил Абердина: «...если столь много бочек с порохом окажутся вблизи огня, как уберечь их от взрыва?» Теперь, спустя десять лет, пороховые бочки действительно были рядом с огнем. Вооруженного конфликта можно было избежать только с помощью посредника. В отчаянии царь посылал сигналы о своей готовности рассмотреть любые разумные предложения. Союзники — Британия, Франция, Австрия и Пруссия — уловили эти сигналы, и 22 июля их послы в Вене собрались, чтобы совместно рассмотреть тупиковую ситуацию. Председательствовал министр иностранных дел Австрии граф Буоль.

Перед этой конференцией стояла важнейшая и труднейшая задача — решить, как сохранить мир и при этом обеспечить независимость Турции, причем сделать это таким образом, чтобы царь не потерял лица. Бурные обсуждения и споры велись восемь дней, и за это время «на берегу Дуная пролилось чернил не меньше, чем впоследствии крови в Крыму», как писал Пьер де Лагорс*. В результате родился довольно туманно сформулированный документ, преследующий цель в основных пунктах удовлетворить Россию и при этом не слишком оскорбить Турцию. Документ этот подтверждал Кючук-Кайнар-

* Лагорс, Пьер де (1846–1934) — французский историк и юрист.

джийский договор 1774 года, признававший российский протекторат над православной церковью на территории Оттоманской империи. Кроме того, Турции вменялось в обязанность обсуждать с Россией и Францией все предполагаемые изменения в положении религиозных общин. Все четыре страны-участницы совещания одобрили это решение, как и царь Николай, которого с ним негласно познакомили. Принятый документ («Венская нота»), впрочем, имел существенный недостаток — он все же наносил обиду Порте. Султан не мог согласиться с ним, не потеряв достоинства. Тем не менее соглашение было достигнуто, и острота проблемы, похоже, прошла.

Пока четыре страны трудились над этим соглашением, их послы в Константинополе выступили со своим решением, которое оказалось значительно более разумным, чем принятое в Вене. Вспомним, что последним предложением Решид-паши Меншикову был фирман, гарантирующий права православных в Оттоманской империи. Стратфорд и его коллеги предложили послать экземпляр этого документа русскому императору с вежливым сопроводительным письмом от Порты, адресованным графу Нессельроде, в котором подчеркивается, что фирман подтверждает привилегии православной церкви без ограничения сроков, иначе говоря, предоставленные православным права никогда не будут отозваны. Четыре посла в Порте засвидетельствуют подпись этого документа, то есть европейские державы выступят гарантами соблюдения условий, упомянутых в фирмане. Со всей очевидностью это полностью соответствовало желаниям царя.

Не без труда послам удалось уговорить султана на такой шаг, и соответствующий текст (с весьма неудачным названием «Турецкий ультиматум») был отправлен с курьером в Вену для одобрения. Пакет прибыл на место в тот самый день, когда Венская нота была принята и подписана, опоздав всего на несколько часов. Уставшие и раздраженные, дипломаты не были расположены к продолжению дискуссии и оставили без рассмотрения составленный в Кон-

стантинополе документ. Окажись в то время в распоряжении послов телеграф, участники конференции успели бы рассмотреть плоды усилий своих константинопольских коллег, и, вполне вероятно, Крымскую войну удалось бы предотвратить.

Россия с готовностью приняла Венскую ноту. Парижская «Монитор» поспешила опубликовать эту новость, а в Вене торжествующий Буоль принимал поздравления с блестящей дипломатической победой. Получив благоприятные известия, Абердин написал Кларендону: «Император одобрил нашу ноту и выразил готовность принять турецкого посла, как только эта нота будет одобрена Портой. Я полагаю, дело улажено».

Хотя граф Буоль и добился соглашения между четырьмя странами и даже тайно заручился одобрением этого документа царем, он не обсуждал его с султаном. Венская нота прибыла в Константинополь 12 августа вместе с известием о положительном отношении к ней России. Лондон велел Стратфорду склонить султана к согласию: «Нота в полной мере защищает принцип, о котором пеклась турецкая сторона, а потому Порта может подписать ее, не опасаясь последствий... Союзники султана единодушно рекомендуют ему сделать этот шаг».

Стратфорд поступил, как и было предписано. «Я обратил внимание Решид-паши на то обстоятельство, — писал он в своем докладе правительству, — что все четыре державы твердо настаивают на одобрении турецкой стороной этой ноты... и неоднократно подчеркивал, сколь опасно промедлить с принятием такого решения, отклонить эту ноту или принять ее с оговорками и поправками».

Двенадцатое августа отнюдь не было благоприятным днем для убеждения султана. Темперли пишет: «В тот день в Константинополь прибыл египетский флот, что придавало туркам мощный заряд уверенности. Белые паруса египетских кораблей заполнили бухту Золотой Рог, зеленые палатки египетской армии выстроились на окрестных холмах. И хотя англо-французская эскадра не была в пределах видимости, она могла появиться по первому зову. Стамбул был в полной безопасности».

Внимательно изучив ноту, султан заявил, что с радостью согласится с ней, но при условии, что в текст будут внесены три изменения. В противном случае она для Турции неприемлема. В сущности говоря, требуемые изменения носили непринципиальный характер и не могли привести к серьезным последствиям, однако это все же были поправки турецкой стороны. По мнению Кларендона, ни одна из них не имела сколько-нибудь важного значения и не обеспечивала туркам дополнительной безопасности. Известие о требовании султана взбудоражило Вену: ведь политики четырех держав полагали, что вплотную приблизились к мирному решению проблемы. Граф Буоль снова собрал разочарованных послов. Началась неблагоприятная и утомительная работа по сличению двух почти идентичных текстов. Дотошно изучалось каждое слово, рассматривался каждый слог, обсуждалась каждая фраза, подвергалась оценке каждая запятая. Сделать больше не смогли бы и грамматисты. Когда же весь текст был просеян через мелкое сито, дипломаты пришли к выводу, что турки продемонстрировали политическую недалекость, что их требования неуместны и их поправки бесполезны.

Николая попросили согласиться с турецкими оговорками, но царь полагал, что уже проявил добрую волю, приняв первоначальный текст ноты, и не был склонен идти на дальнейшие уступки. Он с негодованием отверг новое предложение четырех стран. Труд венских дипломатов пошел прахом.

Возникает вопрос, почему султан отклонил Венскую ноту? По мнению профессора Темперли, для Турции «этот документ с очевидностью означал зависимость и униженность». Более раннее предложение, исходившее от послов в Порте, «сохраняло лицо турецкой стороны, поскольку четыре великих державы свидетельствовали ее «добровольное» обещание, данное России». Кроме того, отмечает Темперли, «тот факт, что русский царь был заранее тайно осведомлен о содержании ноты, наносил удар по достоинству Порты. Тем самым европейские дипломаты продемонстрировали свое непонимание турецкой

психологии». Не исключено также, что султану просто надоело. Он сделал последнюю уступку, согласившись с текстом упомянутого «Турецкого ультиматума», и полагал это достаточным. И разумеется, свой вклад в его нежелание идти навстречу Николаю внесли прибытие египетского флота и воинственная лихорадка, охватившая столицу.

Американский историк профессор Б. Шмитт полагает, что истинная вина за неудачу с Венской нотой лежит на французском после в Константинополе. Де Лакур, рекомендуя султану согласиться с нотой, в то же время помогал ему формулировать свои поправки. Он разжигал воинственное настроение турок даже своими, казалось бы, невинными вопросами о высадке войск на побережье Турции и о том, полагает ли Порта, что Дарданеллы уже открыты для прохода объединенной эскадры.

Однако по мнению Николая и многих членов британского кабинета вся вина за неудачу дипломатической миссии четырех стран лежала на Стратфорде. Было известно, что сам британский посол не одобрял Венскую ноту. Кинглейк пишет по этому поводу: «Правительства четырех стран и их представители, собравшиеся в Вене, наивно полагали, что они способны уладить раздоры и восстановить спокойствие в Европе без содействия лорда Стратфорда де Редклифа. Со всей очевидностью любой государственный деятель, позабывший о Стратфорде, оказывался несостоятельным в своих представлениях о политических процессах». Обратите внимание на нижеследующую переписку.

*Сэр Джеймс Грехем, член парламента — Кларендону,
16 августа*

Стратфорд не одобряет предложенную в Вене ноту... и решительно заявляет противоположное. Он вполне способен поощрить турок к упрямству...

Абердин — Кларендону, 19 августа

Боюсь, от Стратфорда стоит ожидать неприятностей...

Абердин — Кларендону, 20 августа

Я подготовил королеву к возможной отставке Стратфорда, которую, как и Вы, полагаю вполне возможной...

Кларендон — Расселу, 25 августа

Я все время чувствовал, что Стратфорд не позволит осуществить какой-либо план по урегулированию проблемы, кроме собственного...

Лорд Каули — Кларендону, 29 августа*

Пусть это останется между нами, но по словам де Лакура у него нет сомнения, что странное поведение лорда Стратфорда, как он это называет, связано с позицией, занятой Портой. Де Лакур говорит, что публично и официально Стратфорд следует полученным указаниям и призывает турецкое правительство одобрить Венскую ноту. В то же время он дает понять, что его частное мнение расходится с официально высказанной точкой зрения, и не использует свое личное влияние для достижения желаемого результата, хотя это в настоящий момент было бы весьма полезно. Кроме того, де Лакур утверждает, что в разговорах с близкими ему людьми лорд Стратфорд не стесняется в выражениях, осуждая все, что происходит в Вене, и заявляет о том, что война предпочтительней подобного решения, что положение Турции не оставляет желать лучшего и тому подобное...

Сэр Джеймс Грехем — Кларендону, 3 сентября

Я надеюсь, что вы не позволите втянуть Европу в войну только потому, что Каннинг полагает, будто он умеет писать лучше всех других, и решил запутать все дела в стране и за границей в надежде добиться триумфа собственного неумеренного тщеславия и столь же неумеренных антипатий.

Кларендон — Дж. Льюису, члену парламента, 12 сентября

Стратфорд, этот настоящий султан... делая вид, что повинуетя полученным указаниям, дает понять туркам о своем расхождении с официальной точкой зрения, и те действуют соответственно.

* Каули, Генри Уэлсли, граф (1804–1884) — британский дипломат.

На ком бы ни лежала вина, Венская нота обратилась в прах, и у царя осталась лишь одна, последняя возможность избежать немедленной войны — встретиться лицом к лицу с Францем-Иосифом. «Я люблю императора Австрии как собственного сына, — писал Николай. — Я знаю, что он будет моим союзником в усилиях положить конец бесчестному правлению на Босфоре и притеснению неверными несчастных христиан». Австрия, а за нею и Пруссия, по мнению Николая, могли оказать давление на Турцию.

К концу сентября Николай посетил Варшаву, Ольмюц и Берлин. В серии дружеских бесед с Францем-Иосифом и Фридрихом-Вильгельмом IV ему удалось убедить их в своей искренности настолько, что оба монарха согласились сократить свои регулярные армии. Вскоре после этого Австрия и Пруссия вообще отказались участвовать в каких-либо действиях, связанных с турецкой проблемой, что принесло облегчение им самим и российскому императору. Так обстояли дела на тот момент. Для царя больше не существовало вопроса о нейтралитете Австрии и Пруссии. Британия и Англия оказались единственными странами, продолжавшими поддерживать Турцию. Вот что писала королева Виктория о положении, сложившемся к началу октября:

При сложившихся обстоятельствах королеве представляется, что все риски, связанные с возможным началом войны в Европе, теперь ложатся на нас и Францию, и при этом мы не ограничили Турцию какими-либо условиями в отношении ее провокационных действий, способных эту войну инициировать. Выбор политической линии Константинополя отдан в руки ста двадцати фанатически настроенных членов дивана*, и при этом они знают, что Англия и Франция взяли на себя обязательства по защите турецкой территории! Подобную власть наш парламент не может доверить даже британской короне.

* Диван (*перс.* — канцелярия, присутственное место) — в Османской империи совет при султанах.

Через несколько дней в том же ключе писал принц Альберт:

...совершенно очевидно, что турки получили стимул ни в коем случае не упустить возможности начать войну с Россией — более благоприятного стечения обстоятельств для этого шага они вряд ли найдут, поскольку весь христианский мир объявил о своей поддержке Турции и на ее стороне будут действовать вооруженные силы Англии и Франции.

В Константинополе Большой совет вновь встретился с султаном и был согласован текст ответа русскому царю. Если в течение пятнадцати дней русские войска не покинут территорию Дунайских княжеств, Турция будет считать себя в состоянии войны с Россией. Получив этот меморандум, Горчаков немедленно отверг содержащееся в нем требование. Четвертого октября Турция объявила войну России, и армии полумесяца двинулись на север, чтобы вступить в сражение с армиями креста.

Месяцем ранее англо-французский флот все еще стоял в Безикской бухте. Тревога за его безопасность росла, поскольку зимняя погода в этих местах весьма неблагоприятна и в конце октября ожидалась сильная буря. В то же время отказ Турции принять Венскую ноту предполагал дальнейшие длительные переговоры. Еще до того, как Николай сообщил свое решение не соглашаться с турецкими поправками, Франция стала настойчиво предлагать Англии ввести флот в Дарданеллы. Такой шаг не только обеспечил бы безопасность судов, но и мог подтолкнуть царя к более быстрому согласию на изменения в тексте ноты. Несмотря на эти доводы, Кларендон и другие члены кабинета посчитали, что французское предложение находится в прямом противоречии с условиями Конвенции о Проливах. Было решено приказом о перемещении флота не отдавать и ждать — погода еще это позволяла. Однако объявление Турцией войны все изменило — кабинет принял предложение Франции, британский флот получил распоряжение присоединиться к французской эскадре и направиться в Константинополь. Инте-

ресно, что примерно за тридцать лет до этого Наполеон Бонапарт, находясь на острове Святой Елены, предсказывал: «Через некоторое время Россия заполучит Константинополь... Все проявления лести ко мне со стороны Александра были направлены на то, чтобы заручиться на то моим согласием... Полагаю, что если Франция и Англия когда-либо будут действовать в полном и искреннем согласии, то исключительно с предотвратить захват Россией Константинополя».

Николай остался в изоляции. Несмотря на дружественный прием, оказанный ему в Австрии и Пруссии, правительства Европы решительно объединились против него. Все более враждебным становилось и общественное мнение европейских стран. Это настроение нашло яркое выражение в беседе Наполеона III с одним из русских дипломатов, к которому французский император питал особое доверие.

Я намерен... приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать распространению вашего влияния и заставить вас вернуться в Азию, откуда вы и пришли. Россия — не европейская страна, она не должна быть и не будет таковой, если Франция не забудет о той роли, которую ей надлежит играть в европейской истории... Стоит ослабить ваши связи с Европой, и вы сами по себе начнете движение на Восток, чтобы вновь превратиться в азиатскую страну. Лишить вас Финляндии, балтийских земель, Польши и Крыма не составит труда. Это станет грандиозным падением России, но вы сами его вызвали.

Разочарованный в Николае, Нессельроде писал: «Тридцать лет я продвигал Россию в Европу, а он намерен выбросить ее оттуда!» Но и сам почтенный канцлер не избег подозрений императора. С того момента, как на первый план вышла проблема святых мест, чересчур осторожный канцлер утратил доверие. «Сын католика и протестантки, сам исповедующий англиканство, да еще, возможно, внук еврейки, Нессельроде считался недостойным иметь свою точку зрения по вопросу, связанному с интересами православной церкви», — пишет Константин де Грюнвальд.

И Николай лишил мудрого и сдержанного Нессельроде возможности эту точку зрения высказывать.

В этот критический момент гнев императора возобладал над благоразумием, его действия приобрели противоречивый, непоследовательный характер. «Это противоречие между словами и дипломатическими маневрами дало врагам Николая еще более веские доказательства его двуличности, — отмечает профессор Грюнвальд. — Высказывания императора стали предельно грубыми. Подданных султана он называл не иначе как “эти турецкие собаки”, Наполеона III — “авантюристом”, Пальмерстона — “невежей и хамом”, других французских и английских министров — “трусами” и “негодьями”. И одновременно заверял генерала Гойона о своем желании принять у себя французского императора “как брата” и показать миру, как высоко он его ценит и с каким уважением относится к его достоинствам. Николай обращался к бельгийскому королю, которого ранее оскорблял, с просьбой обрисовать преимущества мира с Россией королеве Виктории и дельцам лондонского Сити».

Взывал Николай и к самой Виктории. «Остаемся ли мы, как я того страстно желаю, в дружеских отношениях, которые в равной степени выгодны обеим странам, или вы полагаете правильным положение, когда британский флаг развевается рядом с полумесяцем в противостоянии кресту Святого Андрея?» Ответ Виктории был холоден. В нем королева осуждала Николая за несдержанность в отношении Турции: «Истинные намерения Вашего величества не видны за той формой, в которую Вы облекли свои требования в адрес Порты».

Наконец был сыгран последний акт. Первого ноября Николай обратился к своему народу и миру с торжественным манифестом:

Россия вызвана на брань: ей остается — возложив упование на Бога — прибегнуть к силе оружия, дабы понудить Порту к соблюдению трактатов и к удовлетворению за те оскорбления, коими отвечала она на самые умеренные Наши требования... Мы твердо убеждены, что Наши верноподданные соеди-

нят с Нами теплые мольбы ко Всевышнему, да благословит десница Его оружие, подъятое Нами за святое и правое дело, находившее всегда ревностных поборников в Наших благочестивых предках. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки.

Прежде чем поставить свою подпись под этим манифестом, царь направил великим державам меморандум, в котором заверял их, что не намерен проводить наступательные операции. Российские войска не переправятся через Дунай, но сохранят свое присутствие в Дунайских княжествах. В заключение говорилось: «Сложившееся положение, вполне предсказуемое, ни в коей мере не препятствует продолжению переговоров». Если Наполеона можно упрекнуть в наивности, когда он настаивал в первую очередь на войне, то Николай вполне засуживает обвинения в полном непонимании особенности своей эпохи. Прав был Нессельроде, говоря о властелине России: «Он намерен выбросить ее из Европы».

Глава 9 Первое кровопролитие

За неделю, предшествовавшую царскому манифесту, Турция удалось захватить инициативу и продвинуть свои войска через Дунай на территорию княжеств. Войска Омар-паши заняли позиции в четырех пунктах, отстоящих друг от друга на значительное расстояние, и приготовились к встрече с неприятелем. Но первыми все же напали русские, которыми командовал генерал Перлов*. У Ольтеницы он повел свои войска в наступление на самый крупный из четырех отрядов турок. Войска Омар-паши дважды отражали атаку и понесли значительные потери. Четвертого ноября Перлов вновь атаковал, на сей раз введя в бой крупные силы — двадцать пехотных батальонов, три кавалерийских полка и тридцать два орудия. Продолжительный огонь тяжелых пушек проложил дорогу кавалерии и пехоте. Омар-паша позже так писал об этом сражении: «Прицельный огонь со стороны наших укреплений вскоре рассеял их правую колонну и постепенно заставил центр отступить... Тем не менее русские методично и упорно продвигались почти до линии наших траншей, неся большие потери, которые составили около тысячи человек убитых и вдвое больше раненых».

* На самом деле русскими силами под Ольтеницей командовал генерал Павлов.

Ожесточенный бой начался около полудня и длился несколько часов. «И все это время, — продолжает Омар-паша, — повозки не переставали увозить трупы русских солдат с поля сражения... В пять часов ряды русских пришли в полное расстройство, строй был сломан, что предопределило их неминуемое отступление. Часом позже кое-где в окрестных деревнях они еще пытались оказывать сопротивление, но основная масса обратилась в беспорядочное бегство. Наши войска в отдельных местах начали преследовать отступающих русских, но им было приказано вернуться. Потери с нашей стороны составили 105 человек. На поле боя мы собрали 500 ружей, а также ранцы, коробки с патронами и прочее военное снаряжение».

Зима в Юго-Восточной Европе наступает рано, и 1853 год не стал исключением. Пришли холода, и активные боевые действия в Дунайских княжествах были приостановлены. Ни одна сторона не могла заявить о своей победе, но слава досталась Омар-паше. Опытный тактик, он умышленно распределил турецкие силы вдоль Дуная и в самой западной части Валахии, заставив русских растянуть линии своих войск. Зная, что царь принял на себя обязательство не переправляться через реку, Омар-паша в полной мере воспользовался этим преимуществом. Дунай защищал турок от русских, но не защищал русских от турок. После боя при Ольтенице на протяжении всей зимы турецкий предводитель то и дело посылал свои отряды на противоположный берег, нанося болезненные удары по русским войскам. Русские никогда не знали, откуда следует ждать очередного нападения. При этом турецкие атаки всегда оставались безнаказанными, поскольку турок никто не преследовал. Омар-паша, как пишет Темперли, «досаждал русским, как рой оводов знойным летом досаждал корове». Успех боя при Ольтенице и тревожащих вылазок через Дунай в значительной степени укрепил уверенность турок в себе, они обрели ощущение собственной силы. В то же время русские испытали унижение, которое только разожгло их ярость. Царь взывал ко мщению, и он нашел его в противоположной части Черного моря.

От Черного моря до Каспийского по величественным и труднопроходимым Кавказским горам пролегала граница между владениями царя и султана протяженностью шестьсот пятьдесят километров. Именно там, в этих горах, далеко от Крыма, произошли первые крупные кровопролитные сражения этой войны. В то время как Омар-паша тревожил русских подобно «рою оводов», пятитысячный турецкий отряд переправлялся на плоскодонных судах из Батуми (что в нынешней Грузии) к русскому пограничному посту Святого Николая. Горстка защитников — солдат и местных жителей — дралась отчаянно, но не смогла долго противостоять туркам. К их несчастью, среди нападавших находились башибузуки. Вот как описывает этих воинов английский историк профессор Вальями: «Эти отряды — дикий сброд, состоящий из курдов, албанцев, арабов и негров, склонных к убийству и мародерству. Облаченные в пышные, но невероятно грязные варварские одеяния, вооруженные до зубов пистолетами, ятаганами, кинжалами, мясницкими ножами, великолепными дамасскими клинками и богато разукрашенными ружьями, они отличались жестокостью, доведенной до изуверства». У султана их было столь много, что 4000 этих «бродяг живописного вида» турки любезно предложили для службы в армиях Англии и Франции. Захваченных в плен защитников поста Святого Николая безжалостно убили. Очевидец, которому посчастливилось уцелеть, пишет: «Месть турок была ужасна. Они распяли таможенного инспектора, а потом использовали его тело как мишень. Священнику отпилили голову. Лекаря замучили до смерти, пытаясь выведать у него сведения о местонахождении гарнизонной казны. Женщин и детей резали, как скот, у одной беременной женщины вырезали из чрева живого ребенка и на глазах матери разрубили на куски».

Вскоре известие о падении поста Святого Николая достигло столицы, и подробности чудовищной жестокости турок были явлены обществу прессой, да еще с преувеличениями. Возмущению Санкт-Петербурга не было пределов, разгневанный царь приказал генерал-губернатору Кавказа Михаилу Воронцову организовать мас-

сированное наступление на главную турецкую твердыню в этом регионе — Карс. К счастью для Воронцова, еще в начале сентября для усиления многочисленных мелких местных гарнизонов в его распоряжение прибыла 13-я дивизия. Возглавить операцию губернатор поручил генерал-лейтенанту Андроникову. В середине ноября семитысячный русский отряд двинулся на Карс, чтобы вступить в бой с турецкой армией численностью до девятнадцати тысяч.

Двадцать шестого ноября русские подошли к крепости Ахалцых, и Андроников приступил к артиллерийскому обстрелу турецких позиций. Турки энергично отвечали, и артиллерийская дуэль длилась пять часов, не принося заметного успеха ни одной из сторон. Тогда Андроников решил переправиться вброд через неглубокую реку Пасхов-Чай, которая разделяла противоборствующие войска, и решить дело в штыковом бою. «Пехота наша под ближайшими картечными выстрелами всей неприятельской артиллерии и под батальным непрерывным ружейным огнем переправлялась через реку по грудь в воде. Приступ был так стремителен и единодушен, что неприятель при всей упорной защите должен был уступить, и первый шаг к отступлению стал началом окончательного его поражения и совершенного расстройтва», — доносил на следующий день Андроников. Русские преследовали турок до близлежащих холмов. «С закатом солнца прекратился бой по неимению противников», — гласит донесение генерала Андроникова.

В нескольких километрах от этого боя генерал Бебутов* шел по следам крупного турецкого отряда, который спешил из Баяндур на помощь Карсу. Тридцатого ноября русские настигли турок и навязали им бой близ селения Башкадыклар. Последовали артиллерийский обстрел, атака пехоты, контратака — и общее отступление турецких войск. Русские одержали еще одну громкую победу.

* Бебутов, Василий Осипович (1791–1858) — князь, генерал от инфантерии, участник Русско-турецкой войны 1806–1812 годов, Отечественной войны 1812 года и других войн.

«Докладываю вашей светлости, — в тот же вечер писал Бебутов князю Воронцову, — что отряд русских войск из 7000 человек пехоты, 2800 кавалерии, при 32 орудиях нанес в этот день турецкому корпусу из 20 000 регулярной пехоты, 4000 регулярной кавалерии и более 12 000 тысяч курдов и другой милиции при 42 орудиях совершенное поражение, отбил у неприятеля 24 орудия и обратил его в поспешное бегство». Русские потеряли убитыми и ранеными в этот день около 1100 человек. Потери турок, по последовавшим подсчетам, превышали 6 тысяч человек. Далее генерал отмечал, что на стороне турок дрались «поляки, которые в своем отчаянии перед тем, как умереть, бросали руками снаряды в голову нашим драгунам». Вообще польские эмигранты «превосходно защищались и почти все были перебиты». Бебутов написал также, что «турецкая артиллерия была прекрасно оборудована», почти все орудия и боеприпасы были английского производства.

Зима и на Кавказе ранняя, а потому после этих двух крупных сражений активные военные действия, в том числе и наступление на Карс, были приостановлены. Короткая, но славная для русского оружия кавказская кампания осени 1853 года, а также, как мы увидим, успехи адмирала Нахимова на море у Синопа вселили в царя оптимизм и придали ему сил. Победа у Башкадыклара произошла лишь днем позже победы у Синопа, и известия об этих событиях достигли европейских столиц почти одновременно. Британскому и французскому правительствам стало ясно, что Турция не в состоянии противостоять России без помощи извне.

На южном берегу Черного моря в 300 морских милях (550 км) от Константинополя распложен Синоп — портовый город, население которого в описываемое время составляло 9000 человек. Двадцать седьмого ноября турецкая эскадра, направлявшаяся на Кавказ для усиления тамошних гарнизонов, укрылась в Синопской бухте от жестокого штормового ветра. В течение трех дней семь фрегатов, три корвета и два небольших вспомогательных

суда, несущих в совокупности 434 орудия, пережидали шторм, стоя на якоре. Определенную защиту кораблям обеспечивали береговые батареи и орудия на стенах крепости, стоявшей в центре города.

Утром 30 ноября, когда Синопская бухта была окутана плотным туманом, в нее вошла русская эскадра. Три двадцатипушечных корабля адмирала Нахимова неслышно подобрались к турецким судам, в то время как пять других русских кораблей заняли позицию на противоположной стороне бухты. Турецкий флагманский фрегат, внезапно обнаружив присутствие противника, открыл огонь. Заговорили пушки с кораблей обеих сторон, к ним присоединилась береговая артиллерия. Ожесточенная канонада продолжалась четыре часа, все турецкие суда, кроме одного, были потоплены или горели.

«Синоп пылал, — с восторгом писала петербургская газета, — и в два тридцать пополудни адмирал приказал прекратить стрельбу и послал на берег офицера-парламентера предупредить городские власти, что, если из города или отдаленных батарей по русским судам раздастся хоть один выстрел, он откроет огонь и сотрет Синоп с лица земли. Офицер прождал на берегу около часа, но не увидел ни одного турка — они все бежали в окрестные селения».

Синоп горел, турецкая эскадра было полностью уничтожена, вдоль берега на много миль лежали мертвые тела. Был захвачен получивший тяжелую рану командир турецкой эскадры Осман-паша, который впоследствии умер в плену. Из всей турецкой флотилии уцелел лишь его корабль, и Нахимов предпринял неудачную попытку отбуксировать его в Россию как военный трофей*. В этом сражении погибло около 3000 турецких моряков.

Николай был в восторге от столь блистательного реванша за Ольтеницу и унижения, которые он претерпел

* Эти сведения расходятся с данными, содержащимися в труде академика Е. Тарле «Крымская война», где сообщается, что уцелевшим кораблем турецкой эскадры был двадцатипушечный пароход «Таиф» под командой английского капитана. «Таиф» вышел из боя и успешно достиг Константинополя.

от Омар-паши. «Преисполненный радости, — писал он Меншикову, — прошу вас передать храбрым моим морякам, что я благодарю их за победу российского флага, одержанную во славу России и ради чести ее». В Санкт-Петербурге в честь этой победы жгли фейерверки и устраивали балы и приемы, за успех российского флота поднимались бокалы, а пышное театрализованное представление «Синопское сражение» собрало толпы зрителей.

В свое время Николай обещал великим державам не предпринимать военных действий против Турции. Но теперь он находился в состоянии войны с этой страной, а турецкий флот собирался идти из Синопа на Кавказ с подкреплением и боеприпасами для армии султана. Поэтому в глазах России эта военная акция была всецело оправданна.

Сенсационное известие о синопской катастрофе в Англии, Франции и других европейских странах вызвало бурю негодования. Это вероломное избиение турок не могло остаться неотомщенным — столь возмутительным и унижительным оно показалось Европе. «Это кровавое побоище вопиет и затрагивает честь всех подданных ее величества, к какому бы классу они ни принадлежали», — писал Кларендон. Англо-французский флот стоял в Константинополе для защиты турецкой столицы и всего побережья Оттоманской империи. Неожиданное нападение русских означало демонстративный вызов морским силам союзников. Мир, как провозгласила «Таймс», оказался «отныне несовместимым с честью и достоинством Британии».

Франция потребовала, чтобы британское правительство незамедлительно отдало приказ объединенному флоту войти в Черное море. Пальмерстон настаивал на том же, но Абердин и Гладстон* колебались. Газеты громко призывали к решительным действиям. «Ударить по агрессору!» — восклицала «Морнинг кроникл». Каули телеграфировал из Парижа, что Наполеон «готов в слу-

* Гладстон, Уильям Юарт (1809–1898) — британский государственный деятель и писатель, при премьер-министре Абердине занимал пост канцлера Казначейства (министра финансов).

чае необходимости вступить в войну один». В конце концов миролюбивая часть кабинета уступила, и большинство в правительстве приняло решение отдать приказ флоту на отплытие. Пятого января 1854 года англо-французская эскадра вошла в Черное море.

Как было официально объявлено, флот союзников не угрожает России, а выполняет миротворческую миссию, преследуя только одну цель — «предотвратить повторение катастрофы, подобной синопской». Точка зрения Наполеона III на предназначение эскадры была более определенной: «Объединенный флот потребует от России, а если будет необходимо — заставит ее, отвести свои военные суда в Севастополь или ближайший к нему порт. При этом предполагается, что турецкий флот не будет предпринимать враждебных действий на море, если существующее положение сохранится». По существу, это означало, что русский флот останется запертым в портах северного побережья, а Черное море уже не будет «русским озером». Стало быть, только английские и французские суда смогут крейсировать в этих водах, то есть выполнять жандармские функции.

Когда до Николая дошло известие о проникновении союзников в Черное море, он распорядился немедленно отозвать своих послов из Парижа и Лондона. Правительства Франции и Англии поступили так же в отношении послов своих стран в Санкт-Петербурге, и 6 февраля дипломатические отношения между Россией и этими двумя странами были официально разорваны. Царь издал приказ начать подготовку к вторжению в Турцию.

За несколько дней до появления этого приказа в российскую столицу прибыла странная делегация из трех французов, присланная Обществом друзей*, которая привезла царю петицию, призывающую к миру. Французы испросили аудиенции его величества, и 10 февраля таковая была им дарована. Николай принял господ Жозефа Стюржа, Робе-

* Общество друзей — так называли себя квакеры, члены религиозной христианской общины, основанной в Англии в середине XVII века.

ра Карлетона и Анри Пиза и беседовал с ними в течение двадцати минут. В конце аудиенции, писал один из членов делегации, «император тепло пожал каждому из нас руку и поспешно отвернулся, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза от избытка чувств слезы. “Моя жена тоже хочет встретиться с вами”, — сказал император». С этими словами он вышел из комнаты, попросив французов подождать императрицу. Александра Федоровна беседовала с ними более часа, после чего делегация покинула Зимний дворец. Разговор с ними императрица начала словами: «Я только что видела императора — в его глазах стояли слезы». Однако эта благородная попытка квакеров остановить войну была не из тех, которые могли бы увенчаться успехом.

В первые дни февраля мир между Россией и союзными державами висел на волоске. Николай снова сделал отчаянную попытку обратиться к Францу-Иосифу, послав к своему личному другу графа Орлова. Царь просил содействия в безотлагательном проведении мирных переговоров в Вене или Санкт-Петербурге. Россия обещает не переправляться через Дунай, несмотря на сохранение состояния войны с Турцией, а после подписания мирного соглашения выведет войска из Дунайских княжеств. Австрия должна сохранять нейтралитет при любом повороте событий, а Россия в ответ на это обещает ей всяческую помощь в случае нападения Франции на владения Габсбургов. Балканские страны окажутся под совместным протекторатом Австрии и России.

После Ольмюца Франц-Иосиф занял нейтральную позицию в отношении растущих трений между Россией и франко-британским альянсом. Однако теперь у него зародились подозрения в искренности царя и недоверие к предложенной Россией балканской политике. Он не только отверг привезенные Орловым предложения, но и распорядился разместить в Трансильвании тридцатитысячную армию. Вопреки Мюнхенгрецкому соглашению Австрия собиралась теперь в одностороннем порядке защищать турецкие пограничные провинции. Орлов вернулся в Петербург с пустыми руками и объяснил императору, что события принимают печальный оборот. Раз-

гневанный Николай взглянул на портрет Франца-Иосифа, висящий в личных покоях императора, затем в ярости повернул картину лицом к стене, а на задней стороне холста написал: «*Du Undankbarer*» («Неблагодарный»). В резком письме к своему молодому родственнику он назвал чудовищной нелепицей даже мимолетную мысль о том, что тот «мог поднять оружие против России, которая совсем недавно в Венгрии заплатила свой долг Австрии кровью».

Впрочем, письмо это, похоже, не возымело действия, ибо 22 февраля австрийский министр иностранных дел вызвал к себе французского посла в Вене барона де Буркене. Граф Буоль уведомил посла о том, что «если Британия и Франция назначат день освобождения Дунайских княжеств, истечение которого послужит сигналом к военной операции, правительство Австрии поддержит такой ультиматум». Это удивительное заявление было передано в Париж и Лондон. Кларендон немедленно запросил пояснений: означает ли «поддержка ультиматума» готовность Австрии вступить в войну с Россией? Ответ не дал более четкой формулировки и лишь еще раз подтвердил намерение Вены «поддержать ультиматум», предусматривающий вывод русских войск из княжеств.

Тем не менее заявление Австрии выглядело достаточно решительно. Не ожидая противодействия со стороны Вены, которая подталкивала их к действиям, Британия и Франция занялись непосредственно подготовкой шагов, неминуемо приводящих эти страны к войне с Россией.

Наполеон настаивал на предъявлении Николаю ультиматума с требованием вывести русские войска из Дунайских княжеств к определенному сроку. Общественное мнение Британии громко требовало объявления войны — с особой силой англичане жаждали морских побед. Все знали, что в Портсмуте стоит большая эскадра и только ждет приказа для отплытия в Балтийское море. «Ни дипломатические переговоры между двумя странами [Британией и Россией], ни переписка монархов более не могли привести стороны к взаимопониманию, — пишет русский историк профессор Сергей Горяинов. — Английская нация,

которая наслаждалась мирной жизнью почти сорок лет, страдала от политической реакции. В стране преобладали воинственные настроения, и 27 февраля 1854 года правительство ее величества направило российскому императору ультиматум». Если в течение шести дней царь не отдаст приказ о выводе русских войск из Дунайских княжеств, Британия объявит России войну.

Идея такого ультиматума принадлежала Австрии, но дата объявления войны не была согласована с Веной. Идентичные ноты Парижа и Лондона повез в Петербург специальный посланец, которому было предписано по пути остановиться в Вене и ознакомить с этими документами австрийский двор. Австрию надлежало уведомить, что, независимо от наличия или отсутствия у нее желания обеспечить свои интересы, Британия непреклонна в своем решении защищать их за нее. Вместо того чтобы потребовать от Австрии участия в каждом шаге, предпринимаемом в отношении России по ее же, Австрии, совету, британский посол в Вене лорд Уэстморленд просто выразил надежду, что направляемые царю требования получат одобрение австрийского правительства и что об этом оно уведомит Санкт-Петербург.

В результате посланец, ознакомив австрийцев с нотами, направился в Санкт-Петербург не только с изначальными документами, но и с инструкциями Вены ее послу в российской столице. Графу Эстерхази предписывалось поддерживать британский ультиматум и возложить на Россию всю ответственность за грозящую войну. В то же время Вена не стала заявлять русскому императору, что его отказ уйти из Дунайских княжеств будет означать объявление Австрией войны России. В результате Россия окажется в состоянии войны с тремя крупными европейскими странами, к которым, весьма вероятно, присоединится и Пруссия.

Что Пруссия и не замедлила сделать. В послании, направленном в Санкт-Петербург и написанном в весьма решительных выражениях, российскому правительству предлагалось задуматься над грозной опасностью для мира, которую повлечет за собой его отказ выпол-

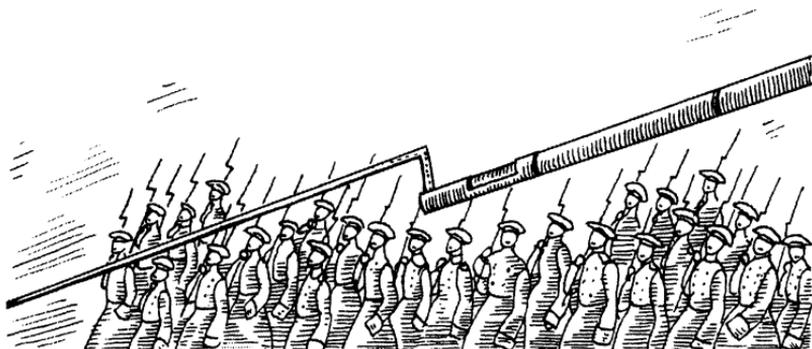
нить требования об освобождении Молдавии и Валахии. «Ответственность за войну, которая может воспоследовать в случае такого отказа, ляжет на российского императора», — говорилось в прусской ноте.

Двадцать седьмого марта французский император выступил с обращением к сенату: «В стремлении избегнуть конфликт я сделал все, что допускала честь страны. Европе известно, что если Франция обнажает меч, то потому лишь, что ее к этому вынуждают. Европе известно, что Франция не стремится к расширению территории». С этой преамбулой Франция объявила войну России.

На следующий день ее величество королева Англии направила в парламент послание, в котором говорилось, что к ней взывает союзник, целостность и независимость которого неопределимы для мира в Европе: «Для спасения Европы от господства страны, поправшей договорные обязательства, для защиты султана... мы беремся за оружие в союзе с императором Франции». Таким образом, Англия также объявила войну России.

Николай I обратился к стране с манифестом: «Итак, против России, сражающейся за Православие, рядом с врагами христианства становятся Англия и Франция... Но Россия не изменит святому своему призванию... Господь наш! Избавитель наш! Кого убоимся? Да воскреснет Бог и да расточатся врази его!» Одиннадцатого апреля Россия официально объявила войну Франции и Британии.

Глава 10 Армия союзников и армия России

Объявление войны Англией и Францией явилось неожиданностью разве что для Николая. Во Франции с энтузиазмом к этому шагу отнеслись только люди с имперским мышлением из ближайшего окружения Наполеона и определенная доля военных. Французский народ проявлял безразличие. В мыслях Наполеона грядущая война не походила на колониальную экспедицию — она будет короткой и не повлечет больших потерь (как людских, так и материальных). «В этом отношении его оценки совпадали с большинством мнений, высказанных в начале 1854 года, — замечает профессор Гуч*. — Франция была подготовлена к иллюзиям. Однако экспедиционный корпус не ограничился десятью тысячами человек, вскоре эта цифра выросла до сорока, а затем — до семидесяти тысяч».

Напротив, в Британии воинственный дух расцвел пышным цветом — войны, казалось, хотели все. «Возникло поколение, которое ничего не знало о войне и жаждало проверить на практике свою отвагу, — пишет историк британской армии Джон Фортескью. — Начав с дипломатических шагов и все больше склоняясь к угрозам применить силу, правительство бодро двигалось к войне под одобри-

* Гуч, Джордж Пибоди (1873–1968) — английский историк.

тельные возгласы общества». На этом этапе развития событий англичане просто рвались в драку, чтобы покончить с этим делом. Кинглейк замечал по этому поводу: «Следует признать, что у нас нашлось немало людей, для которых война ради войны уже не казалась чем-то ужасным».

Подготовка союзников к войне началась за несколько недель до ее официального объявления. Британия приступила к накапливанию сил на Мальте, а французские войска сосредотачивались для отплытия в Тулоне и Марселе. В Константинополь для помощи турецкому командованию отправилась группа военных советников, в которую среди прочих входили известный французский инженер полковник Ардент и герой Полуостровной войны* и войны 1812 года** сэр Джон Бургойн.

Теперь же, когда война была объявлена и союзные войска направлялись к местам славных сражений, Британии и Франции оставалось решить лишь два важных вопроса: определить объекты для удара и назначить руководителей совместной военной акции. Уже 22 февраля Наполеон III и английский посол в Париже лорд Каули приступили к обсуждению этих вопросов. Император, памятуя о рекомендации своего августейшего дяди, настаивал на сосредоточение всей полноты власти в руках одного командующего. «Ведя войну с одной страной, — некогда заявил Наполеон Бонапарт, — следует иметь одну армию, управляемую одним руководителем... Долгие дискуссии и военные советы обычно заканчиваются принятием самого неудачного решения». Возглавить объединенные сухопутные силы, по мнению Луи-Наполеона, должен француз, а объединенный флот, учитывая превосходство Британии на море, французский император соглашался доверить англичанину. Лорд Каули выдвинул свои возражения: «Подчинение британской армии французскому командованию ограничит власть британских команди-

* Война на Пиренейском полуострове (1807—1814) между Францией и союзом Испании, Португалии и Англии.

** Англо-американская война 1812—1815 годов.

ров над своими людьми, что несовместимо с британскими представлениями о собственной чести и национальной гордости». В лучших традициях английского компромисса посол предложил свободную схему взаимодействия и связи французских и английских сил как на суше, так и на море. В конце концов такая схема и была принята: союзные войска не имели единого командования ни сухопутными частями, ни флотом.

Командующим французскими экспедиционными силами Наполеон назначил маршала Лероя де Сент-Арно, шестидесятипятилетнего ветерана алжирской кампании. Именно этот человек обеспечил военную поддержку государственного переворота, который возвел Луи-Наполеона на престол в 1851 году. Назначение де Сент-Арно было довольно странным. Наполеон умышленно пренебрег такими выдающимися военачальниками, как генералы Шангарнье, Барагэ д'Илье, де Кастеллан, Вайан и Пелисье — все они были ветеранами Первой империи, которые участвовали в сражениях при Лейпциге, Ваграме и Бородине. Похоже, Луи-Наполеон ценил не столько военный опыт и талант, сколько покладистость и безусловную преданность ему самому, а уж в этих качествах Сент-Арно он не сомневался.

Еще в молодости Сент-Арно приобрел репутацию человека посредственных способностей и к тому же нерешительного и непоследовательного. В 1821 году младший лейтенант Сент-Арно был уволен из армии после пятнадцатидневного заключения в военной тюрьме. Он отправился в Лондон, где давал уроки фехтования. Обнаружив, что спрос на его услуги невелик, Сент-Арно стал учителем танцев, а позже — маркером в бильярдной. Он пробовал свои силы в пении, поэзии, игре на скрипке, но в конце концов тайно покинул Британию, оставив после себя неоплаченные счета. Владея четырьмя языками, он играл комические роли в разных труппах под именем Флоридор, а в Бельгии даже пел в опере теноровые партии.

В 1831 году Сент-Арно вернулся в армию. Женившись, он приобрел более серьезный взгляд на жизнь. Через пять

лет он попал в Алжир, где и начала восходить его звезда. В 1847 году он уже мог писать брату: «Меня знают и ценят, я — бригадный генерал и командор Почетного легиона*. Я достиг желаемого, и мои дети имеют имя и прочное положение». В 1851 году Сент-Арно занял пост военного министра, а годом позже получил звание маршала Франции и был избран в сенат.

Маршал де Сент-Арно был человеком добродушным и энергичным, но вместе с тем беспечным и тщеславным. Опытный администратор, деятельный офицер, он вместе с тем не отличался выдающимися военными способностями. Среди его черт Кинглейк отмечает «необычную готовность лишать людей жизни». Сам Сент-Арно с гордостью писал, как в 1845 году расправился с крупным отрядом арабов, который скрывался в пещерах Северной Африки: «Я приказал наглухо закрыть все отверстия, превратив пещеры в один огромный склеп. Никто туда не вошел, и только я знал, что там погребены пять сотен бандитов, которым никогда уже не удастся пролить кровь француза... Мне не в чем упрекнуть себя — я исполнил свой долг командира и готов повторить это снова».

Когда Сент-Арно получил свое последнее назначение, он был серьезно болен. Предвестники этой болезни, которая сведет его в могилу уже в Крыму, начались лет десять назад. Незадолго до смерти боли, сопровождавшие рак желудка, стали невыносимыми, маршал был изнурен до крайности. «Его состояние, — писал Кинглейк, который знал Сент-Арно лично, — не позволяло ему руководить войсками на поле боя. И хотя между приступами, когда боль отступала, он снова преисполнялся энергией, недуг возвращался вновь и вновь, лишая его последних сил».

Командирами дивизий французских экспедиционных сил в Крыму Наполеон назначил генералов Канробера, Боске и Форе. Как и Сент-Арно, они были ветерана-

* Почетный легион — имеется в виду организация, основанная Наполеоном Бонапартом в 1802 году по примеру рыцарских орденов.

ми Северной Африки, но более молодыми — их средний возраст равнялся сорока шести годам. Получил назначение и принц Наполеон — племянник великого императора и наследник трона своего кузена. Принц был весьма усердным молодым человеком, но не имел военного опыта. Перед отплытием на Восток Канробер получил и «отложенные полномочия» — в случае смерти Сент-Арно он становился главнокомандующим. Это назначение держалось в тайне (даже от маршала) до 29 сентября 1854 года. Через пятнадцать дней после высадки союзных войск в Крыму Сент-Арно умер, и командование французской армией принял на себя Канробер.

Командующим британскими войсками стал лорд Раглан. Законченный аристократ во всех проявлениях — гордый, сдержанный, с изысканными манерами и в то же время крайне скромный, — он в полном соответствии с традицией своего народа не терпел открытого проявления чувств. Кроме того, это был мастер преуменьшения и замалчивания. Из его писем правительству, официальных и личных, было невозможно составить сколько-нибудь полное представление о переживаемых армией лишениях. «Молчание лорда Раглана, — сетовал лорд — хранитель печати, — напоминает пытку. Он доносит до нас только сухие факты!» С одной стороны, главнокомандующий был убедителен и обладал даром привлекать к себе людей. «С кем бы он ни говорил, будь то политик или простой школьник, его собеседник уходил покоренный», — писал о нем Кинглейк. С другой стороны, его отношения с рядовыми и нижними чинами оставались холодными и формальными, а редкие беседы с солдатами были лишены даже намека на сердечность. Так, прибыв в расположение Бригады легкой кавалерии после ее знаменитой кровопролитной атаки, он не сказал ни слова ободрения или благодарности.

Офицерскую должность Раглану купил его отец, когда сам он еще учился в Вестминстерском колледже. На заре своей карьеры Раглан женился на племяннице герцога Веллингтона и стал его адъютантом. При Ватерлоо он потерял правую руку и в последующие сорок лет зани-

мал ряд дипломатических и административных должностей: секретаря посольства в Париже, а позже — в Санкт-Петербурге, секретаря командующего Королевской конной гвардией и, наконец, члена Тайного совета. Так что ко времени своего назначения Раглан был законченным государственным гражданским служащим, иначе говоря — чиновником.

«Трагедия Раглана, — пишет английский историк У. Пембертон, — заключается в том, что его качества оказались непригодны для человека, которому надлежало командовать армией в Крыму после сорока лет мира. Этой армии не был нужен безупречный джентльмен и апатичный аристократ. Ей не был нужен мягкий и добродушный пожилой господин. Армия нуждалась в человеке помоложе, в генерале с железным кулаком, который не потерпит никаких вольностей, и пусть он будет скорее хамом, чем джентльменом; армия нуждалась в жестоком, ярком, энергичном, властном человеке, надсмотрщике, если хотите, который накормит, оденет и согреет солдата, обеспечит армии приличные условия, будет угрожать, горячиться, ругаться последними словами и при надобности снимет с должности своего лучшего друга. Шестидесятисемилетний Раглан не был и не мог быть таким человеком».

Вступив в новую должность, Раглан оказался перед необходимостью укомплектовать штаб и другие командные посты. «Он не мог позволить себе оставаться в неведении о качествах своих офицеров, — писал в редакционной статье журнал «Фрейзерс мэгэзин». — И Раглан с тщанием подошел к набору персонала. Он заявил, что те, кто в течение долгого времени был занят на мирной службе, получают преимущество при назначении на должность перед офицерами, уже познавшими войну в Индии и иных местах. В результате в армию Раглана пришли люди из Королевской конной гвардии и их родственники. Командующий полагал, что если его самого долгие годы мирной и благополучной службы не испортили, то и другие, само собой разумеется, приспособятся к новым условиям».

Наконец все посты были распределены. Ни один новый командир дивизии или бригады никогда прежде не возглавлял сколько-нибудь значительный военный отряд во время боя, в том числе и сам Раглан. Из четырех командиров дивизий трое участвовали в войне с Наполеоном будучи молодыми офицерами — сэр Джордж де Лейси-Ивенс, сэр Джордж Кэткорт и сэр Ричард Ингленд. Их средний возраст равнялся шестидесяти двум годам. Тридцатичетырехлетний герцог Кембриджский, внук Георга III и двоюродный брат королевы Виктории, имевший за плечами шестнадцать лет штабной работы, получил должность командира Первой дивизии. Подобно принцу Наполеону, он отправился в Крым, «ради славы и чести королевской семьи». Сэр Джордж Браун получил под свое начало артиллерию, а граф Джордж Чарльз Лукан — кавалерийскую дивизию. В 1828 году Лукан воевал с турками на стороне России, через десять лет оставил военную карьеру и вот уже пятнадцать лет не служил. Граф Кардиган и Джеймс Скарлет были назначены командирами бригад — соответственно легкой и тяжелой кавалерии. Ни один ранее не участвовал в активных военных действиях. Инженерную службу возглавил ветеран войны 1812 года сэр Джон Бургойн семидесяти одного года.

Таков был старший офицерский состав объединенной армии, взявшей курс на Восток летом 1854 года. Профессор Гуч отмечает: «Поразительное различие в облике и эффективности французской и британской армий можно в значительной мере объяснить тем обстоятельством, что французами командовали офицеры, а англичанами — джентльмены». Французские офицеры были моложе и при этом обладали существенно большим опытом — почти все они на протяжении двадцати лет принимали участие в активных боевых действиях в Северной Африке. Помимо прочего, алжирский опыт породил у французов чувство товарищества и уверенность во взаимовыручке. «Люди, безусловно, разные, они с самого начала установили друг с другом теплые, даже сердечные отношения», — пишет тот же историк профессор Гуч.

В британской армии дело обстояло иначе. Зависть, ссоры, взаимная ненависть не утихали на протяжении всей кампании. Вражда лорда Кардигана и его родственника графа Лукана породила множество легенд. Командир Бригады легкой кавалерии и его непосредственный начальник, командующий кавалерийской дивизией, прекратили разговаривать друг с другом с самого начала войны, и никто так и смог примирить этих господ, поскольку, как отмечал английский военный журналист Уильям Рассел, «каждый из них обладал дьявольской гордыней, один был горяч, неуступчив и тверд как сталь, а другой чванлив, ограничен, завистлив и упрям».

Французская армия в целом превосходила британскую не только по качеству офицерского состава, но и по численности и организованности. Первоначально французский экспедиционный корпус насчитывал 60 000 человек, а британский — 26 000. Вот что писал об этих армиях в самом начале войны британский генерал Дэниел Лайсонс:

Положение в нашей армии просто позорно. Система снабжения отсутствует, люди голодают, офицеры поднимаются на борт нашего судна, чтобы выпить чая, раздобыть кусок хлеба или еще чего-нибудь из съестного. Ни один генерал, кроме сэра Джорджа Брауна, не появился, и мы не увидели никого из штаба. Мулов нам не предоставили. Одним словом, никакой организации. Все это являет разительный контраст с французами. Их армия высаживалась в строгом порядке, побригадно, под руководством генералов и штабных офицеров, снабжение налажено, мулов хватает всем, выючные седла укомплектованы — полная готовность к немедленному маршу... Хотя наши солдаты, похоже, знают свое дело, высшие командиры никуда не годятся. Поразительно, как при таких грубых просчетах наши люди вообще что-то делают.

При всем различии этих двух армий одна особенность у них была общей: презрение и недоверие к своим турецким союзникам. Принц Наполеон называл их животны-

ми. Лорд Каули заявлял, что на турок нельзя полагаться. Мнение о турецких солдатах было хуже некуда — их считали примитивными, нестойкими, способными только на то, чтобы обстреливать противника, укрывшись за толстыми крепостными стенами. На военных советах не звучало сомнений в том, что русские могут стремительно форсировать Дунай и углубиться на территорию Оттоманской империи, не встречая никакого сопротивления со стороны турок. Поэтому первым делом следовало озаботиться состоянием турецких фортификационных сооружений. Этим уже занимались генерал Бургойн и его французский коллега. В своих докладах они дружно отмечали слабость турецких укреплений, защищающих южный берег Дуная. По их мнению, редуты Силистрии и Шумлы неминуемо рухнут при первой же энергичной атаке, открыв путь русским полчищам. Бургойн предложил высадить союзную армию в Галлиполи, чтобы организовать там предварительную линию обороны, а уже затем двигаться к северу. При достаточно быстрых действиях в этом направлении оборонительные позиции можно продвинуть в глубь Балканского полуострова и тем самым обеспечить безопасность Константинополя. Наполеон III был в восторге от плана Бургойна. Некогда он и сам размышлял над вопросами фортификации и даже написал несколько работ на эту тему. Конечно, предложенная стратегия носила оборонительный характер, реализация ее зависела от инженеров, но, как было замечено, без инженеров, которые фактически определили ход операции, трения между сторонами сразу заявляли о себе.

Канробер и Боске решительно выступили против плана Бургойна и предложили императору высадиться севернее, на Черноморском побережье, а именно — в Варне. «С какой стати нам выбирать оборонительную стратегию? — заявляли они. — Следует выбрать наступательный вариант, а не позволять русским вторгаться в Турцию. Нужно развернуть свои силы там, где мы сможем предотвратить не оккупацию последнего участка турецкой территории, а оккупацию всей Турции».

Однако Наполеон настоял на своем, и было принято решение о высадке в Галлиполи. Девятнадцатого марта первый отряд французских кораблей отплыл из Марселя, а спустя двенадцать дней головная группа британской эскадры покинула Мальту. Их цели оставались нечетко обозначенными — «укрепление обороны». Пусть так, но где именно? Против какого рода нападения? Откуда? И наконец — а что делать дальше?

Город Галлиполи расположен на европейском берегу Дарданелл в крайней юго-западной точке пролива, откуда начинается Мраморное море. Укрепившаяся там армия способна одновременно контролировать входы в Дарданеллы и Эгейское море. Кроме того, отсюда войска можно быстро перебросить сухопутным путем в северном направлении (на Балканы или в Константинополь) или морским путем — в Азию. Так что план Бургойна был разумен и в случае выбора оборонительной стратегия, и для получения плацдарма с целью продвигаться на Балканы. В среду 6 апреля суда с британскими войсками подошли к внешнему рейду Галлиполи, французы прибыли на место еще раньше. На борту «Золотого руна» находился Уильям Рассел из газеты «Таймс», первый в мире настоящий военный корреспондент, который посылал в Лондон подробные и яркие отчеты очевидца. «Город представляет собой кучу жалких лачуг с десятком тысяч обитателей — турок, евреев и греков», — пишет Рассел. Командирам прибывших английских частей сообщили, продолжает он, что их консул отплыл навстречу им, «но должен вернуться до вечера». Далее из репортажа следует, что «лошадей в городе не достать ни за какие деньги... провизия довольно дорога... а французы, приехавшие первыми, заняли лучшие места».

Суда встали на якорь, но высадку войск отложили до субботы, чем обрекли людей на тоскливое безделье. «В чем причина? — задает вопрос Рассел и сам отвечает: — Да в том, что ничего не было готово! И несколько тысяч человек были вынуждены два с половиной дня созерцать чаек и вполглаза наблюдать за кипучей работой францу-

зов». Четкость и завершенность их действий восхитила корреспондента: «Лазареты, пекарни, повозки для перемещения военного снаряжения, запасов и багажа — все, что было необходимо для нужд и удобного размещения войска, ожидало прибытия французского флота. Англичан же в гавани никто не встретил — великую морскую державу представлял единственный пароход, принадлежащий частной компании».

В последующие несколько недель войска союзников продолжали прибывать, их число росло. Главными занятиями были поиски провизии, знакомство друг с другом и привыкание к соседству с турецкими подразделениями. Никакой спешки не наблюдалось, цель происходящего тоже не становилась яснее. Высший командный состав прибывал на место когда кому вздумается, и каждое такое событие отмечалось парадом или приемом. Принц Наполеон приплыл 30 апреля, лорд Раглан — тремя днями позже, Сент-Арно — седьмого июля, а герцог Кембриджский со свитой — девятого.

Затем состоялся торжественный смотр объединенной армии и парад, в котором приняли участие 22 000 человек. Султан дал официальный обед в честь герцога Кембриджского. Однажды над лагерем разразилась буря с громом, молниями и страшным ливнем, в результате чего некий лейтенант Макинтош утонул в потоке грязи. На следующий день руководство объединенной армии отбыло в Варну, где должен был состояться военный совет с участием Омар-паши, командующего турецкой армией. С момента объявления войны минуло восемь недель. Лорд Раглан плыл на «Карадоке», маршал Сент-Арно — на «Бертолле», а турецкие военный министр и министр внутренних дел — на своем паровом фрегате — то есть плыли они на трех разных кораблях, каждый — под своим флагом, каждый — со всевозможными удобствами. По завершении совета все четверо вернулись в Галлиполи, чтобы торжественно и пышно отметить день рождения королевы Виктории. «Это было великолепное зрелище», — писал Рассел. В параде участвовало 15 000 человек. Лорд Раглан и от 30 до 40 офицеров появи-

лись на плацу в блеске золотого шитья, над их головами колыхались пурпурно-белые плюмажи... Оркестр играл «Боже, храни королеву», но не очень дружно. Лорд Раглан занял место на трибуне, после чего грянул салют корабельных орудий и под звуки вновь зазвучавшего гимна полки склонили знамена до земли. Вот как описывает церемонию Рассел:

Это было неожиданное и эффектное зрелище. Тридцать два шелковых полотнища, украшенных именами великих побед, внезапно пали на землю, будто сраженные одним ударом. И тут же возглас «Боже, храни королеву» прокатился по рядам от шотландских стрелков на левом фланге до гвардейцев на правом, а за ним воздух разорвало тысячеустое троекратное приветствие — полк за полком подхватывал его, оно набирало силу, оглушало, заставляло сильнее биться сердце. Некоторые солдаты срывали с себя кивера и махали ими в воздухе, другие оставались неподвижными, но кричали столь же громко.

Зрителей у этого внушающего благоговейный трепет спектакля во славу ее величества набралось не так уж много. Особенное раздражение англичан вызывало крайне малое число присутствующих на торжестве турок — британцев с самого начала поражало равнодушие их союзника почти ко всему происходящему. Рассел заметил трех-четырех всадников в сопровождении слуг и пару карет с дамами, чьи лица скрывала чадра. Хотя в двух километрах от британского лагеря находился Скутари со стотысячным населением, это не увеличило сколько-нибудь заметно количество любопытных турок. Местных греков было значительно больше, пришло и немало иностранцев, одетых по последней парижской моде: если бы не минареты и кипарисовые роши, можно было подумать, что вы присутствуете на великосветском загородном приеме недалеко от Лондона.

В течение девяти недель, которые союзники провели в Галлиполи, готовясь к сражению, турки уже воевали на берегах Дуная и показали себя очень неплохо. Омар-паша организовал надежную линию обороны от Вадина

в крайней западной точке Валахии до Констанцы на побережье Черного моря длиной в 480 километров. Хотя ряд укрепленных поселений на южной стороне Дуная пали (важнейшее из них — Силистрия), оборона не была прорвана и продвижение русских войск удалось остановить. «Дикие, ненадежные, неумелые» и т. д. турки успешно действовали против сотысячной армии, вторгнувшейся на их территорию с севера.

Весьма низко оценивая военную силу турок в начале кампании, союзники не приняли во внимание, что регулярная армия султана была одной из старейших и опытнейших в Европе. Пусть и не самая эффективная по западноевропейским меркам, она без сомнения оставалась одной из крупнейших — ее численность достигала 300 000 человек, причем половина этого количества постоянно находилась под ружьем, а вторая половина составляла резерв. Две трети постоянной армии располагались в Константинополе, и эти части были хорошо вооружены, обеспечены всем необходимым и обучены иностранными инструкторами. Войска, расквартированные вне Константинополя, по словам Сент-Арно, представляли не столь отрадное зрелище. Маршал отмечал их «плохое вооружение, плохое обмундирование, нехватку лошадей». Что касается резервной части армии, то там не было ни оружия, ни офицеров; к тому же резервистов, как правило, никто не обучал.

В случае военного конфликта султан мог также рассчитывать на добровольную поддержку правителей подчиненных ему земель. Однако эта помощь носила случайный характер и была малоэффективной. Так, например, когда в Галлиполи прибыл первый египетский контингент, выяснилось, что в его составе нет ни одного регулярного подразделения. Аббас-паша просто рекрутировал пожилых ветеранов из числа гражданского населения, принимая во внимание только факт прежней военной службы, хотя многие из призванных оставили армию более десяти лет назад, а кое-кто был ветераном войн с греками, которые боролись за свою независимость в двадцатые годы. Среди рекрутов встречались старики шестидесяти с лиш-

ним лет, а людей моложе тридцати не было вовсе. Четырнадцать тысяч таких ветеранов были без всякого предупреждения схвачены в поле, дома, в любом месте, где их находили. Закованных в цепи, их переправили в Александрию, одели в военную форму и посадили на корабли. В таких частях были нередкими случаи дезертирства, и вместе с тем в бою эти люди нередко выказывали крайнюю жестокость. Просто убить врага им казалось недостаточным — они должны были надругаться над его трупом.

Кроме того, союзники не учли, что верховным главнокомандующим турецкой армии был Омар-паша — умный, прозорливый, деятельный военачальник и к тому же опытный дипломат. Австриец по рождению, Михаэль Латтас (так его звали) в молодости служил в армии Габсбургов. В двадцать два года он дезертировал, бежал из страны и через какое-то время оказался в Константинополе, где стал воспитателем сыновей богатого турецкого купца. Михаэль принял ислам и взял себе турецкое имя. В 1834 году Омар-паша стал инструктором при военном министерстве, а затем адъютантом турецкого генерала. К 1839 году он уже имел чин полковника и с успехом подавлял мятежи, то и дело вспыхивавшие в разных частях империи, «действуя весьма эффективно и проявляя особую безжалостность по отношению к христианам», как отмечает профессор Гуч. Со временем Омар-паша женился на богатой наследнице и был назначен губернатором Константинополя. Накануне вторжения русских войск Омар-паша стал генералиссимусом и в его титуловании появилось слово «светлость».

И вот с октября Омар-паша и его «дикие, ненадежные и неумелые» войска сдерживали мощную русскую армию под Силистрией и вдоль побережья Дуная.

Что касается армии русской, то эта устрашающая военная машина, без сомнения, оставалась крупнейшей армией в мире. Вместе с тем она была неповоротлива, неуклюжа, плохо обеспечена и поражена коррупцией. Если представить военную систему России в виде пирамиды, то основанием ее служили солдаты, набираемые из крепостных

крестьян, находящихся в частной и государственной собственности, и фабричных рабочих. В десятилетия, предшествовавшие Крымской войне, ежегодно в армию забирали в среднем 80 000 человек, при этом срок службы составлял двадцать пять лет. Избегнуть призыва можно было разными средствами. От службы освобождала определенная классовая принадлежность или заступничество влиятельных лиц. Можно было откупиться или «нанять» добровольца, согласного служить вместо официально назначенного рекрута. В то же время помещики охотно отдавали в армию крестьян, склонных к мятежу, а суды охотно приговаривали к несению военной службы за преступления религиозного характера — «еретиков всякого толка и всяких сект, замеченных в прельщении христиан и неповиновении Церкви». Отдавали на военную службу «иудеев упречного поведения, налогов не платящих», а также бродяг и воров. Не удивительно, что армейская служба рассматривалась в России как своего рода каторга, которая для многих оказывалась пожизненным наказанием. В русской литературе есть немало эпизодов, описывающих прощание обезумевших от горя родителей со своими несчастными сыновьями, покидающими отчий дом. Даже если они когда-нибудь вернуться, какими они будут через много-много лет?

Послушаем трогательный рассказ профессора Дж. Кертисса, автора трудов по российской истории:

В 1855 году один офицер, направлявшийся в тыл с партией раненых, разговорился с солдатом пятидесяти пяти лет, повторно записавшимся на военную службу, потому что он не смог жить обычной жизнью после первого увольнения из армии. Двадцать лет он ничего не знал о своих жене и детях. «Когда становишься солдатом, — говорил этот человек, — тебе сразу становится понятно, что ты вряд ли вернешься домой, а потому ты прощаешься с семьей так, словно уходишь навсегда...» И вот, погоревав какое-то время, он забыл про свою семью. Жена сначала писала ему, как-то раз прислала рубашку, а потом письма стали приходить все реже и наконец прекратились. «С тех пор я и не знаю, жива ли она», — признался

он. Теперь солдата уволили из армии по возрасту, и он возвращался к себе в деревню с семью рублями в кармане дожидать свои дни в полном одиночестве.

Науку в солдата вбивали в прямом смысле. «Русскому солдату необходима палка, — цитирует одного комментатора профессор Гуч, — ибо слов он не понимает. “Учить” и “бить”, “бить” и “учить” — эти слова были синонимами. Фраза “его надо научить” означала “его следует выпороть”. Учили кулаками, ножами, барабанными палочками — всем, что подвернется под руку. Розгами пользовались сравнительно редко».

В 1834 году Николай провел ряд военных реформ. В результате при хорошем поведении солдата срок его службы мог быть сокращен с двадцати пяти до пятнадцати лет. Кроме того, при хорошем поведении в течение десяти лет солдату давали отпуск на срок от 28 до 180 дней. В 1850 году рядовой получал жалованье 2 рубля 85 копеек, а сержант — 4 рубля 5 копеек в год, при том что кожа для пары сапог в то время стоила 80 копеек, а тулуп — 2 рубля 75 копеек. С офицерским жалованьем дело обстояло лучше: лейтенант получал 238 рублей, а полковник — 502 рубля в год.

Солдат должен был сам шить себе рубахи, нижнее белье и сапоги. Правда, казна предоставляла ему ежегодно ткань на две рубахи, а также пару кальсон и кожу на две пары сапог (плюс запасные подметки). Опытные полковые портные шили мундиры и шинели. Согласно правилам, мундиры должны были носиться два года, а шинели — три. Срок службы ремней, головных уборов, ранцев и тому подобного снаряжения составлял десять лет. Горе солдату, которому приходилось участвовать в активных боевых действиях или нести службу в суровых климатических условиях: его обмундирование могло износиться до положенного срока, особенно если жуликоватый полковой интендант снабдил его третьесортным материалом. При этом, что бы ни случилось, на смотре солдат обязан был выглядеть безупречно. Известен случай, когда у солдата во время строевых занятий отлетела подметка и раз-

гневанный батальонный командир хотел было выпороть несчастного, но потом ограничил наказание двумя неделями гауптвахты на воде и хлебе.

Офицерами, как правило, становились выходцы из знатных семей, в том числе из потомственных дворянских родов, хотя встречалось и немало представителей низких слоев, которым удалось выбиться наверх благодаря безупречной службе на унтер-офицерских должностях в течение не менее двенадцати лет. Большинство офицеров были молодыми людьми, не получившими военного образования. Лишь десять процентов офицерского корпуса имели за спиной университет или специальное кадетское училище, среднее образование получили около тридцати процентов, остальные едва умели читать и писать. Во время Крымской войны около пятой части приходящих на службу офицеров были выпускниками кадетских училищ.

В зависимости от полка и места его расположения жизнь офицера могла быть легкой и беззаботной или же трудной и полной лишений. Гвардейский офицер из богатой семьи нес службу в столице, посещал блестящие балы, был завсегдатаем великосветских салонов, проводил время в пирушках. В то же время бедный офицер заштатного пехотного полка, расквартированного в провинциальной глуши, страдал от одиночества, тоски и множества бытовых неудобств. «Заброшенный зимой в глухую деревню, он живет в жалкой лачуге и общается только с местным священником — и это еще не самое плохое, что может его ожидать», — пишет Кертисс о таком служаке. Не удивительно, что многие из офицеров далеких гарнизонов, разбросанных по огромной империи, спивались и теряли интерес к жизни.

Но, несмотря на жестокие нравы и тяжесть службы, в русской армии сохранялся сильный кастовый дух, забота о чести мундира. Полковые традиции, байки старых солдат, воодушевляющие наставления и призывы командиров, система отличий и наград — все это вселяло в души солдат и офицеров чувство гордости воинской службой. Православная церковь, тесно связанная с российским

патриотизмом, имела огромное влияние на массы, в том числе и на армию. Власти и командование искусно пользовались церковью, чтобы внушить солдатам верность воинскому долгу и необходимость безусловного повиновения. Солдатская преданность и любовь к «их отцу», императору, была поистине беззаветна. Когда в 1855 году в одном полку получили известие о смерти Николая I, солдаты «осеняли себя крестом, многие молились, кто-то упал на колени, прося Господа упокоить душу государя, — писал очевидец, автор «Походных записок в войне 1853—1856 годов» штабс-капитан П. В. Алабин*. — Когда я начал читать манифест, солдаты, офицеры, генералы — все рыдали». Всем солдатам надлежало выучить наизусть и произнести текст присяги «на кресте Спасителя и Святом Евангелии», давая клятву служить Господу и государю верой и правдой, безоговорочно повиноваться командирам, стойко переносить тяготы, быть готовым отдать кровь до последней капли за государя и Отечество. Далее в солдатском катехизисе говорилось, что тот, кто остался верен присяге и отдал жизнь на поле брани, войдет в Царство Небесное, а тот, кто вернется с войны живым, получит славу и государеву милость. Примерно то же мы видим и сейчас в некоторых частях мира: безусловное слепое послушание в одеждах полурелигиозного рвення.

Русская армия шла на войну, исполненная воодушевления. Тот же автор П. В. Алабин замечал, что русский солдат всегда идет на войну с радостью, поскольку там его не ждет утомительная муштра, а время от времени можно получить лишнюю чарку водки; к тому же он радуется переменам: ведь там, куда ты направляешься, всегда лучше, чем там, откуда ты идешь. В результате, несмотря на все ошибки, особенно тактические, успех в сражении достигался благодаря храбрости и стойкости простых солдат. «Русский солдат — удивительный человек: он спит, подложив камень

* Алабин, Петр Владимирович (1824—1896) — общественный деятель, историк, основатель музеев и библиотек. Полное название цитируемого труда: «Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854—56, 1877—78 годах».

под голову, он сыт черным сухарем и водой и готов петь, оказавшись в хлеву», — цитирует Кертисс одного наблюдателя. Гельмут фон Мольтке* так пишет о русских солдатах, воевавших с турками в 1829 году: «Великолепный боевой дух, который ни разу их не оставил, обеспечивал русским успех в самые трудные минуты испытаний».

Основной силой русской армии была пехота, а излюбленным оружием — штык. Решительная штыковая атака крупного отряда считалась более эффективным средством, чем какое-либо маневрирование небольшими группами. Русские ружья отличались скверным качеством, уход за ними также был никуда не годным: главное, чтобы к нему можно было примкнуть штык или пройти с ним парадным шагом на военном смотре. Профессор Кертисс отмечает, что во время Крымской войны в Московском полку было осмотрено 1318 гладкоствольных ружей. В результате выяснилось, что 70 из них были покрыты ржавчиной до такой степени, что не могли стрелять, а 454 ружья имели неисправные замки. У многих других были повреждены ствол, казенная часть или штык. В Бутырском полку аналогичные повреждения оказались у 1400 ружей из общего количества 1991. В других полках картина была несколько лучше, но и там хватало неисправных ружей. Новое французское ружье, заряжаемое с казенной части, считалось непригодным для русской пехоты. «С таким оружием наши солдаты откажутся от рукопашного боя, да и патронов не будет хватать», — приводит Кертисс высказывание русского офицера. Прусское «игольчатое» ружье** тоже не получило одобрения: «Солдат в пылу боя сможет расстрелять сразу все патроны и останется беззащитным».

* Мольтке, Гельмут Карл Бернхард (1800–1891) — прусский и германский военный деятель, граф, генерал-фельдмаршал, военный теоретик.

** Игольчатое ружье — винтовка, заряжавшаяся с казенной части бумажным патроном. При спуске курка игла затвора прокалывала дно патрона и воспламеняла ударный состав капсюля. Изобретено немецким оружейником И. Н. Дрейзе, введено в прусской армии в 1840 году.

В предшествующие войне десятилетия и русская кавалерия, подобно пехоте, должна была вызывать восхищение зрителей во время парадов и смотров. На случай, если император во время инспекционной поездки потребует продемонстрировать ему ход полевых учений, генеральный штаб держал наготове вымуштрованные части, готовые показать заранее подготовленную последовательность перестроений и иных маневров. Их репетировали как балетный спектакль. Николай все это видел и понимал; он пытался убедить старших офицеров, что их главной целью является сохранение высокой боеспособности армии на случай войны, а не подготовка к парадом, но тщетно: большинство полковых командиров пренебрегали военными учениями, чурались полевой работы и тактических занятий, недооценивали разведку. Особенно стояли казачьи части — их храбрость, искусство верховой езды, предусмотрительность в ведении боевых действий вызывали общее восхищение и одновременно страх.

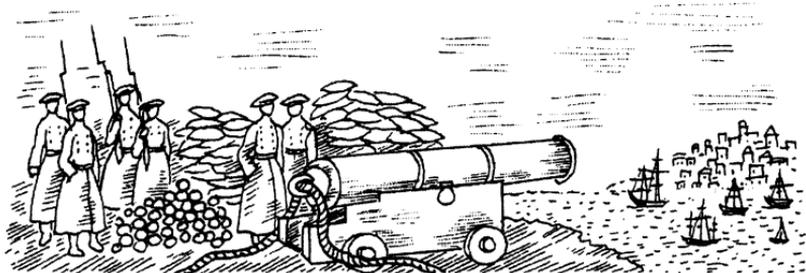
Хотя и пехота, и кавалерия русской армии были слабо подготовлены к войне, артиллерия и инженерные службы сохраняли боеспособность на приличном уровне. Артиллеристы прошли хорошее обучение, и платили им существенно больше, чем представителям других родов войск. Предпочтение здесь отдавалось не парадом, а учебным стрельбам и другим практическим упражнениям. Британский генерал Дэниел Лайсонс писал во время Крымской войны: «Если бы не их артиллерия, мы бы быстро очистили от них территорию, но в этой сфере они на голову выше».

Русские инженеры обладали большим опытом и знаниями. Фортификация, саперное дело, строительство мостов, организация осады — все это было на самом высоком уровне тогдашней техники и успешно адаптировалось к местным условиям. Именно русские специалисты впервые применили электрическую искру для инициации взрывов, они же стали весьма эффективно использовать наземные мины. Морские порты Севастополь и Кронштадт были весьма впечатляющими образцами русского инженерного

искусства. Американский офицер майор Делафилд, член комиссии из трех человек, которой президент Пирс поручил составить отчет по военным достижениям европейских стран, писал об этих укреплениях: «Подобные грандиозные оборонительные сооружения в течение двух лет сводили на нет старания союзных войск в Крыму и защищали Санкт-Петербург. Они потребовали немалых усилий и средств от России, но союзникам обошлись гораздо дороже. Русское инженерное искусство ничем не уступало европейскому. Каждое новое достижение в Британии или Франции вскоре становилось известным в России, и тамошние инженеры быстро разрабатывали средства эффективного противодействия этим новинкам».

Таковым представляется состояние русской армии перед вторжением союзных армий в Крым.

Глава 11 Силистрия и дискуссии

Русские войска, которые Омар-паша встретил на берегах Дуная весной 1854 года, состояли из пехоты и кавалерии — артиллерии и инженерных частей там не было. Какое-то время он мог противостоять такому врагу самостоятельно, но вскоре турецкий военачальник почел за благо просить подкреплений у англо-французских сил, сосредоточенных в Галлиполи. С такой поддержкой, заявил Омар-паша, он сможет прогнать русских за Дунай и спасти Турцию. Раглан выразил удовлетворение действиями Омар-паши. Союзники подвергли переоценке возможности турок и обещали помочь.

Двадцать второго мая генерал Боске во главе отряда зуавов* вышел из Галлиполи и направился на север к Адрианополю. Предполагалось, что там он станет лагерем и примет командование левым флангом объединенных сил. Однако вскоре после начала этого марша планы изменились, и генерал получил приказ следовать в порт Варна. Еще через шесть дней из Галлиполи отплыл контингент объединенных сил, возглавляемый Рагланом и Сент-Арно, чтобы соединиться с Боске севернее Варны и поддержать

* Зуавы — род легкой пехоты во французских колониальных войсках; формировались из жителей Северной Африки и добровольцев-французов, проживавших там же.

осажденных турок. Авангард союзников прибыл на место 2 июня и занял позиции в городе и ближайших окрестностях. В последующие дни в гавань Варны стали прибывать все новые суда, в том числе и со свежими подкреплениями из Франции и Англии. Население города, насчитывавшее 13 000 человек, утроилось. Уильям Рассел, остановившийся в армянской деревушке Аладин на окраине Варны, так описывает увиденное им в первые дни после высадки союзников:

Пробыв несколько дней в Аладине, я отправился верхом в Варну. Город поразительно изменился, в основном благодаря французам. Старые глухие стены были снесены; открылось множество лавок, в которых шла торговля не только самым необходимым, но и предметами роскоши; на улицах, прежде тихих и унылых, звучал смех; из многочисленных кафе доносился веселый перестук — там играли в домино. Вино-торговцы и маркитанты из Алжира, Орана, Марсея, Тулона пооткрывали множество заведений, где можно было по умеренным ценам купить местное и французское вино и напитки покрепче. Местные жители следовали примеру приезжих торговцев: связки немецких сосисок, вяленых языков, копченых колбас и окороков свисали с балок турецкого каравансарая, который всего неделю назад служил лишь приютом тараканов и клопов, а огромный пустой амбар превратился в радующий свежевыбеленными стенами и яркой вывеской *Restaurant de l'Armée d'Orient pour Messieurs les officiers et sous-officiers**. Названия улиц согласно французской традиции были написаны черными буквами на аккуратных деревянных табличках, прикрепленных к стенам домов, чтобы любой мог легко найти дорогу, а не блуждать в поисках нужного места, как это приходится делать иностранцам в турецких городах. Я увидел улицы Ибрагима, Юсуфа и Госпитальную, главная улица называлась Корсо, а от нее отходила улица Французской почты. Поскольку все эти названия весьма удобны и несут определенный смысл, никакие насмеш-

* Ресторан Восточной армии для господ офицеров и унтер-офицеров (фр.).

ки не помешают признать, что французам такие вещи удаются лучше, чем нам. В самом деле, где находилась английская почта? Этого не знала ни одна душа. Где размещается английский генерал? Сие не известно. Вам необходимо найти генерала Канробера? Обратитесь к первому встречному французу, и тот скажет, что вам следует подняться по Корсо и повернуть направо у Госпитальной — там вы сразу увидите табличку с именем генерала над входом в его резиденцию. Французская почта и французский госпиталь, естественно, находятся на улицах с соответствующими названиями.

Эта милая и уютная обстановка, впрочем, оказалась недолговечной. К концу июня, с прибытием очередного пополнения из 15 000 человек, население Варны еще больше увеличилось. «Все пространство вокруг Варны на расстоянии двух-трех миль от города было покрыто палатками, — писал Рассел. — Трава и кустарники исчезли совершенно, поля превратились в песчаную равнину, перепаханную колесами повозок и ногами волов и лошадей. В этом палаточном городе обитало не менее 40 000 человек — французов, англичан, турок и египтян, и сама Варна была до предела забита солдатами. На рейде стояло до трехсот судов, готовых выйти в море по первому сигналу».

Двадцать четвертого июня командование объединенными силами было застигнуто врасплох прибытием в Варну татарского всадника, который принес ошеломляющее известие о том, что осада Силистрии закончилась, — накануне ранним утром русские войска отошли от города. Омар-паша вышел победителем. Для подтверждения этих сведений на разведку был тут же послан кавалерийский отряд, который вскоре вернулся и доложил, что весь левый берег Дуная свободен от неприятельских войск.

Русские полагали Силистрию главнейшим пунктом для вторжения в Дунайские княжества — контроль над этой крепостью означал контроль над всей Валахией. Взять Силистрию представлялось важным не только для продвижения в глубь территории княжеств, но и вообще для любых значительных военных операций против турецкой армии. Когда в марте русские войска перепра-

вились через Дунай, им казалось, что захватить Силистрию большого труда не составит. Союзники стояли лагерем в Галлиполи, в Варне не было и намека на присутствие англичан и французов, а Омар-паша находился в Шумле, за 100 километров от Силистрии. «Либо Силистрия будет предоставлена своей судьбе, — писал Энгельс, — тогда ее падение есть факт, достоверность которого может быть математически высчитана, либо союзники придут ей на помощь — тогда произойдет решающее сражение, ибо русские не могут, не деморализовав тем самым свою армию и не утратив своего престижа, отступить без боя из-под Силистрии. Впрочем, они, кажется, и не собираются этого делать».

Как же получилось, что после трехмесячной осады весьма многочисленная русская армия оказалась неспособной сломить упорное сопротивление турок, лишенных в это время поддержки союзников? Больше того, почему русским не удалось даже отсечь город от поставок продовольствия? Двадцатью пятью годами ранее* «князь Багратион с 14 000 армией нашел возможность преградить Силистрии все сообщения с внутренностью страны, — цитирует академик Тарле слова русского генерала Петрова, — князь же Паскевич со 100 000 армией не нашел возможным этого сделать...». Все это кажется тем более невероятным, что генерал Шильдер, блестящий инженер, обеспечивший во многом взятие Силистрии в 1829 году, снова руководил осадой города, оборонительные сооружения которого знал до мельчайших деталей.

В неудаче с осадой Силистрии повинен один-единственный человек — главнокомандующий русской армией фельдмаршал Иван Федорович Паскевич. После смерти великого князя Михаила ближе к царю, чем Паскевич, не было никого. Доверие императора к фельдмаршалу не имело границ, он уважал его даже больше, чем собственного покойного брата. Паскевич командовал гвардейской дивизией, в которой Николай служил еще молодым

* Успешная операция Багратиона состоялась в 1809 году, то есть сорока пятью годами ранее.

человеком, и до конца своих дней царь называл Паскевича «отцом-командиром». Фельдмаршал отличался незаурядным умом, был хорошо образован и честен, сочетал в себе энергичность и сдержанность. Он вел происхождение из богатого, но провинциального дворянского рода, то есть не принадлежал к высшей знати. Окончив Пажеский корпус, он быстро сделал блестящую военную карьеру. В 1810 году, двадцати восьми лет от роду, он получил генеральский чин и командовал Орловским полком. Паскевич отличился в войне с Наполеоном, а в 1826 году привел к успешному завершению войну с Персией, которую Николай уже полагал проигранной. В 1829 году он получил фельдмаршальский жезл, а двумя годами позже, после подавления мятежа в Польше, — титул князя Варшавского и стал наместником царства Польского. Паскевич управлял Польшей вплоть до начала Крымской кампании. Кстати, именно он возглавлял русские войска, пришедшие на помощь Габсбургам при подавлении венгерской революции 1848 года.

Паскевич с самого начала не одобрял новую войну с Турцией и решительно возражал против переправы через Дунай. Когда же переправа состоялась, он настаивал на возвращении русских войск, особенно после того, как Франц-Иосиф заявил о своем нейтралитете в ожидаемой войне. Больше всего осторожный Паскевич опасался французской и британской интервенции. По его мнению, вести войну с коалицией этих держав, да еще с Турцией, да еще, возможно, с Австрией и Пруссией, было равносильно самоубийству.

Четвертого мая фельдмаршал встретился с Николаем и изложил ему свое видение создавшегося положения*: «Княжества мы занимать не можем, если австрийцы с 60 000 появятся у нас в тылу. Мы должны будем тогда их оставить по принуждению, имея на плечах сто тысяч французов и турок. На болгар надежды не много. Между Балканами и Дунаем болгары угнетенные и невоору-

* По мнению академика Е. Тарле, Паскевич не встречался с царем, а написал ему письмо, что представляется более вероятным.

женные; они, как негры, привыкли к рабству. В Балканах и далее, как говорят, они самостоятельнее; но между ними нет единства и мало оружия. Чтобы соединить и вооружить их, надобно время и наше там присутствие. От сербов при нынешнем князе ожидать нечего, можно набрать 2 или 3 тысячи, но не более: а мы раздражим Австрию. В Турции ожидали бунта вследствие нововведений, но до сих пор это не подтверждается». Вывод фельдмаршала: нужно немедленно очистить Дунайские княжества и уйти за реку Прут, где выжидать развития событий. «Злость Австрии так велика, — полагал Паскевич, — что, может быть, она объявит новые к нам претензии, несмотря даже на очищение княжеств».

Совершенно очевидно, что усилия Паскевича на Дунае с самого начала были направлены на то, чтобы не допустить действий, которые могли ускорить вовлечение в войну Австрии. Советский историк Е. Тарле отмечает с некоей долей цинизма: «Паскевич перед Силистрией ничего не хотел, ничем не командовал, ничего не приказывал, он не хотел брать Силистрию, он вообще ничего не хотел»*. Дошло до того, что его ближайшее окружение ломало себе голову, каким бы способом удалить фельдмаршала из Дунайской армии. Все призывы Паскевича вывести войска оказались гласом вопиющего в пустыне.

Тем временем генерал Шильдер с 24 марта со всей энергией занялся инженерным обеспечением осады. Очень быстро через реку Борчио был перекинут мост из двадцати шести парусных понтонов. В течение первых же восьми дней было воздвигнуто 14 батарей, прикрытых толстыми эполементами** (в 6 метров толщиной). Эти эполементы были сделаны по особым, впервые составленным самим Шильдером планам. «Солдаты работали с необыкновенным усердием: им все еще продол-

* На самом деле это мнение не самого Е. Тарле, а приведенное им высказывание неназванного наблюдателя.

** Эполемент — полевое фортификационное укрепление, особый род бруствера, служащий боковым прикрытием войска на открытой местности.

жало казаться, что теперь, после перехода через Дунай, война пойдет всерьез... — пишет Тарле. — Первого апреля в лагере появился сам Шильдер, не только горевший желанием взять Силистрию, но и убежденный, что если фельдмаршал не будет мешать ему, то крепость непременно — и довольно скоро — будет взята». С 10 апреля русские орудия начали обстрел Силистрии.

Однако не прошло и двух дней, как, к несчастью для Шильдера, в русский лагерь под Силистрией прибыл сам Паскевич, чтобы лично ознакомиться с тем, как ведется осада. Не обменявшись с Шильдером и парой слов, фельдмаршал через два часа уехал, а на следующий день последовал ряд приказов верховного главнокомандующего: убрать фуры «с инструментом», переместить на лодки некоторые орудия, отправить прочь от Силистрии уланский полк, оставить на батареях и в лагере ограниченное число пушек, а остальную артиллерию увезти в Калараш — и тому подобное. Самое убийственное распоряжение было сформулировано так: «В случае, если прикажут оставить батареи, срыть стулья амбразур, дабы турки не узнали секрет новой методы построения наших батарей». Последний приказ произвел на саперов ужасное впечатление. Зачем работать с прежним воодушевлением над укреплениями, которые начальство прикажет завтра уничтожить? Все распоряжения Паскевича означали только одно — свертывание осады. Шильдер был подавлен: при таком подходе взять Силистрию не удастся никогда. Однако в подобном ослабленном, вялом варианте осада с грехом пополам продолжалась еще три месяца. Наконец, когда Австрия выступила с открытыми угрозами, войска получили приказ оставить не только Силистрию, но и вообще Дунайские княжества.

Известие об отходе русской армии было встречено в Варне с изумлением. По сути, исчезла причина для рейда союзных войск, да и вообще для войны. С момента высадки англо-французских сил на турецкой территории с целью помочь их союзнику обороняться от нашествия северных варваров прошло восемьдесят дней. И вот оказалось, что турки одержали победу сами,

без единого выстрела английского или французского оружия. «Не могу прийти в себя от шока, который испытал из-за позорного отступления русских, — писал Сент-Арно своей жене. — Я бы с ними непременно расправился, сбросил бы их в Дунай». Подобное разочарование царило во всей объединенной армии. Они так далеко забрались, они так долго ждали — и вот, оказались не у дел. Сэр Джордж Ивенс устроил парад своих войск и обратился к ним с речью, стараясь как-то смягчить удар и успокоить братьев по оружию. Карл Маркс в статье для «Нью-Йорк трибюн» язвительно писал: «И вот от восьмидесяти до девяноста тысяч англо-французских войск... сидят в Варне. Французы томятся бездельем, а британцы в меру своих сил помогают им в этом...» Турки любезно поблагодарили союзников за оказанную помощь, а военный министр Риза-паша выразил восхищение выправкой британских войск. Впрочем, своему помощнику министр заметил: «Выглядят впечатляюще, но скорей бы ушли восвояси».

Союзники прибыли в Варну 2 июня, а эвакуация русских войск из-под Силистрии произошла тремя неделями позже, но англо-французская армия оставалась на месте еще два с половиной месяца. Перед нею стояли две проблемы. Во-первых, следовало определить стратегический план будущих действий — направляться ли отсюда в Галлиполи или возвращаться домой. Но более срочной была задача справиться с текущими неприятностями: нехваткой продовольствия, упадком боевого духа из-за бездеятельности и, главное, эпидемией холеры.

Когда союзники в начале апреля высадились в Галлиполи, их акция преследовала одну цель: защиту Турции, и, в частности, Константинополя. Какой-либо план будущих действий отсутствовал. Теперь же под давлением Австрии русские ушли из Дунайских княжеств и Константинополю и Турции более ничего не угрожало. «Цели, ради которых западные страны начали войну, оказались достигнутыми», — писал Кинглейк. Через три года, когда война близилась к завершению, королева Виктория сказала сво-

ему дяде королю Леопольду: «Повторю то, что мы говорили с самого начала, — если бы Австрия проявила твердость по отношению к России в 1853 году, этой войны вообще бы не случилось».

К середине лета, пишет Кинглейк, «Англия уже так жаждала реальных действий, что идея воздержаться от войны просто потому, что в ней отпала нужда, стала невыносимой для страны и народа». Необходимость в боевом контакте с врагом ощущалась всеми. И тогда в Варне неожиданно получили известие, что на южном берегу Дуная, к северу от Констанцы, остался десятитысячный отряд русских. Для Сент-Арно соблазн дать русским бой был слишком велик, и он тут же отдал приказ обнаружить и уничтожить врага. Даже если дипломатам удастся достигнуть мирного соглашения без дальнейших военных операций, полагал маршал, французы вернутся домой овеянные славой, поскольку повстречались с неприятелем лицом к лицу. Боске не сомневался, что «артиллерийский огонь и добрая штыковая атака» обеспечат французам неминуемый успех.

«Этот рейд стал одной из самых печальных и бесплодных акций в военной истории», — писал Рассел. Уже перед началом этого марша, которому было суждено длиться целый месяц, накануне выхода войск из Варны, холера заявила о себе в полную силу. «С полуночи до восьми часов следующего утра шестьсот человек остались лежать в своих палатках, пораженные ангелом смерти!» Тем не менее рейд состоялся, войска наконец достигли южного берега Дуная — и не обнаружили там даже следов русской армии. Та давно уже ушла. Измученные, упавшие духом французы проделали долгий путь назад по той же дороге, которой только что шли к Дунаю. К тому времени, когда они добрались до Варны, холера унесла семь тысяч человек.

Итак, следовало решить, что делать дальше. Возможные варианты обсуждались в Париже, Лондоне и Варне. Вторжение в Россию через Польшу было бы возможным только при условии, что к союзникам присоединится Пруссия, но Фридрих-Вильгельм еще раньше заявил о своем

нейтралитете. Прозвучало предложение напасть с моря через Балтику. Объединенный флот под командованием сэра Чарльза Немира и вице-адмирала Дешена уже вел действия против русских крепостей, но с неоднозначными результатами. Полномасштабное вторжение в Россию через Санкт-Петербург потребовало бы участия Швеции, однако вовлечение в войну этой страны представлялось нежелательным. «Если к нам присоединится Швеция, — предостерегал Абердин, — то она будет преследовать собственные цели, к которым мы окажемся в той или иной мере причастными. В отличие от нас, Швеция в своих действиях не станет руководствоваться желанием сохранить равновесие сил в Европе или защитить Турцию от угрозы». Так в процессе дебатов, исключая один вариант за другим, союзники решили, что единственным местом соприкосновения с неприятелем может стать северное побережье Черного моря. Крупная военно-морская база в Севастополе была символом российской мощи на Черном море. Здесь находился гигантский арсенал с огромными запасами вооружения, подходы к Севастополю с моря защищались более чем семьюстами орудий, и здесь же стоял черноморский флот Николая.

Этот грандиозный по масштабам морской и военной комплекс был вовсе не нужен для защиты морских торговых путей России или обороны от вражеского нападения. По мнению Кларендона, Севастополь мог быть полезен «исключительно для агрессивных целей». «Взятие Севастополя и оккупация Крыма, — писала «Таймс», — оправдают все издержки войны и надолго решат в нашу пользу главные вопросы в споре с Россией». Далее в статье утверждалось, что «примирение с царем оставит России те же средства агрессии, которыми она располагает, и даст Николаю возможность снова затеять войну, когда ему заблагорассудится». А находящийся в Варне Сент-Арно заявил, что вторжение в Крым станет «великолепным завершением войны».

Идея вторжения в Крым и захвата Севастополя обсуждалась в Лондоне и Париже еще в ноябре 1853 года. Герцог Аргайл приводил три аргумента в пользу такой акции:

Во-первых, это наилучшим образом обеспечит выполнение поставленной нами задачи освободить Турецкую империю от угрозы, которой она подвергается в настоящее время. Во-вторых, Севастополь расположен во владениях России, которые в наибольшей степени открыты для нападения с моря, и служит надежной морской базой, способной вести военные действия любой продолжительности. Наконец, в-третьих, Севастополь является таким местом на территории России, защита которого, с учетом размеров ее европейских владений, истощит как людские, так и материальные ресурсы страны.

Впрочем, в равной степени сильны оказались и доводы против вторжения в Крым. Никто не знал точно, какими силами располагают русские, а оценки дислокации российских войск были весьма противоречивыми. «Любопытно, что ни правительство, ни командование не имеет понятия о русских войсках в Крыму и о силе Севастополя, — писал в своем дневнике Генри Гренвилл*. — Некоторые пленные утверждают, что на полуострове находится армия численностью в 150 000 человек, но в это никто не верит». В Лондон поступали предостережения от такого шага. «Нападение на Севастополь, — сообщает генерал Шоу-Кеннеди, ветеран Полуостровной войны, — было бы такой безрассудной авантюрой, что на него не решится ни один главнокомандующий. Со стороны моря город неприступен. Взломать оборону с суши будет крайне сложной задачей, при этом осаждающие город войска будут открыты для нападения всеми силами, имеющимися на Юге России».

Дебаты в британском кабинете министров продолжались. Шестого апреля сэр Джеймс Грехем, первый лорд Адмиралтейства, получил письмо от весьма уважаемого им сэра Эдмунда Лайсонса, командующего британским флотом на Черном море: «В разговоре с вами о защитных сооружениях Севастополя, который состоялся в прошлом

* Гренвилл, Генри, 14-й герцог Норфолк (1815–1860) — потомок знатнейшего рода Англии, член палаты общин.

октябре, я сказал, что многие люди, на мой взгляд, недооценивали их мощь, между тем как набирает силу мнение об их неуязвимости. Для меня же мучительна сама мысль о том, что мы не нанесем удар по Севастополю и не овладеем городом. Она преследует меня, когда я вечерами в одиночестве меряю шагами палубу своего великолепного корабля, — ведь я убежден, что, если мы на этот раз не оставим свой след на Черном море, нам придется не в столь уж далеком будущем проделать всю работу заново». Джеймс Грехем склонился к вторжению, и представленные в кабинете сторонники мирного урегулирования потеряли еще один голос.

Тем временем «Таймс» продолжала призывать к нападению на Крым. «Весь июнь, день за днем, газета наращивала давление на правительство», — отмечал Кинглейк. Воинствующие речи Пальмерстона и военного министра герцога Ньюкасла находили все больше благодарных слушателей. К концу месяца лорд Абердин потерял контроль над кабинетом и, несмотря на свою личную приверженность миру, дал согласие на вторжение в Крым. (В поздние годы жизни некоторые поступки и мысли лорда Абердина были весьма странными и трудно объяснимыми. В частности, он упрямо отказывался отстроить заново часовню в своем имении, но поручил это сыну в своем завещании. После смерти среди вещей лорда были найдены многочисленные клочки бумаги с одним и тем же библейским текстом (1 Пар., 22, 7–8), написанным его собственной рукой: «И сказал Давид Соломону: сын мой! У меня было на сердце построить дом во имя Господа, Бога моего; но было ко мне слово Господне, и сказано: “ты пролил много крови и вел большие войны; ты не должен строить дома имени Моему, потому что пролил много крови на землю пред лицом Моим”».)

Кабинет собрался в доме лорда Рассела в Ричмонд-парке, чтобы обсудить положение. «В то время среди министров бытовал обычай иногда встречаться за обедом, а не только на обычных и регулярных совещаниях на Даунинг-стрит. За обедом шла менее серьезная работа — например, в последний раз читались документы, предна-

значенные к отправке, существо которых уже было рассмотрено и одобрено ранее», — вспоминает герцог Аргайл. Эта встреча состоялась в самой середине лета, воздух наполнился густым ароматом цветов и трав, только-только заверченный обед был весьма основательным. Министров обнесли портвейном, и вскоре кое-кто уже дремал в глубоких кожаных креслах. Текст последнего послания был выслушан и одобрен. «Вот так, после множества долгих споров, — пишет Аргайл, — мы все единодушно решили отправить Раглану депешу, которая предписывала нашей армии напасть на русских в Крыму». Британия сделала свой выбор.

В Париже Наполеон III с восторгом встретил решение английского правительства. Он ведь и сам неоднократно выступал с идеей вторжения в Крым. Теперь же, после фиаско в Добрудже, Франция больше, чем когда-либо, жаждала военной победы. Император одобрил резолюцию Англии и направил соответствующий приказ в штаб объединенных войск в Варне. Этот документ предписывал осуществить вторжение в Россию, но определение даты начала операции оставлял на усмотрение объединенного командования.

Глава 12 На Крым!

Когда известие о принятых в Париже и Лондоне решениях достигло Варны, там немедленно собрался военный совет, чтобы разработать план дальнейших действий. На совете присутствовали высшие офицеры обеих армий: маршал Сент-Арно, лорд Раглан, адмиралы Гамелен, Дандас, Лайонс и Брант.

В британском лагере настроение в войсках к этому моменту достигло низшей точки. Люди страдали от депрессии. Большинство солдат находились на Востоке уже более четырех месяцев и еще ни разу не видели русских. Они изнывали от безделья и тоски. Водившаяся здесь в изобилии дичь — козули, кабаны, фазаны — исчезла, ее перестреляли томившиеся от скуки охотники. Пища не радовала качеством, и ее едва хватало. «По мнению врачей, фунта мяса в день недостаточно для мужчины при таком климате, к тому же в мясе мало желатина, и его питательная ценность оставляет желать большего, — писал Уильям Рассел. — Кроме того, с течением времени хлеб, получаемый из пекарен Варны, становился все темнее, кислее и хуже пропеченным». Солдаты поглощали огромное количество неспелых абрикосов и других фруктов, что приводило к диарее, ослабляло людей и содействовало распространению холеры. Температура в тени превышала тридцать пять градусов, и предусмотренные регламентом физиче-

ские упражнения люди могли выполнять, только сбросив тяжелую амуницию.

В интересах санитарии французские подразделения каждые две недели меняли место лагеря. Это не только давало людям полезное занятие — сама смена обстановки и пейзажа благоприятно сказывалась на настроении. Англичанам повезло меньше: в британской армии забота о санитарии считалась делом второстепенным. Английские палатки были громоздкими, вместе с военными там жили жены и любовницы, и все это затрудняло свертывание и развертывание лагеря. Кроме того, багаж британского офицера занимал значительно больший объем, чем личное имущество его французского коллеги того же звания. Французский офицер, пишет Уильям Рассел, «постоянно носит свой мундир, в то время как всем известно, что истинный британский солдат чувствует себя обделенным без гражданской одежды. Ему не обойтись без шляпы, костюма для охоты, халата и фрака, а также раскладной ванны и дюжины другой рубашек разных расцветок и фасонов. Француз всем этим себя не обременяет».

Пожалуй труднее всего в лагере приходилось женщинам, хотя от них слышалось меньше всего жалоб. Согласно «королевскому регламенту» в британской армии того времени на каждые сто мужчин (исключая офицеров-резервистов) могло находиться шесть замужних женщин. Они имели вполне официальный статус, для них и их детей выделялись места в казармах, дети к тому же могли посещать полковую школу. Однако для экспедиционного корпуса, отплывшего из Мальты, количество женщин на сотню мужчин не должно было превышать четырех, а поскольку детей брать с собой не разрешалось, то женщин в Варне оказалось еще меньше, чем допускалось правилами. Разделяя лишения своих мужчин, мучаясь от болезней, они стряпали, стирали белье, чинили одежду. Почти ничего не получая за свой труд, они, чтобы выжить, были вынуждены попрошайничать и рыться в отбросах в поисках пищи. «Наибольшее сострадание вызывают женщины, — писал лейтенант Хайлендской бригады Стирлинг, — несчастные, униженные создания». «Их нравственность

неустойчива, они уступчивы и легко поддаются соблазну», — замечает другой наблюдатель. По словам военного министра герцога Ньюкасла, «это была общая беда».

Впрочем, жены офицеров жили в относительно благополучных условиях на удалении от лагеря — в Пере* или Константинополе, а кое-кто даже на яхтах своих мужей. Небольшая флотилия таких судов, иногда просто роскошных, следовала за войсками вдоль побережья Черного моря, создавая для немногих избранных вполне комфортный «дом вдали от родного дома». Мадам Сент-Арно, к примеру, жила в Пере и с отменным вкусом устраивала у себя приемы для *l'élite des dames*** . А любительница острых ощущений леди Фанни Дьюберли повсюду следовала за своим мужем — даже на поле боя. Вот что она пишет в письме к приятельнице:

Ты спрашиваешь, как мне удается переносить все это? Я просто ни на миг об этом не задумываюсь. У меня нет ни одной свободной минуты. Работа, ванна, корреспонденция, верховая езда с четырех до семи ежедневно, затем ужин, стакан рома с водой или крепчайший кофе по-турецки. Это не место для женщин, а потому здесь надо обладать мужской отвагой. Мужчины так поглощены собственным здоровьем, собственной жизнью, спортом, развлечениями и прочим, что если ты им надоешь — тебя бросят, а если ты идешь с ними вровень — все в порядке...

Ее живо и ярко написанный дневник дает представление о преобладающем в лагере отношении к трудностям, переживаемым всеми участниками этой войны:

Я находилась на улице, когда подошла группа отставших [из-за жары и холеры]. Их вид ужасен: люди, шатаясь от слабости, бредут пешком, понукая жалких лошадей, которые тоже едва передвигают ноги. Здесь так много ненужных страданий —

* Пера — город, расположенный неподалеку от Константинополя, в Средние века принадлежал гегуэзцам.

** Здесь: знатных дам (фр.).

этот безжалостный парад смерти причиняет больше боли и бед, чем приносит добра. Но я отношусь к этому как к неизбежным военным потерям, а мы должны переносить тяготы войны, собрав все свое мужество, всю силу духа.

Наибольшую опасность для армии представляла холера. С самого начала этот смертельный недуг поражал всех без разбора — англичан, французов, турок и египтян. Несмотря на меры предосторожности, количество умерших быстро росло, причем не только в лагерях Варны и Галлиполи, но и на судах. Сначала возникло предположение, что свирепствует диарея, вызванная местными вином и фруктами, но, когда течение болезни осложнилось рвотой, судорогами и высокой температурой, стал ясен истинный диагноз. Смерть стала обычным явлением. Капитан Шотландского гвардейского полка Джослин вспоминает: «Сегодня утром мы похоронили троих, днем умерло еще трое. Я прочитал заупокойную молитву над их телами — печальнее обязанности не придумать. Когда каждые несколько часов ты видишь смерть, жизнь представляется чем-то зыбким, ненадежным... Гнетущая, тягостная атмосфера».

Первая дивизия Канробера насчитывала около 8000 человек, 5000 из них заболели холерой, 1500 — умерли. Дивизии Боске и принца Наполеона потеряли приблизительно по 1700 человек. Моряки тоже не избежали этой беды. Вот воспоминания одного гардемарина:

Моряки страдали даже больше из-за скученности и тесноты, поскольку все экипажи были обязаны находиться на борту. Когда кто-то ночью вскрикивал от боли на нижней палубе, его крик подхватывали другие больные. Наш флагман за несколько дней потерял 109 человек, а на некоторых французских кораблях смертность была еще выше.

Уильям Рассел посетил французский лазарет и так описал увиденное:

Поступившие сюда с лихорадкой или другими недугами тут же подхватывали холеру в самой тяжелой форме и умирали очень

быстро, несмотря на все усилия им помочь. Около лазарета я увидел длинную вереницу повозок с больными, вытянувшуюся вдоль стен. Я насчитал тридцать пять повозок, в каждой — по три-четыре человека. Это были французские солдаты, которых привезли из лагерей, и теперь они ждали, когда для них освободится место. Несколько человек сидело у дороги, составленные пирамидой ружья блестели в лунном луче. Стояла тишина — ни песен, ни смеха. Кругом царило уныние, какое не часто встретишь среди французов, а безмолвие прерывали лишь стоны и крики боли. Увидев полтора десятка пустых повозок на площади перед лазаретом, я спросил унтер-офицера, для чего они предназначены. Он ответил мрачно и кратко: *Pour les morts — pour les Français décédés, Monsieur.**

Хоронили умерших быстро, нередко тела поспешно и без какого-либо ритуала топили в море. Рассел продолжает:

Ужасные картины стали обычным и ежедневным явлением. Идя вдоль берега, ты мог увидеть пучок соломы, торчащий из песка, а пошевелив его палкой — обнажить лицо мертвеца, которого оставили здесь, слегка присыпав соломой, — на съедение собакам и стервятникам.

А вот что пишет подполковник Эдвард Хэмли о телах, похороненных в море:

...через некоторое время трупы, зашитые в одеяла или парусину и распухшие до чудовищных размеров, поднимались на поверхность и плавали среди судов в вертикальном положении — их ноги удерживало внизу привязанное ядро. Один из таких страшных гостей оставался у нижней части трапа нашего транспортного корабля, пока кто-то не спустился к нему и не привязал к его шее груз, после чего он медленно затонул.

Болезни, смерть, тоска, апатия. Дисциплина падала. Прекратились регулярные упражнения, допускались послабле-

* Для мертвецов, для павших французов, месье! (*фр.*)

ния в форме, а к концу июля общим приказом по войскам было разрешено отпустить усы. В страхе перед холерой солдаты стали пить, полагая, что бренди предохраняет от заразы. «Пьяные забирались в собачьи будки или просто лежали в канавах под палящим солнцем, покрытые роем мух... Поведение многих солдат, как британцев, так и французов, граничило с безумием», — писал Уильям Рассел.

В конце концов на очередном военном совете объединенное командование решило, что дальнейшее пребывание в Варне не позволит сохранить боеспособность армии. Нужно было принимать срочные меры. Армия должна наконец сдвинуться с места. И воспоследовало единодушное решение: двигаться на Крым.

Важнейшее решение было наконец принято, и теперь все усилия сосредоточились на подготовке к вторжению. Насущной проблемой было отсутствие карт Крыма и слабое знакомство с прибрежной его частью. Поэтому первой задачей стало определение в непосредственной близости от Севастополя места, пригодного для высадки 60 000 солдат, 3000 лошадей и 130 тяжелых орудий. Вторая задача состояла в том, чтобы раздобыть необходимое количество лодок и плотов. Французы настаивали на поддержке операции тяжелой артиллерией, а это влекло за собой необходимость постройки плоскодонных лихтеров для доставки пушек с кораблей на берег.

Варна внезапно ожила — начались лихорадочные приготовления к отплытию. Всем не терпелось как можно скорее покинуть это место. Из Константинополя прибыло большое количество турецких малых судов, которые никогда прежде не покидали Босфора. Эти суда 15 метров в длину и 2,5 метра в ширину имели глубину погружения менее 30 сантиметров. Соединенные в пары и снабженные дощатым настилом, они превращались в плоты, способные нести 150 человек или два тяжелых орудия с орудийной прислугой.

Сначала только высшие офицеры знали о том, что целью похода является Севастополь. Слухи ходили разные — кто-то предполагал, что флот отплывает в Одессу, другие считали, что эскадры возвращаются в Портсмут и Тулон. Для большинства это не имело большого значения. «Ус-

тавшие от монотонной жизни в этой проклятой стране, измученные болезнями и утомительным бездельем», писал Рассел, все с радостью встретили известие о предполагаемом отплытии.

Двадцатого июля генералы Браун и Канробер в сопровождении опытных артиллеристов и инженеров взошли на борт «Ярости» и взяли курс на Крым, чтобы произвести разведку подступов к Севастополю, изучить береговую линию и наметить место для высадки. «Ярость» приблизилась к Севастополю под покровом ночи, около двух часов подошла на расстояние 1800 метров от береговых батарей и оставалась там до шести утра. Пока генерал Браун считал пушки, вахтенный офицер заметил какое-то движение в стволе одного из орудий, и через мгновение сквозь такелаж судна просвистел снаряд. Следовало немедленно уходить, и «Ярость» на полном ходу направилась в открытое море. Однако следующий снаряд оказался все же быстрее и разорвался в непосредственной близости от судна. Очередной снаряд пробил борт, но, к счастью, никто не пострадал.

Двадцать восьмого июля «Ярость» вернулась в Варну. Браун и Канробер, настроенные теперь более оптимистически, согласились, что лучшим местом для высадки было устье реки Качи в 12 километрах к северу от Севастополя.

Решение о вторжении в Крым было принято 18 июля, а последний корабль покинул гавань Варны примерно через два месяца, а точнее — через пятьдесят два дня. То и дело находились причины, чтобы задержать отплытие. Во-первых, по мнению Сент-Арно, потери от холеры слишком ослабили армию. Кроме того, по слухам, русские приостановили вывод войск из Дунайских княжеств, и снова возникла угроза их вторжения в Турцию. Ко всему прочему приближалась осень — неудобное время для начала столь крупной кампании. Но лорд Раглан не желал слушать эти доводы. Впрочем, к середине августа ситуация изменилась — теперь французы торопили отплытие, а энтузиазм Раглана ослабел, поскольку англичанам не удавалось раздобыть плоскодонные суда для высадки людей, лошадей и пушек. «Сначала Дандас отказался их покупать из-за слишком высокой цены. Францу-

зы немедленно на эту цену согласились, и теперь британцы были готовы платить любые деньги за те же суда. Все возлагали вину за промедление на Дандаса, который торговался из-за нескольких сотен фунтов, хотя каждый день задержки отплытия стоил тысячи», — писал профессор Гуч. Теперь уже Раглан доказывал, что начинать операцию слишком поздно, а Сент-Арно не желал прислушиваться к его аргументам. Возмущаясь позицией британцев, маршал заявлял, что заставит их двигаться на Крым наперекор их воле.

Тем временем план вторжения в Крым перестал быть тайной. Русские агенты в Лондоне и Париже трудились не покладая рук. «Таймс» и другие газеты во всех подробностях рассказывали о событиях в Варне, а в Санкт-Петербурге читали об этом с повышенным интересом. Извлекая из этих источников немало ценных сведений, русский генеральный штаб мог не знать только мелких деталей готовящейся операции.

За упомянутые пятьдесят два дня, отделяющие решение о вторжении и отплытие армии из Варны, Россия переправила в Севастополь значительные подкрепления, а гарнизон города без усталости трудился над усилением оборонительных сооружений. Возводились брустверы, увеличивалось количество амбразур, создавались преграды из поваленных деревьев и заостренных кольев. Заново обустроивались артиллерийские позиции для разного вида орудий, включая морские 68-фунтовые пушки. Арсеналы, казармы и склады были защищены от артиллерийского огня. Руководил этой титанической работой генерал Эдуард Иванович Тотлебен, блестящий инженер, лично составивший общий план грандиозного строительства и вникавший во все детали производимых работ. Во время самой осады он продолжал руководить укреплением редутов и перемещением орудий, а также придумывал по ходу дела новые средства обороны. «Из камней, из самой земли Севастополя вырос бессмертный монумент гению этого человека», — писал Уильям Рассел.

Если Британия и могла гордиться истинным героем Крымской войны, то им несомненно была Флоренс Най-

тингейл. Для России таким героем стал Тотлебен. Скромный сын рижского торговца, который спутал все планы неприятеля. Объединенная армия союзников почти год осаждала Севастополь, и, только потеряв 185 000 своих защитников, истощив все силы, город пал. Гений Тотлебена заключался в совершенно новом, необычном взгляде на природу оборонительных сооружений. Как пишет Рассел, «его по праву можно считать автором идеи, что крепость — это не просто окруженное стеной поселение, а укрепленная траншеями позиция, тесно связанная с наступательными и оборонительными возможностями армии и допускающая изменения в той же степени, что и расположение войск во время боя или маневра».

Прибыв в Севастополь, Тотлебен нашел состояние дел просто позорным. Гарнизон насчитывал всего 39 000 человек. Из 1944 пушек, складированных в арсенале, в исправном состоянии находилось 931 орудие, а общее количество пригодных орудийных стволов, включая пушки на кораблях, стоящих в гавани, равнялось 2822. Количество снарядов всех типов не превышало 90 000. Отсутствовали строительные материалы, шанцевого инструмента хватало на две сотни человек. Интендантская служба не имела средств, войска несколько месяцев не получали жалованья. Запасы продовольствия на складах могли истощиться менее чем через пять месяцев. «Севастополь был создан для нападения, а не для защиты», — замечает Рассел.

Гений и энергия Тотлебена быстро изменили столь пагубную ситуацию в Севастополе. Спустя месяцы после августовской высадки в Евпатории, в октябре, когда шли сражения у Альмы, Балаклавы и Инкермана, усилия по дальнейшему укреплению оборонительных сооружений Севастополя удвоились. К солдатам и матросам присоединилось все население города, включая женщин и детей. Работа не прекращалась и ночью — при свете фонарей женщины переносили землю в фартуках, а дети толкали перед собой тачки. «Одна из позиций даже получила название “женская батарея”, и ее строители были награждены серебряными медалями. Десятилетний ребен-

нок, отец которого был убит в первые дни осады, стрелял из пушки и также был награжден. Совсем малые дети помогали в строительстве, а подростки четырнадцати и более лет исполняли обязанности солдат, причем матери поощряли их энтузиазм», — пишет профессор Вальями.

С севера подходили свежие подкрепления и обозы с боеприпасами и продовольствием. Вскоре численность гарнизона удвоилась. Преодолев форсированным маршем за пять дней 260 километров, в город вошел Московский полк. К 17 октября, когда союзники начали усиленный артиллерийский обстрел Севастополя, все оборонительные сооружения были закончены, огневые позиции в стратегически важных точках полностью оборудованы, батареи укомплектованы тяжелыми орудиями. Все было готово к длительной осаде.

Двадцать четвертого августа, на ранней стадии подготовки к обороне города, в Варне состоялся очередной военный совет. Заседание было долгим. Большую часть времени речь держал Сент-Арно, без усталости приводивший все новые доводы в пользу вторжения в Крым. Его убежденность, твердость позиции, точность и ясность формулировок «окрасили выступление маршала истинным красноречием». Именно в Крыму, настаивал Сент-Арно, союзные войска одержат победу и покроют себя славой. По истечении нескольких часов обсуждений точка зрения маршала возобладала и было решено немедленно приступить к погрузке на суда.

На следующий день Сент-Арно счел за благо воодушевить свои войска довольно длинным обращением. Вот оно в значительно сокращенном виде:

Солдаты! Вы только что явили замечательный пример стойкости, спокойствия и энергии, находясь в тяжелейших условиях, о которых нам теперь следует забыть. Настал час вступить в бой и победить... Провидение зовет нас в Крым... и этот поход во имя добра достоин вас... Он непременно завершится успехом, и вскоре мы отсалютуем трем союзным флагам, развевающимся рядом над бастионами Севастополя, нашим приговоренным возгласом: «Да здравствует император!»

Лорд Раглан не стал выступать с прочувствованными призывами, а ограничился немногословным распоряжением начальнику интендантской службы: «Генералу Филдеру принять меры к обеспечению личного состава портером на ближайшие несколько дней».

Погрузка войск началась в тот же вечер. Когда флот покинул Варну, на французских судах находилось 28 000 человек, 1437 лошадей и 68 пушек. Турецкие части, приданные Сент-Арно, насчитывали 6000 солдат, которые плыли на собственных судах. За погрузку британской части экспедиционных сил отвечал адмирал Лайонс. В первую очередь на транспортные суда доставили 60 пушек и по 6 тягловых лошадей на каждое орудие, затем настала очередь 28 000 солдат, и в последнюю очередь на борт подняли 1110 лошадей кавалерийских подразделений.

Погрузка шла крайне медленно. Любое волнение на море препятствовало доставке на суда пушек и лошадей. Чуть усилившийся прибой мог вообще остановить работу. Для завершения всей процедуры англичанам потребовалось две недели. Наконец 6 сентября к вечеру все было готово к отплытию. К тому времени французская эскадра уже покинула гавань. Они закончили погрузку двумя днями раньше, и Сент-Арно категорически отказался ждать англичан, которые, по его мнению, проявляли недопустимую медлительность.

На рассвете 7 сентября пушечный выстрел с борта «Британии» разорвал тишину. По этому сигналу 104 судна подняли якоря. Вскоре «Агамемнон», флагманский корабль адмирала Лайонса, трепеща многочисленными сигнальными флажками всех расцветок, двинулся к выходу из гавани. Через считанные часы гавань Варны опустела. Вот что писал об этом Уильям Рассел:

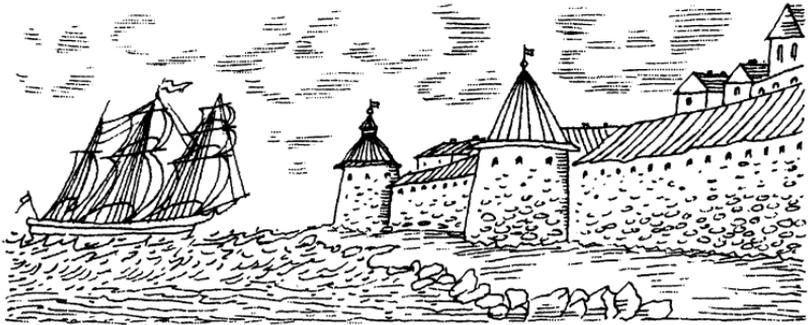
Это была внушительная армада. Какое перо решится описать представшую нашим глазам картину! Не прошло и часа, как флот растянулся на полгоризонта. Вряд ли какая-нибудь страна когда-либо прежде снаряжала в поход армию подобной ужасающей силы, снабженную такими средствами уничтожения и такими возможностями для их перемещения. Пятью

изломанными линиями, имея на флангах военные суда, в том числе на паровом ходу, огромная флотилия медленно продвигалась вперед, наполняя воздух бесчисленными дымами, которые постепенно растворялись и смешивались с облаками, придавая еще большую мрачность морю, столь удачно названному «черным». Земля очень быстро исчезла из виду, закрытая этим бесконечным дымным облаком, а впереди, насколько хватало глаз, — лишь темные волны и холодное небо.

В тридцати милях от берега британский флот встретился с французским. Суда обменялись сигналами, команды — приветственными криками, после чего объединенная эскадра взяла курс на север, на Крым, чтобы начать войну, которая, по словам Э. Дж. Хобсбаума*, была не чем иным, как «международной бойней, осуществляемой на редкость некомпетентными людьми».

* Хобсбаум, Эрик Джон (р.1917) — британский историк.

Глава 13 Война на Балтике

Описание самого хода военных операций может показаться несложной задачей по сравнению со сделанной нами попыткой оценить во всей полноте и сложности условия и события, которые в конечном счете привели к вторжению союзников в Россию. Однако следует иметь в виду с самого начала, что эта война на причудливой формы полуострове Черного моря отнюдь не была локальной. Разумеется, Крым был главной ареной военных действий с сентября 1854 года, когда союзники высадились в Каламитском заливе на западном побережье полуострова, и до января 1856 года, когда русские подвергли Севастополь артиллерийскому обстрелу. Именно здесь произошли знаменитые сражения под Альмой и Балаклавой. Здесь же создавалась (или рушилась) слава таких людей, как Флоренс Найтингейл, лорд Раглан и граф Лукан. Здесь Теннисон обрел вдохновение для своего бессмертного стихотворения «Атака легкой кавалерии».

Однако Крымская война по своим масштабам была скорее глобальной — у историка может появиться искушение даже назвать ее самой первой мировой войной. Как мы уже писали, кровь лилась не только в Крыму, а отзвуки этой войны доходили до таких удаленных мест, как Австралия, Канада, Гавайи и Индия. Вторым по важ-

ности театром военных действий, не воспетым в стихах и не описанным в романах, стало побережье Финляндии на Балтике. Англо-французский флот обстреливал русские позиции у Бомарзунда и в других местах этого региона задолго до того, как первые пушечные залпы прозвучали в Крыму, и эти усилия союзников не ослабевали почти до самого конца войны. Существовали и второстепенные очаги, на которые редко обращают внимание историки в своих трудах — разве упомянут в примечаниях. Я имею в виду и близкие к Крыму территории — Румынию, Кавказ, Армению, и весьма удаленные — Кольский полуостров, что у самого Полярного круга, и Камчатку на Тихом океане. И там шли бои, и там гибли люди.

Итак, когда и где в действительности началась Крымская война? Французы полагают, что она началась 27 марта 1854 года, когда Франция объявила войну России. По мнению англичан, днем начала войны следует считать 28 марта — именно в этот день войну России объявила Британия. Россия, в свою очередь, официально заявила о том, что находится в состоянии войны с Францией и Англией, 11 апреля. Но пожалуй, самой точной датой начала этой войны следует признать 5 октября 1853 года, когда войну России объявила Турция. А первая в этой войне кровь пролилась месяцем позже, когда Омар-паша одержал громкую победу над русскими войсками при Ольтенице.

Поскольку за пять месяцев до высадки союзников в Каламитском заливе англо-французский флот вошел в Балтийское море, будет разумно начать описание хода войны именно с этого момента.

Когда в Лондоне стало известно о вторжении русских в Дунайские княжества, вице-адмирал Чарльз Непир выказал большую тревогу по этому поводу и заявил, что в связи с неизбежностью войны Британии следует усилить оборону побережья. Русский царь, говорил Непир, имеет на Балтике 28 линейных кораблей и множество вспомогательных судов. Такой флот может создать реальную угрозу береговой линии Британии, которая

в настоящее время практически беззащитна, поскольку основная часть британских военно-морских сил была отправлена в Средиземное море. Премьер-министр Абердин поначалу отмахнулся от предостережений адмирала, не считая ситуацию столь острой, однако через пару месяцев, по мере возрастания напряженности, он согласился с Непиром и одобрил план сосредоточения в Спитхед* эскадры, перебазировав туда британские корабли из Лиссабона.

Франция в тот момент была не в состоянии принять участие в балтийской операции, поскольку весь ее наличный флот под командованием вице-адмирала Гамелена находился в Средиземном море, а для создания новой боеспособной эскадры требовалось время. Впрочем, в знак солидарности с Британией одно судно — стопушечный линейный корабль «Аустерлиц» — было послано на помощь союзнику.

Поспешно собранная таким образом эскадра под командой Непира направилась в Балтийское море. В ее составе было 15 судов, на борту которых находились 882 пушки и 8500 человек. Это был самый крупный в то время флот, состоявший исключительно из судов с паровыми двигателями. Позже к нему присоединились и парусные суда. В задачу эскадры входило блокирование Финского залива, чтобы не допустить прохода русских кораблей в Северное море. Кроме того, Непиру предписывалось обеспечить защиту побережья Швеции и Дании, что на самом деле являлось демонстрацией силы с целью повлиять на правительства этих стран, прежде чем они задумаются, не стоит ли им принять сторону России. Приказы Адмиралтейства были сформулированы весьма четко: «Обеспечить полную блокаду Финского залива... и не допустить пересечения русскими судами этой линии». Важно заметить, что на этом этапе не упоминалось о возможных открытых военных действиях. Как мы увидим, Непир впоследствии заслужил суровое осужде-

* Спитхед — якорная стоянка в проливе Солент, между островом Уайт и берегом графства Хэмпшир.

ние со стороны своего правительства, а также всего британского общества за то, что не преследовал противника более активно.

Эскадра миновала Киль и встала на якорь в бухте Кьогге, к югу от Копенгагена. Именно отсюда, решил сэр Чарльз, он сможет с наибольшей надежностью воспрепятствовать проникновению русских в Северное море. Когда до него дошло известие об объявлении Британией войны России, адмирал обратился к своим подчиненным с громким заявлением, которое потом не давало ему покоя:

Парни! Мы объявили войну врагу грубому и храброму. Если он встретится нам в море, вы знаете, как поступать. Если он укроется в порту — мы должны достать его и там. Успех зависит от того, как быстро и точно вы стреляете. И еще, парни, — наточите ваши сабли, и победа будет за нами!

Однако через две недели Непир покинул Кьогге, и 19 апреля его эскадра достигла входа в Финский залив. Со времен Петра I Финский залив был (и остается) акваторией, стратегически важной для безопасности России и для ее торговли. Триста двадцать километров водного пути отделяют вход в залив от Санкт-Петербурга, бывшего в то время столицей Российской империи. Защита Санкт-Петербурга была сосредоточена в четырех сильно укрепленных пунктах. К северо-западу от входа в залив, между Швецией и Финляндией, расположены Аландские острова с мощной крепостью Бомарзунд. На южном берегу находится Ревель (Таллин), а на северном — Свеаборг, охраняющий подход к Гельсингфорсу (Хельсинки). Последним рубежом обороны столицы стал прекрасно укрепленный портовый город Кронштадт.

Русский балтийский флот был крупнее, чем предполагал Непир. Помимо 27 линейных кораблей в его состав входили 8 фрегатов и 90 других судов — корветов, колесных пароходов, шхун и канонерских лодок. Суммарно балтийский флот России превосходил эскадру союзников по числу кораблей и огневой мощи. Однако русские суда были сосредоточены по нескольким пунктам, причем большая

их часть находилась в Кронштадте и Свеаборге. Крейсирова между этими пунктами, Непир не позволял противнику объединить силы и тем самым сохранял превосходство. Кроме того, перед русскими стояли две другие проблемы: лед и неопределенность с командованием. С начала зимы флот зависел от состояния льда в заливе, и в первые недели после неожиданного появления Немира на Балтике русские корабли были заперты в портах. К началу мая, когда лед растаял, обострилась проблема с руководством: у флота не было единого командования. Великий князь Константин Николаевич, в чьем ведении находилась Кронштадтская эскадра, был молод (27 лет), неопытен и нерешителен, а власть семидесятисемилетнего адмирала Петра Ивановича Рикорда, находившегося на борту 110-пушечного «Императора Петра I», вообще была весьма сомнительной, особенно в Свеаборгской эскадре.

Прибытие Немира к входу в Финский залив пришлось на период густых туманов и штормов. Различить береговые знаки не позволяла погода, маяки не горели или были разрушены, лоцманы отсутствовали — адмирал оказался в трудном положении. Помимо этого его эскадра встретила и с другими сложностями. Матросы оказались по большей части неопытными и необученными новичками или же пожилыми людьми, насильно и поспешно призванными на военную службу. Обычно требовалось не менее полугода усиленных занятий, чтобы из рекрута получился настоящий моряк, и таких у Немира было меньшинство. Из-за нехватки, например, хорошо обученных сигнальщиков возникали проблемы с удержанием судов в нужном положении, а маневрирование в море становилось опасным. Нехватка опытных артиллеристов ощущалась еще острее. Наконец, большая часть британских судов имела глубокую осадку, поэтому они не могли входить в мелководные порты и многие прибрежные зоны. Адмиралу Немиру и его старшим офицерам стало ясно, что их эскадра плохо подготовлена к серьезным активным действиям.

Нескончаемый густой туман угнетающе действовал на людей. Оценив неблагоприятную ситуацию, хотя

и не связанную с непосредственной опасностью, Непир приказал своим судам следовать в Стокгольм. Там эскадра провела около двух недель, дожидаясь изменения погоды к лучшему. Во время этого вынужденного перерыва Чарльз Непир получил аудиенцию у короля Оскара I и попытался убедить его принять сторону союзников. Однако усилия адмирала успехом не увенчались — его величество остался твердым сторонником нейтралитета своей страны. Швеция была в прекрасных отношениях с Россией, и король отнюдь не хотел их омрачать в угоду Британии или Франции.

В начале мая погода наконец прояснилась, и Непир решился на вылазку. Он подошел к небольшому финскому городу Ханко (Ганге) у входа в Финский залив и обменялся с береговыми батареями несколькими выстрелами — первыми выстрелами на Балтике в этой войне. Затем эскадра Немира направилась к Свеаборгу, где укрепления были слишком сильны для серьезного нападения на город, а потому Непир ограничился наблюдением.

Со времени прибытия Немира на Балтику прошло почти три месяца. К нему присоединился довольно крупный французский отряд под командованием вице-адмирала Парсевалья-Дешена: двадцать паровых и парусных судов с общим числом пушек 1200. Собственная эскадра Немира к тому времени почти удвоилась, поскольку из Спитхеды подошло подкрепление. Блокада с успехом продолжалась, но для утоления жажды славы, охватившей британскую публику, Немиру нечего было предложить, за исключением символической стрельбы у Ханко.

Однако 21 июля все же произошел огневой контакт с русскими. Капитан Уильям Холл, возглавлявший небольшую эскадру из трех паровых судов — «Гекла», «Один» и «Доблестный», получил приказ занять позицию вблизи Бомарзунда и наблюдать за передвижением русских кораблей. Эта мощная крепость, расположенная в Ботническом заливе между Швецией и Финляндией, имела ключевое значение для защиты Финляндии, которая в то время была российской провинцией. Укрепления Бомарзунда включали в себя три круглые башни

и цитадель с толстыми кирпичными стенами, облицованными огромными гранитными блоками. Строительство крепости шло уже двадцать два года и близилось к завершению. Гарнизон Бомарзунда насчитывал 2200 человек и располагал 66 пушками, которые держали под прицелом гавань.

Простояв несколько дней на якоре и умудрившись залучить к себе опытного лоцмана, нетерпеливый Холл решил, что ему надоело безделье. Искусно маневрируя, он провел свои суда по мелководу и приблизился к крепости на расстояние выстрела своих орудий, оставаясь вне досягаемости для большинства русских пушек. В течение последующих восьми часов корабли Холла обстреливали Бомарзунд, оставаясь почти неуязвимым. Лишь израсходовав боеприпасы, он велел своим судам отходить, весьма удовлетворенный результатом. На самом деле ущерб, причиненный крепости, оказался в основном косметическим — загорелось несколько крыш, но огонь не распространился из-за конструктивных особенностей укреплений. Четыре защитника Бомарзунда были убиты, пятнадцать — ранены, у англичан ранения получили пять человек. Позднее Непир строго отчитал Холла: «Если каждый капитан будет тратить все боеприпасы на обстрел каменных стен, флот очень скоро останется беспомощным». К выговору Непира присоединилось британское Адмиралтейство, осудив капитана не только за излишний расход снарядов, но и за то, что он напрасно подверг риску свои корабли. Николай же, напротив, остался весьма довольным действиями гарнизона Бомарзунда — защитники крепости проявили храбрость и заставили неприятеля уйти. Каждый из них получил серебряный рубль.

Впрочем, и английская публика, истомившаяся в ожидании настоящих сражений, с нескрываемой радостью встретила известие о поступке Холла. Особенных похвал удостоился подвиг гардемарина «Геклы» Чарльза Дэвиса Лукаса. Когда на верхнюю палубу его судна упал неразорвавшийся русский снаряд и прозвучал сигнал всем спрятаться в укрытие, двадцатилетний Лукас схватил шипящее

ядро, поднес его к борту и бросил вниз. Еще не коснувшись воды, снаряд разорвался, легко ранив двух моряков. В благодарность за этот поступок капитан Холл представил сообразительного юношу к званию лейтенанта, а по окончании войны Лукас удостоился аудиенции у королевы, которая наградила его — первого — только что учрежденным крестом Виктории. Службу Чарльз Лукас закончил в чине контр-адмирала.

К июню, когда британский флот продолжал стоять подле Свеаборга, до моряков добралась холера. Еще сильнее почувствовали на себе эту беду французы. Но, несмотря на это препятствие, союзники решили нанести удар по Кронштадту и 22 июня направились к этой стратегически чрезвычайно важной крепости. Через четыре дня они приблизились к своей цели и еще три дня посвятили разведке и наблюдению, результаты которых были обескураживающими. Во-первых, стало ясно, что силы русских превосходят объединенную эскадру по численности: двадцать два крупных боевых корабля против восемнадцати. К тому же на русских кораблях были команды, имевшие боевой опыт. Укрепления Кронштадта ошетинились мортирами и тяжелыми пушками. После обсуждения ситуации со старшими офицерами Непир пришел к выводу, что нападение на Кронштадт было бы чистым безумием даже без эпидемии холеры. Он отдал приказ отходить, и эскадра снова направилась к Свеаборгу.

Тем временем контр-адмирал Артур Корри оставался у Свеаборга во главе 16 британских и французских кораблей, выполняя приказ вести наблюдение за действиями русских и оборонительными сооружениями. Корри обнаружил огромное количество орудий в стратегических точках и произвел оценку численности гарнизона, которая, по его мнению, составляла около 8000 человек. Подходы к острову прикрывались бонными заграждениями и были заминированы так называемыми «адскими машинами». Свеаборг, доложил Корри главнокомандующему, невозможно взять без огромного риска.

К началу августа Непир получил подкрепление в виде 10000 французских солдат и моряков под командой гене-

рала Барагэ д'Илье. В Булони и Кале их посадили на британские транспортные суда, и после долгого тяжелого пути люди были в состоянии крайнего недовольства. По сути, прибывший отряд находился на грани мятежа. Главной причиной этого недовольства был рацион, принятый еще на английских галерах. У французов британская еда вызывала отвращение. Один из их старших офицеров докладывал: «Солдаты взяли в привычку жаловаться не переставая: шоколад то слишком крепкий, то слишком слабый*, суп пересолен, чай безвкусен... Я решил всех жалобщиков посадить на воду и сухари — это был единственный способ их образумить». Типично французский способ добиться желаемого — через желудок. Но способ подействовал, и дисциплина была восстановлена.

С прибытием этих свежих сил, а затем и тысячи английских военных инженеров и морских пехотинцев Непир почувствовал себя достаточно сильным, чтобы приступить к активным военным действиям против России, а поскольку Кронштадт и Свеаборг казались неприступными, он выбрал своей целью Бомарзунд. Проведенная без должной подготовки, атака капитана Холла не принесла защитникам заметного ущерба; теперь, решил адмирал, все будет иначе.

План был прост: расположить корабли таким образом, чтобы лишить русских возможности подтянуть подкрепления, затем высадить к северу и югу от крепости артиллерию и морских пехотинцев и осадить Бомарзунд, поддерживая высаженные войска огнем корабельных пушек. Все прошло согласно плану. Британские инженеры обеспечили действие французского десанта. Высадка состоялась 8 августа, осада началась через пять дней. Артиллерийский обстрел крепости союзники вели одновременно с суши и моря, при этом использовались и французские наземные шестнадцатифунтовые орудия, для установки которых на позиции потребовалось 150 человек. Продолжительный обстрел возымел действие, и на третий день

* Имеется в виду жидкий шоколад, то есть шоколадный напиток типа какао.

осады комендант крепости* приказал вывесить белый флаг. После взятия Бомарзунда не обошлось без мародерства. Кроме того, союзники взорвали церковь, предварительно сняв с нее часы и отправив их в Лондон. Чтобы разрушить гранитные стены крепости, возле них разжигали сильнейший огонь, а потом раскаленные камни поливали водой, в результате чего они трескались и распадались на куски. В плен попали 2225 русских офицеров и солдат, в том числе комендант Бомарзунда, и все они были перевезены в лагеря для интернированных в Англии и Франции.

Непир радовался успеху, британская публика восторженно аплодировала: Аландские острова были захвачены союзниками, которые наконец одержали первую крупную победу. Все были уверены, что война близится к концу.

По традиции того времени британский балтийский флот сопровождали частные яхты с богатыми любопытствующими наблюдателями. Днем эти «военные туристы» могли видеть, слышать и обонять сражение с безопасного расстояния. По вечерам в роскошных каютах и салонах они пили шампанское и вкушали изысканные блюда, приготовленные их поварами. (Не добившись от правительства официальной оценки такого поведения, Непир в знак протеста отказался от одного из высших орденов империи — ордена Бани.) Однако одно дело — издали наблюдать за боем, но совсем другое — находиться на месте сражения после его завершения. После падения Бомарзунда большинство этой публики высадилось на берег, чтобы осмотреть поле битвы. Увиденное потрясло и ужаснуло их. Преподобный Р. Хьюз из колледжа Магдалины Кембриджского университета был среди этих любознательных господ. В своем дневнике он написал, как сильно подействовал на него вид «холодных и безгласных мертвецов»:

* Автор называет только имя коменданта — Владимир. На самом деле гарнизоном Бомарзунда командовал полковник Яков Бодиско.

Я испытал страшное потрясение от этого неожиданного зрелища. Белые холщовые покровы застывших тел колыхались на ветру, словно движимые дыханием тех, кто уже не мог дышать. Что знали эти люди о «турецкой проблеме»? Но они сражались, они корчились в предсмертной агонии, а теперь их отцы и братья, матери и возлюбленные проливают по ним слезы — и все из-за Дунайских княжеств.

В начале сентября Непир и Парсеваль-Дешен получили приказ вывести флот из Балтийского моря и вернуться домой, самостоятельно выбрав для этого время. На совещании объединенного командования было единодушно решено, что близость зимы препятствует дальнейшим активным боевым операциям, а потому в этом году предпринять что-нибудь против Свеаборга без большого риска не представляется возможным. Надо было возвращаться, что французы и сделали без промедления.

Успех с Бомарзундом стал хорошим началом для того, чтобы утолить жажду славных побед, которой мучилась публика, но в стратегическом отношении он был не слишком значительным. Неутихающие призывы к решающему удару заставили правительство уступить, и вскоре Непир получил послание первого лорда Адмиралтейства сэра Джеймса Грехема, которым тот фактически отменял предыдущий приказ. Теперь Непиру приводили доводы, что все условия для нападения на Свеаборг созрели:

Нельзя забывать, что с началом осени русские линейные корабли всегда воздерживаются от плавания по Финскому заливу, а лед запирает Кронштадт двумя неделями раньше, чем Свеаборг. Поэтому нападение на Свеаборг было бы целесообразно произвести в конце октября... Окончательное решение на этот счет вам следует принять самостоятельно. Если операция против Свеаборга при сложившихся обстоятельствах не имеет перспективы, ее ни в коем случае не следует начинать. Если же после тщательной оценки возможностей неприятельских укреплений и флота у вас сложится мнение, что Свеаборг можно уничтожить, ваш долг в сотрудничестве с французским адмиралом не упустить этой возможности.

По существу, Адмиралтейство предписывало Непиру напасть на Свеаборг, но с оговоркой: окончательное решение возлагалось на командующего флотом. Сэр Чарльз был немало озадачен этим посланием, но его смятение только усилилось тремя днями позже, когда он получил еще одну депешу. На этот раз Адмиралтейство приказывало ему воздержаться от нападения на Свеаборг. Не удивительно, что разгневанный адмирал потерял терпение. Зима на Балтике наступает рано, погода уже портилась. Непир ответил лордам Адмиралтейства резким письмом:

Я сочту себя непригодным для занимаемого поста, если буду вынужден и далее подвергать суда жестоким бурям северных вод. Как лорды Адмиралтейства предписывали мне в письме от 23 сентября и подтвердили письмом от 26-го, я отдам приказ об отходе, когда по нашему общему с французским адмиралом мнению дальнейшее нахождение объединенного флота в этих водах станет небезопасным.

Тон писем, которыми обменивались Непир и первый лорд Адмиралтейства, становился все более раздражительным и менее почтительным, и в конце концов Грехем приказал адмиралу возвращаться. Непир привел свой флот в Спитхед 16 октября, а через два дня у него состоялась бурная встреча с Грехемом, вскоре после которой ему доставили короткий приказ: «По получении сего вам надлежит спустить свой флаг и сойти на берег». Так после 60 лет верной службы королевскому военно-морскому флоту Непир был отправлен в отставку.

На этом балтийская кампания первого года войны завершилась. Результаты ее были не слишком впечатляющими, если не считать разрушения Бомарзунда. Британское общество по-прежнему требовало славных побед. Тем не менее нельзя отрицать, что англо-французским силам успешно парализовали передвижение российских судов в первое военное лето. Николаю не удалось усилить черноморский флот, перебросив туда дополнительные корабли. Тридцатитысячная армия, расположенная в зоне Финского залива, не смогла присоединиться

к войскам, находящимся в Крыму. (Остается неизвестным, каков был бы исход Крымской войны, если бы это произошло.) Все это, вместе с точно спланированной и проведенной бомарзундской акцией, было достигнуто, несмотря на многочисленные проблемы с материальным обеспечением флота, эпидемию холеры и противоречивые распоряжения Адмиралтейства. В ходе балтийской кампании Британия не потеряла ни одного судна.

Совершенно очевидно, что Адмиралтейство сделало Непира козлом отпущения, отнеся на его счет неудачи балтийского похода. На него посыпалось множество обвинений: он якобы плохо владел тактикой использования паровых судов, подчиненные ему не доверяли, он был слишком робок и пристрастен к алкоголю, он, наконец, в свои 77 лет был слишком стар. Однако у сэра Чарльза нашлись и защитники, которые указывали на ошибочные действия самого Адмиралтейства — именно оно мелочным вмешательством мешало эффективному действию флота. И действительно, первая половина балтийской кампании велась хаотично.

На следующее лето британский флот вернулся в Финский залив, на этот раз им командовали контр-адмиралы Дандас и Пено. Им надлежало не только восстановить блокаду, но и взять и уничтожить Кронштадт. Флот из 38 кораблей включал в себя 20 винтовых судов и 4 фрегата, которые значительно превосходили русские силы. Однако за зиму укрепления Кронштадта были усилены, количество пушек в крепости увеличено. Подходы к цитадели защищали мины усовершенствованной конструкции. Хотя они и могли пробить насквозь толстый корпус бронированного корабля, их психологическое воздействие оказалось весьма ошутимым. Четыре британских корабля, осуществлявших разведывательную миссию, подорвались на этих минах и получили тяжелые повреждения. Подобно Непиру и Парсевалю, Дандас и Пено после оценки укреплений Кронштадта пришли к заключению, что взять Кронштадт можно только с непомерными потерями. Полагая штурм невозможным, они сочли за благо отвести флот.

Эскадра направилась к Свеаборгу, где успех казался более достижимым, и там 9 августа началось крупнейшее в этой кампании артиллерийское сражение. Войдя в створ крепости, союзный флот в течение двух дней выпустил по ней 20 000 снарядов, подвергаясь все это время ответному огню более тысячи орудий. Крепость защищалась стойко, и союзники вынуждены были отойти к входу в залив, где англо-французский флот оставался до начала декабря. Таким образом, эта глава Крымской войны закончилась ничем. Однако блокада Балтики успешно продолжалась.

Хотя выход в Северное море для русских был закрыт, для них оставался другой путь, хотя и менее вероятный, — через Белое море, обогнув северную оконечность Норвегии. Во время Второй мировой войны этот путь, пролежавший близ Северного полярного круга, получил название «маршрут мурманских конвоев».

На восточном берегу Белого моря в устье Северной Двины стоит портовый город Архангельск, который к середине XIX века был развивающимся и растущим торговым центром. Поскольку этот порт мог в принципе служить нуждам России в Крымской войне, союзники решили распространить свою блокаду и на эти северные воды. Три корабля под командованием капитана Эразмуса Омманея и два французских суда капитана Пьера Жильбера были посланы в Белое море, чтобы завершить план блокирования русского флота. В июле эта небольшая эскадра, состоящая из двух фрегатов и трех корветов (два из которых были паровыми) и имеющая в общей сложности 98 пушек, двинулась к цели вдоль норвежского побережья.

После короткой остановки в Хаммерфесте, где торговцы с готовностью бросились предлагать морякам свои услуги, союзники подошли к Архангельску и обнаружили, что город хорошо укреплен, а его гарнизон насчитывает 6000 человек. Не решившись нападать на Архангельск, эскадра двинулась к расположенным неподалеку Соловецким островам и обстреляла монастырь XV века и окружающие его строения. Истратив все боеприпасы, Омма-

ней потребовал капитуляции, но защитники монастыря это требование тут же отвергли. Не зная, что делать дальше, английские суда уплыли прочь. Во время короткого боя один англичанин был убит, пятеро — ранены. У русских потерь не было. Французы в этой акции не участвовали — их корабли не приближались к монастырю.

Так и не напав на Архангельск и испытав разочарование у Соловецких островов, эскадра союзников направилась к небольшому рыболовецкому порту Коле на берегу Баренцева моря недалеко от современного Мурманска. Ранним утром 24 августа городок подвергся обстрелу. У защитников Колы была лишь одна батарея и десяток ружей. Капитан 14-пушечного корвета «Миранда» Эдмунд Лайонс написал довольно простодушный отчет об этом нападении:

...пушки вскоре удалось подавить, а батарею сровнять с землей. Мы продолжали обстрел домов и защитных частоколов, но ружейные выстрелы в различных частях города не утихали. У меня не оставалось выбора, и город пришлось уничтожить. Мы подожгли его зажигательными снарядами, ветер раздул огонь, и вскоре пламя полыхало повсюду. В это время судно оказалось в сложном положении. Прилив потащил его к берегу вместе со станowymi якорями, и мы оказались менее чем в трехстах ярдах от охваченного огнем города. До нас долетали горящие обломки. Обливая водой такелаж и палубу, мы смогли избежать крупных неприятностей и, преодолев прилив, отойти от берега...

Это нападение не дало никаких результатов, если не считать, что было сожжено три четверти из 128 деревянных домов Колы и несколько пакгаузов. Впрочем, эту дыру в северной блокаде удалось залатать. Ввиду приближающейся зимы Омманей покинул субарктические воды и вернулся в Англию. До будущего года блокадный сезон на Балтийском и Белом морях можно было считать закончившимся.

В начале следующего лета в Белое море пришла новая эскадра союзников и блокада возобновилась, несмотря

на просьбу Швеции сделать исключение для торговых судов. За все время пребывания в этих водах англо-французского флота никаких сколько-нибудь важных событий там не произошло. Немногочисленные прибрежные поселения ущерба не претерпели, однако союзники все же сожгли около шестидесяти мелких торговых судов. К середине августа эскадра присоединилась к объединенному флоту на Балтике, а затем все корабли вернулись в свои порты, чем и закончилась кампания на севере России в 2900 километрах от крымского театра военных действий.

Глава 14 Первые действия в Крыму

Тем временем на Черном море эйфория, охватившая союзников после выхода из Варны, растаяла и началась рутинная повседневная жизнь в морском походе. Теперь война переносилась на территорию собственно России, но цель этой войны по-прежнему оставалась в тумане. Союзники знали, что направляются к Крыму, но не имели достаточных сведений ни о топографии полуострова, ни о возможностях его обороны. «Обычные, здравомыслящие, а то и капризные люди — люди, умудренные циничной мудростью лондонских клубов, — оказались насильно преображенными в искателей приключений, пристально вглядывающихся, подобно древним аргонавтам, в берега неведомой земли, достижению которой они посвятили свою жизнь. Толпясь на палубах, они до боли в глазах пытались разглядеть то неведомое, что их ожидало», — писал Кинглейк.

Впрочем, ближайшая цель похода была определена: высадиться у Евпатории в Каламитском заливе, к северо-западу от Севастополя, после чего проделать марш в пятьдесят километров до самого укрепленного города. По результатам разведки южного побережья, проведенной ранее, союзники согласились, что именно пологие берега Каламитского залива являются идеальным местом для высадки. Во время этой разведки-

вательной миссии «Карадок» в сопровождении двух линейных кораблей подошел так близко к Севастополю, что под явственно различимый звук церковных колоколов, призывающих прихожан на воскресную службу, адмирал Лайонс смог, приподняв шляпу, поприветствовать сидящего на лошади русского офицера. Все было спокойно и мирно, не чувствовалось никакого напряжения, и жители города занимались своими обычными делами, не обращая внимания на проходящие мимо военные суда.

К полудню 13 сентября британский флот подошел к Евпатории, расположенной на западном побережье Крыма. Этот крупный полуостров неправильной формы по площади (70 000 кв. км) почти равен Бельгии. Юго-восточная часть побережья гориста, но юго-западный берег, где высаживались союзники, представляет собой невысокую холмистую местность. Внутренняя часть полуострова, куда союзники так и не попали, — это в основном полузасушливая степь.

Люди, пытающиеся с палубы «разглядеть то неведомое, что их ожидало», увидели лишь дорогу, идущую вдоль берега, по которой неторопливо ехала запряженная лошадь телега да во весь опор скакал всадник, причем ни кучеру, ни всаднику, по-видимому, не было дела до приближающейся огромной армады. Ни войск, ни пушек — благодатная тишина и покой морского побережья. Командир высадившегося в Евпатории передового отряда встретился с главой города, который оказался законченным бюрократам. «Здесьшний градоначальник, или как его там называть, оказался весьма дисциплинированной личностью. Его глазам предстал вооруженный флот союзников и бесчисленные транспортные суда с войсками. Всей этой силе он мог противопоставить только одно: правила и установления, сообразно которым он исполняет свои обязанности. Однако для него эти установления казались вполне достаточными, и на них он полностью полагался», — писал полковник Стил о своей встрече с русским чиновником. Полковник с помощью переводчика объяснил, что союзники собираются произвести высадку имен-

но в этом месте. Градоначальник ответил, что «они, разумеется, могут это сделать», но указал, что в соответствии со строгими санитарными правилами все прибывшие обязаны провести определенное время в карантине, прежде чем получат разрешение двигаться дальше. Он выразил сожаление за это неудобство, но, в конце концов, порядок есть порядок.

Пренебрегая карантинном, союзные войска высадились и заняли Евпаторию. Кроме горсточки чиновников, русских в городе оказалось очень мало. Населяли Евпаторию в основном татары, которые уже через несколько дней с готовностью предлагали англичанам и французам самые разные свежие продукты. Однако торговлю тормозило отсутствие у союзников русских денег. Незнакомые местным жителям британские соверены вызывали подозрение. Планируя кампанию, служба обеспечения не учла этого обстоятельства. К счастью, один из сопровождающих армию «военных туристов» выказал большую предусмотрительность: на борту яхты сэра Эдварда Коулбрука оказался неплохой запас русских золотых рублей, которые сэр Эдвард приобрел в Константинополе, и главный интендант, рассыпавшись в благодарностях, одолжил у него эти деньги.

К концу дня к британцам присоединились французы и турки, и теперь в заливе стояла вся объединенная армада, вытянувшись в линию, параллельную берегу: французские и турецкие суда к югу от города, английские — к северу. На следующее утро море было тихим, а небо ясным. Началась высадка, которая завершилась к вечеру 18 сентября, прерываясь только глубокой ночью из-за темноты или во время внезапного волнения в заливе. Отсутствие неприятеля и хорошая погода благоприятствовали операции, несмотря на то что холера по-прежнему давала о себе знать, поражая и солдат, и моряков. Например, из 985 человек, составлявших экипаж «Британии», эта болезнь погубила 139 моряков. В это же время в Скутари в отвратительных условиях лежали сотни больных — Флоренс Найтингейл приедет к ним и облегчит их страдания только через два месяца.

Первый высадившийся отряд получил приказ занять позицию на вершине холма, с которого просматривался весь залив. Но тут сказалась непривычная для прибывших дневная жара, которая собрала свою печальную жатву. «Многих из тех, кто не далее как нынешним утром бодро взбирались на холм, теперь их товарищи несли вниз на носилках, набросив сверху одеяло. Те, чьи лица оставались открытыми, были живы, тела с закрытыми лицами принадлежали умершим. У подножья холма уже рыли могилы», — писал Кинглейк.

Если не принимать в расчет этой печальной картины, дни проходили почти в праздничной атмосфере, все выказывало «незаурядное рвение». Наконец-то люди покинули надоевшие им суда, позади осталась отвратительная качка, они могли размять мышцы, и — главное — их ожидала долгожданная встреча с неприятелем. «Все трудились с подъемом, к солдатам проявляли особую заботу. Моряки знали, как важно для здоровья и хорошего самочувствия солдата оказаться на берегу сухим, а потому поднимали людей и передавали друг другу с особой старательностью, почти с нежностью, но вместе с тем и весело, со смехом и шутками. Еще бы не смеяться при виде того, как какой-нибудь верзила из 42-го полка шотландцев словно девица опирается на руки моряков, чтобы с их помощью спрыгнуть на берег в развевающемся килте», — пишет тот же Кинглейк.

Правда, когда читаешь сопровождаемое рисунками описание высадки, присланное в «Таймс» Уильямом Расселом, довольно трудно себе представить, как этот шотландский стрелок или любой другой солдат мог «спрыгнуть» на берег в своей неуклюжей амуниции:

Гичка или гребной катер с восемью или двенадцатью моряками... подходили к пароходу или транспорту, на котором находились готовые к высадке люди. Первыми спускались офицеры каждой роты, все в полном обмундировании. За плечами — ранец, содержащий четыре с половиной фунта солонины и примерно того же веса сухари (рацион на три дня). Кроме того, каждый офицер имел при себе шинель,

свернутую валиком и обнимающую его словно обруч, деревянную флягу с водой, небольшой запас бренди или рома, смену нижнего белья, пилотку и, как правило, револьвер. Каждый рядовой нес одеяло и шинель, уложенные и перетянутые ремнем наподобие ранца, в который помещались пара башмаков, пара носок, рубаша и, по его желанию, пилотка. Он также нес флягу для воды и тот же рацион продуктов, что офицеры, но еще ружейный замок, штык, патронную коробку с пятьюдесятью зарядами для винтовки Минье и шестьюдесятью зарядами для гладкоствольного ружья.

В первую ночь высадки прошел сильный и продолжительный дождь, доставивший англичанам немало неприятностей из-за отсутствия палаток. «Наши молодые солдаты начали эту кампанию, лежа в лужах и грязи под насквозь промокшими одеялами», — сообщал Рассел. (Сэр Джордж Браун спал под повозкой, а герцог Кембриджский, не надеясь заснуть, провел всю ночь на коне, разъезжая, без усталости подбадривая солдат шутками.) В то же время французы оказались экипированы лучше. Каждый солдат имел при себе легкую палатку (англичане называли ее собачьей), в которой он мог укрыться от дождя.

На следующий день погода улучшилась и высадка продолжалась, несмотря на волнение на море. Один из очевидцев, наблюдавший за происходящим с борта «Гималаев», вспоминал: «Берег представлял собой огромный лагерь, забитый солдатами, лошадьми, палатками, офицерами, а у самой воды — лодками, которые перевозили людей и лошадей. Иногда лошади падали за борт и плыли... Сегодня одиннадцать из них утонули».

К концу пятого дня высадка в основном завершилась. Численность высадившейся армии составляла 67 000 пехоты, 1200 кавалерии и 137 пушек. Две трети этого количества составляли англичане, одну треть — французы и турки. Наземные средства транспорта, которые они привезли с собой, а также запас боеприпасов, снаряжения и продовольствия, пока оставались на борту. Все прошло глад-

ко, не было сделано ни единого выстрела, ни один человек не погиб. Марш на Севастополь, по общему мнению, не займет много времени.

Весьма успешно выполнили свою задачу турки. Погрузка и высадка были для них привычным делом: они обладали преимуществом перед англичанами и французами, поскольку были лучше знакомы с условиями походной жизни. Когда наутро после проливного дождя британские офицеры явились к командиру турецкого отряда, их встретили наилучшим образом. Впечатляющий шатер командира стоял в окружении безупречно натянутых палаток, часть лошадей паслась, другая ожидала под седлами в полной готовности. В шатре, где гостям предложили печенье, сласти, кофе и трубки, было совершенно сухо. «Весь турецкий лагерь, — отмечает Кинглейк, — свидетельствовал, что походная жизнь воина с ее обычаями входит в традицию этого народа, которая существует издревле и передается от отца к сыну».

За все пять дней союзники не увидели ни одного русского, и сошедшие на берег солдаты, чьим страстным желанием было «задать этим русским перцу», испытали некоторое разочарование. Впрочем, встреча с русскими войсками была не за горами, а предположения об их количестве колебались в очень широких пределах — от пятидесяти до ста тысяч. По мнению англичан, только севастопольский гарнизон насчитывал 75 000 человек. Но независимо от точной цифры справиться с ним окажется нелегко, ибо это были хорошо обученные, дисциплинированные и, главное, верные своему делу воины. Союзная армия начала движение к Севастополю 19 сентября под недовольное ворчание французов, которые были готовы сняться с места двумя днями ранее, как и турки, но им, как они считали, помешала «британская неповоротливость». Французский историк того времени С. Л. Базанкур писал: «Огромное количество войскового имущества очень сильно тормозило операцию». Пока колонны войск двигались на юг, флот неторопливо следовал параллельным курсом вдоль береговой линии, регулярно высылая вперед разведывательные отряды. Французы образовали

правый фланг армии, располагаясь ближе к морю, и двигались ромбовидными подразделениями с батальонами турок в центре каждого ромба. Англичане соответственно двигались справа, то есть дальше от берега. Кинглейк так описывал этот марш:

Так двигалась армия западных держав. Солнце светило ярко, как в хороший летний день в Англии, но с моря вдоль холмов задувал довольно крепкий ветер. Местность представляла собой холмистую степь — мечту кавалерии. Вокруг в изобилии росла трава, похожая на полынь; сокрушенная солдатскими сапогами, она наполняла воздух горьким ароматом. Для некоторых этот запах оказался нов, но для выходцев из западных графств был хорошо знаком — он уносил их в детство, к деревенским церквям. Они вспоминали букетики «мальчишеской любви», которые клали рядом с молитвенниками девушек перед воскресной службой.

С развевающимися флагами, под звуки оркестров и рокот барабанов огромная армия продвигалась вперед. Солнце безжалостно жалило нагруженных тяжелой амуницией людей, а вскоре дали о себе знать также холера и диарея. «Сказывалась мучительная усталость, разговоры прекратились — это был тяжкий труд... Еще не миновал первый час марша, а люди начали выпадать из рядов маршевой колонны. Некоторые оказались больны холерой, их лица потемнели, словно от удушья. Они падали на землю и корчились в судорогах, но, как правило, молча», — пишет Кинглейк. Возникло опасение, что неспособные продолжать движение могут попасть в плен, но, поскольку транспорта не хватало, их оставляли там, где они упали. Однако к вечеру, когда количество упавших заметно возросло, отношение к ним изменилось и были отряжены специальные команды, чтобы найти заболевших и обесилевших.

Возникла и еще одна проблема. «Любая армия шагает на своих желудках», — сказал как-то Наполеон Бонапарт. Накормить армию — это всегда было важнейшей интен-

дантской задачей при планировании любых военных операций, и марш союзных войск к Севастополю не стал исключением. Транспортные суда имели на борту ограниченное количество провизии, которого конечно же не хватало для питания армии в течение всего времени военных действий. Продовольствие следовало добывать на земле. Французы после высадки без промедления занялись этим делом: по окрестным селениям разъехались фуражиры, и вскоре во всей округе не осталось ничего съедобного. Иногда за продовольствие платили, но чаще его просто отнимали.

Для британцев эту проблему решали татары. Еще до того, как первые транспортные суда выгрузили людей на берег, лорд Раглан встретился с главами татарских поселений. «Они говорили с лордом почтительно, — пишет Кинглейк, — но без малейших признаков подобию-страстия... Спокойно и с достоинством они дали понять, что вторжение союзников не вызывает у них отторжения, но при этом и не выражали никакой радости по этому поводу и не демонстрировали особую приязнь. Похоже, эти люди понимали, что война есть война и она несет с собой определенные издержки, а потому они попросили переводчиков сказать, что готовы передать в распоряжение лорда Раглана то свое имущество, в котором нуждается английская армия». Это была дружественная встреча, и она оказалась весьма полезной: вскоре овощи и фрукты, овцы и крупный скот, а также фургоны и открытые повозки стали поступать в распоряжение британских войск. За несколько дней услужливые татары продали англичанам не только большое количество продовольствия, но и 350 фургонов с необходимым числом тяговых лошадей и верблюдов. Так было положено хорошее начало снабжению армии Раглана продовольствием и транспортными средствами.

А где-то неподалеку объединенную армию ожидали русские, точное количество которых по-прежнему оставалось неизвестным — предположительно около 75 000. Девятнадцатого сентября, вскоре после полудня, первые подразделения огромной военной машины достигли

Булганак — он назывался рекой, но представлял собой скорее ручей. До той поры союзники не встречали русских, если не считать пары всадников, посланных, очевидно, на разведку. Но теперь лорду Кардигану доложили, что разезды его Бригады легкой кавалерии обнаружили 2000 казаков в полной боевой готовности, которые заняли позицию на южном берегу Булганака. Попытка внимательнее изучить ситуацию закончилась перестрелкой, не принесшей вреда ни одной из сторон. В тот момент, когда кавалерия Кардигана уже собиралась атаковать неприятеля, лорд Раглан обнаружил блеск штыков в тылу казаков и значительное скопление кавалерии. Русский отряд, на который намеревалась напасть Бригада легкой кавалерии, оказался гораздо многочисленнее, чем 2000 казаков, и Раглан отменил атаку. Когда кавалеристы Кардигана уже поворачивали лошадей во исполнение последнего приказа, их обстреляла русская артиллерия. Два человека были ранены, пять лошадей — убиты. Британцы ответили огнем девятифунтовых пушек, и русские сочли за благо отступить. Таким стало не очень значительное, но первое реальное столкновение с противником в Крыму.

В ту ночь союзники расположились на северном берегу Булганака, на виду неприятеля. А в лагере русских в эту ночь не спал капитан Р. А. Ходасевич. Вот что он пишет в своих воспоминаниях:

С наступлением темноты мы могли ясно видеть костры противника... Я лежал в своей хижине, пытаюсь заснуть, но сон не шел, несмотря на крайнюю усталость от событий прошедшего дня. В три часа я встал... и поднялся на холм (наш батальон стоял в ложбине), чтобы рассмотреть лагерь союзных войск. Видны были лишь костры да редкие темные тени, когда кто-то проходил по эту сторону от огня. Повисла тишина, но в воздухе чувствовалось приближение схватки. Я видел две силы, стоявшие так близко друг против друга. Для скольких людей и для кого именно завтрашний день станет последним? Ответить на этот вопрос невозможно, но я невольно спрашиваю себя: окажусь ли и я в их числе?

Разумеется, этот русский офицер был не одинок в своих размышлениях. Можно представить себе тысячи изнуренных людей по обе стороны этой реки, которые не могут уснуть этой тихой сентябрьской ночью и терзают себя вопросом: «Окажусь ли я в числе убитых?» Они пришли сюда из Лиона и Константинополя, из Лондона и Смоленска; они оставили своих близких в Марселе и Ньюкасле, в Москве и Скутари. Этой ночью девятнадцатого сентября их всех осеняет одно мирное звездное крымское небо. А с рассветом начнется новый день, и для многих — для тысяч и тысяч — из них он может стать последним.

Но с рассветом выяснилось, что русские ушли. Они оставили позицию у Булганака и переместились на шесть километров южнее, закрепившись на дальнем берегу Альмы. Возглавлял эти войска князь Меншиков — тот самый, который четыре месяца тому назад в гневе покинул Константинополь на борту «Громоносца». Из своей резиденции в Севастополе он следил за продвижением союзников, высадившихся в Каламитском заливе, но не предпринял никаких попыток воспрепятствовать ему. Он не исключал, что появление неприятеля настолько севернее города было какой-то уловкой. Если бы он двинул войска к Евпатории, чтобы предотвратить высадку, Севастополь стал бы более уязвим: паровые суда союзников могли передвигаться вдоль береговой линии значительно быстрее, чем русская армия, которая шла бы обратно на выручку Севастополя.

Пока союзники высаживались у Евпатории, русские закреплялись на южном берегу Альмы. К 20 сентября траншеи были выкопаны, артиллерийские позиции обустроены в стратегически важных точках. Вместе с подразделениями, подтянувшимися сюда с берега Булганака, численность русских войск достигла 39 000 человек, включая пехоту, кавалерию и казаков, плюс 104 орудия разных калибров.

Пятикилометровый фронт вдоль Альмы был, безусловно, сильным рубежом. Извилистая река текла с востока на запад, почти перпендикулярно береговой

линии и дороге, соединяющей север полуострова с Севастополем. Быстрое течение Альмы, по словам Раглана, все же не исключало возможности ее форсировать вброд. Берега реки были довольно сильно изрезаны и во многих местах круты. Ивы, росшие вдоль нее, русские срубили, чтобы те не послужили укрытием для наступающих.

С позиций союзников на их стороне реки просматривались три деревни: Альма-Тамак справа, Тарханлар слева и Бурлюк в центре — там был единственный мост через реку, но русские успели его частично разрушить. В непосредственной близости к берегу на стороне русских возвышались два холма — слева Курганный холм и в центре Телеграфная гора, с которой открывался вид на Бурлюк и дорогу к Севастополю. Справа, у самого устья Альмы, высокий (около 90 метров) берег круто обрывался к морю. На северной стороне реки земля была сравнительно плоской и ровной, если не считать низких каменных изгородей и виноградников, распложенных террасами. На стороне русских, напротив, холмы, ложбины и овраги создавали идеальные условия для оборонительных позиций.

Планируя оборону, Меншиков решил, что отвесные скалы у побережья неприступны, и расположил на своем левом фланге минимальные силы. Основную часть пехоты и артиллерии он разместил на склонах и вершинах Курганного холма и Телеграфной горы и между ними. Кроме того, были возведены два редута — Большой и Малый. Большой редут стоял у подножья Курганного холма в трехстах метрах от реки, а Малый, где размещались тяжелые орудия, — позади Большого и правее.

В половине одиннадцатого союзники наконец покинули свой лагерь у Булганака под недовольное ворчание Сент-Арно по поводу медлительности «этих господ англичан». Накануне оба командующих встретились, чтобы обсудить план нападения. Сент-Арно настаивал на том, что французы должны ударить со стороны моря при поддержке корабельной артиллерии и турецких частей. Его разведчики доложили, что крутизна склонов на пра-

вом фланге не является непреодолимым препятствием, тем более что этот фланг очень слабо защищен русскими. Маршал выразил уверенность, что его люди возьмут эти высоты. Он предложил англичанам наступать в центре и на левом фланге. Во время оживленной речи Сент-Арно лорд Раглан не проявлял какой-либо инициативы. «Он сидел с непроницаемым видом, иногда сдержанно улыбаясь, внимательно слушал, не оспаривал собеседника и не предлагал собственного плана», — писал Кинглейк. Таким образом, предложение Сент-Арно было принято, и Раглан заверил маршала, что тот может положиться на «решительные и энергичные действия» британцев.

Союзники подошли к Альме в одиннадцать сорок и заняли позицию на северном берегу. Им противостояли закрепившиеся русские войска: 39 000 человек и 126 пушек*, расположенных в стратегически выгодных точках. Армии Меншикова предстояло сражаться с вдвое превосходящим его силы неприятелем. «Русские офицеры, — пишет Кинглейк, — посвящали все время службы военным инспекциям, учениям и грандиозным смотрам, но теперь они видели перед собой ту самую силу, схватку с которой репетировали всю жизнь. Они видели европейскую армию, пришедшую сюда, чтобы сражаться, чтобы занять эти холмы и отнять у них жизнь». Несмотря на столь большую разницу в численности, русские не потеряли присутствия духа. «Господь не оставляет тех, на чьей стороне справедливость, и мы спокойно и терпеливо ожидаем исхода», — писал вице-адмирал Корнилов в своем дневнике накануне битвы.

В тринадцать двадцать пять объединенная эскадра из восьми французских паровых судов и одного британского открыла огонь по редким русским оборонительным позициям на приморских скалах. Кроме того, навесному артиллерийскому обстрелу подверглись Телеграфная гора и плоский участок земли у ее подножия. Через мгновение

* Расхождение с упомянутым выше числом пушек (104) допущено автором. Е. Тарле приводит другую цифру — 84.

ответный снаряд разорвался рядом с командным пунктом Раглана, после чего русская артиллерия приступила к интенсивному обстрелу британских войск по всему фронту. Так началось первое крупное сражение в Крыму — через три часа оно закончится. Закончится и ожидание своей участи для многих из тех, кто провел без сна предыдущую ночь, устремив взгляд в звездное крымское небо. За короткое время около 5000 человек были убиты в этом бою или умерли несколько позже от полученных ран.

После энергичного обстрела русских позиций корабельной артиллерией батальоны егерей и зуавов под командованием генералов Боске и Канробера при поддержке турок быстро оттеснили немногочисленных защитников левого фланга русских. Затем французам удалось перейти реку, однако попытка переправить тяжелые пушки оказалась безуспешной. Тем временем пехотные полки принца Наполеона попали под сильный огонь с Телеграфной горы и не смогли форсировать Альму.

В центре и на левом фланге союзников Джордж Браун и Джордж де Лейси-Ивенс выдвинули вперед артиллерию и при ее поддержке повели в наступление британскую пехоту, оставив кавалерию лорда Лукана в резерве. Цепь красных мундиров растянулась на значительное расстояние, но двигалась четко и стройно, как на параде. Очевидцы утверждали, что такого волнующего зрелища не было сорок лет — со времен битвы при Ватерлоо. Вот какое свидетельство оставил один русский офицер:

При виде всей этой неумолимо надвигающейся массы неприятельских войск наши сердца забились тревожной. Когда наша артиллерия, которая занимала весьма удобные позиции, открыла огонь, снаряды сначала не долетали до врага... По мере сокращения расстояния их разрывы стали проделывать бреши в рядах наступающих, но бреши эти тут же заполнялись, и неприятель продолжал движение вперед, словно

не ощущая потерь. Вскоре мы почувствовали на себе всю силу его ружейного огня.

Поскольку цепь наступающих англичан растянулась по уступам террас и подвергалась сильному встречному огню, упорядоченный строй довольно скоро распался. Дальнейшее движение приняло уже бесформенный характер. Определить принадлежность людей к той или иной части стало невозможным, поэтому все получили общий приказ — переправиться через реку и захватить Курганный холм. Сержант Тимоти Гоуинг из полка королевских стрелков вспоминает:

Мы бросились к реке и приготовились плыть, скинув ранцы и котелки. Кое-кто из парней утонул или словил картечь — а она сыпалась на нас градом, пока мы добирались до противоположного берега. Ружья и подсумки с патронами мы держали на голове, чтоб не замочить. Вода доходила до плеч. На тот берег пришлось карабкаться — он был крутой и скользкий, а как только вылезли, двинулись вверх по холму.

Решимость наступающих англичан поражала русских. Вот что писал генерал Онуфрий Квицинский*:

Несмотря на сильнейший артиллерийский и ружейный обстрел с нашей стороны, который прокладывал кровавые борозды в массе наступающих англичан, они смыкали ряды и с новой силой, поддержанные артиллерией, ведущей огонь

* Квицинский, Онуфрий Александрович (1794—1862) — русский генерал. Во время Крымской кампании командовал 17-й пехотной дивизией и особо отличился в сражении при Альме, где лично повел Владимирский полк в атаку, удерживая натиск целой дивизии англичан, но, оставленный без поддержки, принужден был начать отступление, был дважды ранен в руку и ногу и контужен.

из-за дымящихся развалин Бурлюка, двигались вперед. Преодолев реку, они оттеснили наших храбрых казанцев* и заставили наши полевые батареи, взяв пушки на передок, отступить.

Подполковник Сомерсет Калторп излагает английскую точку зрения на этот эпизод. Переправившись через Альму, насквозь промокшие британцы устремились вперед:

...штыками гоня перед собой русских. Но самое ужасное было впереди: как только они вышли из виноградников, картечь обрушилась на них с удвоенной силой. Несмотря на огромные потери, люди не дрогнули и открыли прицельный огонь по русским артиллеристам. Они продолжали наступать и вскоре добрались до вражеской батареи. Последовала рукопашная схватка. Русские бились с отменной храбростью, но наши парни показали ту британскую решимость, которая почти всегда преодолевает любые препятствия.

На короткое время солдаты 23-го полка захватили русскую пушку, но ее тут же отбили превосходящие силы русских. Свежий отряд русской пехоты пришел на помощь своим товарищам, и англичане, потеряв половину своей первоначальной численности, были вынуждены оставить свою добычу, уступив натиску получившего подкрепление противника. Но и тогда эти храбрецы не показали врагу свои спины, но продолжали вести меткий и результативный огонь и встречать штыками штыки русских.

Остановленные сильным огнем и отступившие англичане перестроились и предприняли вторую атаку на редут. С криками «Ура!» и «Вперед!» они устремились к вершине холма, встречаемые столь же плотным огнем защитников. Один эпизод рукопашной схватки, как пишет Кин-

* Имеются в виду солдаты Казанского полка.

глейк, особенно сильно вдохновил атакующих. «Юноша небольшого роста, похожий на ребенка, выбежал вперед со знаменем. Это был молодой Энстратер, который нес знамя Королевского уэльсского полка. Вчерашний школьник, он бежал все быстрее, увлекая за собой других. Достигнув редута, он воткнул древко в бруствер и остановился, чтобы перевести дыхание, по-прежнему сжимая знамя. В этот момент пуля поразила его насмерть, но его руки остались на древке и увлекли за собой символ полка — складки малинового шелка покрыли тело юноши». К упавшему Энстратеру подбежал другой солдат, Уильям Ивенс. Он подхватил упавшее знамя и высоко поднял его, как бы обозначая взятие Большого редута.

Уже упомянутый сержант Гоунг пишет: «Мы снова были на вершине холма и на этот раз захватили батареи... Неприятель бежал — высота была наша! С этого момента русские дрогнули и быстро отходили, преследуемые нашей немногочисленной кавалерией и артиллерийским огнем. Будь у нас хотя бы три-четыре тысячи кавалерии, им бы пришлось совсем несладко. Но они и так получили трепку, которой явно не ожидали».

Тем временем на правом фланге французы пребывали в замешательстве. К разочарованию генералов Сент-Арно не решался атаковать, заявляя, что его люди «оставили внизу свои ранцы». Впрочем, в конце концов войска Канробера и принца Наполеона соединились и их артиллерийский огонь обрушился на русские позиции на Телеграфной горе. Командующий русскими войсками на этом фланге был свидетелем развития событий на Курганном холме. Поскольку британцы одержали там победу, а русские отошли, он счел общее положение дел безнадежным и отдал приказ об отступлении. «Французы продолжали продвигаться вперед, и три расторопных солдата, опередив своих товарищей, поспешили поднять над холмом знамена своих полков», — пишет Кинглейк.

Почти все время, пока шел бой на Курганном холме, кавалерия под командованием лорда Лукана провела

на левом фланге в ожидании возможной атаки русской кавалерии, которая по численности превосходила английскую в четыре раза. Однако такой атаки не последовало — Меншиков словно бы забыл о наличии у него такой мощной силы. Наблюдая за драматическими событиями на Курганном холме и испытывая непреодолимое желание вмешаться в них, нетерпеливый Лукан по собственной инициативе, без приказа лорда Раглана, повел своих людей по западному склону холма, чтобы облегчить положение британской пехоты.

Водружение юным Энстратером знамени над Большим редутом и отход русских войск знаменовали собой конец битвы. Вступившей в схватку кавалерии Лукана оставалось только преследовать отступающего противника. Сержант Джордж Смит пишет:

С вершины холма нам открылась широкая долина. Вдали мы увидели отступавших русских, среди них — много отставших от основной массы. Мы организовали преследование, стараясь захватить пленных сколько возможно. Несколько человек удалось привести обратно, почти все они были невредимы. Один из них (поляк, не раненный) был, по-моему, рад, что его взяли в плен. Его пробитый пулей кивер я взял себе на память. Сержант Бонд, преследуя противника, получил удар штыком от пленника: тот сделал вид, что сдастся, а затем нанес ему рану самым подлым образом. Бонд хотел было зарубить его на месте, но подоспевший офицер велел ему пощадить негодяя. В этот момент показался отряд казаков, и наши ребята были вынуждены отступить, так что этот русский успел удрать. Удивительно, что Бонд стал единственным пострадавшим кавалеристом с нашей стороны. Мы даже ни одной лошади не потеряли. И это при том, что мы трижды подвергались орудийному обстрелу и один раз — ружейному.

Смерть и боль сопровождали трагическое отступление обессиливших и павших духом русских войск. Один из очевидцев писал:

Это скорбное зрелище могло свести с ума человека слабого и чувствительного. Невозможно было без сострадания видеть сотни изувеченных солдат, бредущих из последних сил за своими товарищами, едва не теряющих сознание, стенающих от мучительной боли при каждом шаге. Но — таковы неизбежные следствия войны. Некоторые солдаты получили несколько ран — их могло быть и шесть, и семь — в разные части тела. Как правило, это были пулевые ранения. Раны быстро воспалялись, в них попадала инфекция. Помимо прочего, люди невыносимо страдали от жажды, но воды не хватало, как не хватало врачей, фельдшеров, повозок. Раненым приходилось самим о себе заботиться — для перевязок им служили рубахи или оторванный подол мундира. Они молили о помощи проходящих мимо здоровых солдат...

Впрочем, одному пострадавшему русскому повезло значительно больше, чем этим отступающим к югу солдатам. Вот яркий эпизод, иллюстрирующий викторианские нравы на войне, в передаче подполковника Калторпа:

На отдаленном холме, уже занятом нашими войсками, был взят в плен русский генерал Шеканов. Когда туда прибыл лорд Раглан со своим штабом, генерал сидел на передке пушки капитана Вудхауза и выглядел вполне довольным собой. Он объяснил, что командовал одной из резервных бригад. Упав с лошади во время боя, генерал, будучи человеком пожилым, не смог сесть в седло без посторонней помощи, а поскольку все его люди стремительно отступали, он остался лежать на соломе до прихода наших артиллеристов, которые и взяли его в плен. Генерал сказал, что со стороны русских в сражении участвовали около 42 000 пехоты, от 80 до 90 пушек и 6 000 кавалерии и что они пришли драться с «людьми», а не «дьяволами». Завершил он свою речь, выразив надежду, что, поскольку он стар и практически безвреден, английский главнокомандующий отправит его в Севастополь или позволит присоединиться к своим товарищам.

Лорд Раглан ответил, что, хотя он не сможет выполнить эту просьбу, о генерале всячески позаботятся и выкажут ему полное уважение. А поскольку в лагере нельзя обеспечить достойные пленника условия содержания, его незамедлительно переправят на борт судна, где английский адмирал встретит русского генерала как подобает. Бедняга признался, что за всю жизнь ни разу не поднимался на корабль и вообще страдает водобоязнью в острой форме. Тем не менее в тот же вечер его перевезли на «Агамемнон», где сэр Эдмунд Лайонс разместил его наилучшим образом и обращался с ним как с другом.

Итак, первое крупное сражение в Крыму завершилось, и над Альмой воцарились тишина и покой. Два дня союзники хоронили убитых, оказывали помощь раненым и отдыхали. Калторп продолжает:

Поле битвы представляло собой ужасное зрелище. Повсюду лежали разорванные, изуродованные тела храбрецов — англичан, французов, русских, причем на каждого погибшего союзника приходилось трое русских. В тех местах, где бой был наиболее жарким, погибшие и умирающие лежали друг на друге. Стоны и крики страдальцев, мольбы о воде наполнили воздух и разрывали сердце. Лорд Раглан до поздней ночи раздавал распоряжения, касающиеся заботы о раненых. Один из двух его шатров был отдан для размещения больных и раненых офицеров. В уцелевших домах деревни Бурлюк развернули полевые лазареты, где без усталости трудились хирурги, выполняя свою ужасную и вместе с тем исполненную милосердия работу: их руки были в крови, на скользком от запекшейся крови полу валялись ампутированные конечности. Немыслимое количество раненых превосходило возможности этих людей, хотя они оставались на ногах всю ночь, не зная сна и отдыха. Некоторые врачи просто падали от изнеможения и какое-то время были не в силах продолжать свою работу. В первую ночь в лазареты доставили от 400 до 500 раненых, но они составляли лишь треть

пострадавших англичан. Кроме того, на пространстве, где шел бой, осталось лежать от 900 до 1000 раненых русских. Холера тоже не унималась и унесла жизни многих участников сражения.

Через два дня армия союзников продолжила движение к своей конечной цели — к Севастополю.

Глава 15 На Севастополь!

За двадцать лет до возникновения англо-французского союза один шотландец, любитель рискованных путешествий, приехал в Крым в качестве туриста. К тому времени Севастополь уже в течение многих лет был закрытым портом, куда не допускали европейцев. Однако подобное препятствие не могло остановить предприимчивого авантюриста, и господин Олифант не только сумел проникнуть в город, но и умудрился собрать сведения о его оборонительных возможностях. По возвращении домой Олифант опубликовал впечатления о своих путешествиях, уделив особое внимание Севастополю и снабдив это описание яркими деталями:

...но в одном нет ни малейшего сомнения: как бы хорошо ни был защищен Севастополь от нападения с моря, ничто не может воспрепятствовать какой-либо армии высадиться в нескольких милях южнее города в одной из шести подходящих бухт, расположенных на побережье между Севастополем и Херсонским мысом, и промаршировать прямо по главной улице, — если, конечно, эта армия окажется достаточно сильной, чтобы совладать с возможным противодействием русских на открытом пространстве. А взяв и разграбив город, можно сжечь и флот.

Когда проблема далеких святынь приобрела остроту, соображения Олифанта касательно уязвимости Севастополя обратили на себя внимание британского военного ведомства и разработчики стратегических планов стали рассматривать этот город в качестве возможного объекта нападения в случае войны. Возможности сбора более свежих сведений о защитных сооружениях города были невелики, но, похоже, к 1853 году особых изменений в обороне Севастополя со стороны суши не произошло. Перед отплытием из Англии лорд Раглан встречался с Олифантом и по результатам их беседы пришел к выводу, что нападать на Севастополь следует с юга.

Севастополь расположен на южной стороне залива шириной в полмили и длиной в четыре мили, при этом небольшое предместье распространяется и на противоположный берег. К тому времени, когда армия союзников приблизилась к городу, его защищали несколько крепостей, расположенных вдоль береговой линии, а также сеть редутов, земляных укреплений и батарей со стороны суши. На тринадцати батареях было установлено 611 орудий, в том числе тяжелых. Северная сторона залива была редконаселенной, но там находились три крупных оборонительных сооружения. Главное из них, Звездный форт*, располагалось в центре на холме и господствовало не только над заливом, но и над самим городом. В гавани стояли семь линейных кораблей, восемь фрегатов и двадцать других судов, совместно обладающих значительной огневой мощью**. Основанный семьдесятю годами ранее, Севастополь превратился в одну из трех наиболее сильных морских крепостей в Европе, наряду с Гибралтаром и Кронштадтом.

* Имеется в виду так называемое Северное укрепление, построенное на подходах к Севастопольской бухте в 1807–1811 годах под руководством инженера генерал-майора Гартинга.

** Е. Тарле приводит другие цифры: 14 линейных кораблей, 7 фрегатов, 1 корвет, 2 брига, а кроме всех этих парусных судов налицо было 11 пароходов.

После нескольких месяцев обсуждений и составления планов союзники наконец оказались у цели. Все предварительные операции были завершены. Настал момент истины. Со времени громкой победы при Альме прошло три дня, и за этот короткий срок Раглан и Сент-Арно дважды упустили блестящую возможность быстро завершить кампанию, да и всю войну.

Во-первых, вместо того, чтобы преследовать отступающего противника и уничтожить его, союзники промедлили два дня на месте сражения. Тем самым Меншиков получил возможность перегруппировать войска и увеличить севастопольской гарнизон — влившиеся в него 34 000 войск, пришедших от Альмы, значительно усилили оборону города и сыграли важную роль в последующие месяцы. Эта двухдневная задержка к тому же позволила защитникам Севастополя укрепить земляные оборонительные сооружения и увеличить количество пушек.

С чем же было связано это промедление? Французы и англичане возлагали вину друг на друга. «Британцы не готовы! — гневно восклицал Сент-Арно. — Они меня задерживают». Официальный летописец французской армии барон де Базанкур, который был очевидцем происходящего, писал:

Англичане, бесстрашные и неутомимые на поле боя, похоже, не понимали крайнюю опасность каждого дня, даже часа промедления при осуществлении военной операции. Они просто не желали спешить. «Мои потери были меньше, чем у англичан, — писал маршал Сент-Арно, — потому что я действовал быстрее. Мои люди бежали, а британцы — шли...» Английской армии не хватает гибкости и подвижности... 22-е стало еще одним потерянным днем.

Кинглейк утверждает противоположное: «Лорд Раглан стремился вперед и убеждал Сент-Арно поторопиться, но получил ответ, что немедленное выступление французов невозможно. Маршал снова сказал, что необходи-

мость вернуться на то место, где солдаты оставили свои ранцы [на берегу Альмы], не позволяет двигаться дальше». По словам Кинглейка, Сент-Арно также заявил, что «его люди устали и идти дальше не могут». Правда, возможно, заключается в том, что обе стороны повинны в этой задержке и отказе от преследования побежденного противника. Так или иначе, для союзников это было неудачей, русским же такое промедление дало преимущество.

Но к 24 сентября союзная армия проделала восемнадцатикилометровый марш от Альмы и теперь стояла на северных холмах, откуда открывался вид на Севастополь и Звездный форт. И вот тут-то союзники совершили вторую ошибку. Еще задолго до высадки у Евпатории Раглан и Сент-Арно договорились, что нападут на Севастополь с юга. Теперь же, оказавшись к северу от города и потеряв два дня, Раглан решил не медлить и высказался за немедленное наступление союзников с того места, где они находятся.

Сент-Арно не согласился и с жаром протестовал против изменения первоначального плана. По его мнению, атаковать следовало с юга. Русские укрепления с северной стороны значительно сильнее. В частности, его тревогу вызывал Звездный форт. Кроме того, союзникам стало известно, что русские затопили семь судов у входа в гавань, закрыв ее тем самым для англо-французского флота и лишив наступление с севера возможной поддержки корабельной артиллерии. После упорных пререканий Раглан уступил, и теперь их армию ожидал нелегкий переход длиной в 21 километр по местности, покрытой лесами и густыми зарослями кустарника, под палящим солнцем и при отсутствии сколько-нибудь надежных карт. Она окажется отсеченной от флота и лишится не только надежного снабжения, но и прикрытия корабельных пушек. Идя навстречу Сент-Арно, Раглан отчасти действовал из уважения к маршалу, здоровье которого находилось в весьма плачевном состоянии. Французский командующий быстро слабел, в этом не оставалось сомнения. «Вы видели Сент-Арно? Он умирает», — сказал Раг-

лан своему адъютанту, когда они покидали французский лагерь.

Отказ от наступления с севера стал стратегической ошибкой союзников, которая озадачила не только русских, но впоследствии и представителей самых разных слоев английского и французского общества. Годом позже «Таймс» обвинила Раглана в том, что он не проявил достаточной энергии и настойчивости, выступая за немедленный штурм Севастополя. Союзники преувеличили истинную крепость Звездного форта и других северных оборонительных сооружений. Стены, которые встревожили Сент-Арно своим основательным видом, были на самом деле сделаны из кирпича, положенного в три слоя. Сосредоточенного артиллерийского обстрела они бы не выдержали. Стены эти защищались всего лишь 198 пушками, в основном легкими и расположенными не лучшим образом.

Адмирала Корнилова, командовавшего русским флотом, удивил отказ союзников от нападения на город с севера: «Должно быть, Бог не оставил еще России. Конечно, если бы неприятель прямо после Альминской битвы пошел на Севастополь, то легко бы завладел им», — написал он в своем дневнике. А вот что писал барон Д. Е. Остен-Сакен: «Если бы неприятель действовал решительно, то и всей армии было бы недостаточно для защиты Севастополя, вовсе не приготовленного к принятию осады». Так была упущена еще одна возможность.

Когда союзники подошли к городу Балаклаве, Крымская кампания была в разгаре. В правительственных кабинетах и светских гостиных Лондона, Парижа и Константинополя царил уверенность, что конец уже близок. Общее настроение было радужным. Мало кто мог предположить, что осада города продлится почти год — точнее, триста сорок семь дней. За это время город шесть раз подвергся массированному артиллерийскому обстрелу и его жители и защитники пережили трудно выразимые страдания. Жаркие бои велись по периметру города на его окраинах. Названия этих мест — в их числе Балаклава, Инкер-

ман, Евпатория, Малахов курган — стали широко известны: они встречаются на страницах учебников и книг по истории, в песнях, стихах и литературных произведениях. Но Балаклаву вспоминают чаще всего.

Назвать Балаклаву городом было бы преувеличением. В описываемое время это поселение представляло собой цепочку домов, вытянувшуюся вдоль восточного берега бухты, окруженной довольно крутыми холмами. Самый крупный из этих холмов носил название горы Хиблак. Когда туда прибыли англичане, защита Балаклавы ограничивалась старым фортом на восточной стороне бухты. Мортира форта сделала выстрел в сторону приближающихся войск, и ядро ударило в землю почти у самых ног Раглана, не причинив, впрочем, ему вреда. Форт был быстро захвачен: его комендант сдался без сопротивления*.

Во время этой скоротечной операции британский флот занял позицию вблизи побережья, направив орудия на бухту. Балаклава теперь была под надежным контролем англичан. Однако ее бухта оказалась значительно меньше, чем позволяла предположить ненадежная примитивная карта, и союзный флот не мог в ней разместиться. Поэтому подошедший днем позже французский флот занял две другие бухты, немного западнее, — Камышовую и Казахскую. В результате такого расположения во время наступления на Севастополь французы заняли левый фланг, а британцы — центр и правый фланг, то есть самое горячее место этого кровавого побоища.

Тем временем состояние Сент-Арно стремительно ухудшалось и к 26 сентября стало критическим. С прибытием французской эскадры маршала перевезли на корабль «Бертолле», чтобы немедленно отправить в Константинополь и поместить в больницу, но через несколько часов после отплытия он скончался. Несколькими днями ранее

* По данным Е. Тарле, Балаклаву защищал греческий батальон (110 человек), который считал своим долгом отстреливаться, пока хватало снарядов. Сорок человек было убито.

Сент-Арно передал командование французскими войсками генералу Канроберу.

Разведка, обсуждение ее результатов и подготовка к наступлению заняли еще немало дней. Раглан настаивал на немедленных активных действиях, но Канробер возражал. Сначала, говорил он, следует правильно разместить батареи, а это требует возведения земляных укреплений. И Раглан снова уступил французам.

К 17 октября с момента высадки в Евпатории минул почти месяц. Поскольку союзники отказались от штурма с севера, русские поняли, что их наступления следует ожидать с юга, и стали поспешно укреплять эту часть города. Практически все жители Севастополя — солдаты, матросы и гражданское население — трудились не покладая рук днем и ночью, укрепляя существующие оборонительные сооружения и строя новые. Орудия и боеприпасы переместили с прибрежных позиций на новые места. Если в сентябре гарнизон города насчитывал 16 000 человек (в основном моряки и ополченцы и только один батальон регулярных войск), то к середине октября в Севастополь прибыли двенадцать батальонов с придунайских территорий, а также войска, вернувшиеся после сражения на Альме. Количество пушек на южных позициях увеличилось со 172 до 341, причем многие орудия были крупного калибра.

Наконец армия союзников была готова. Шестнадцатого октября войска получили приказ начать артиллерийский обстрел оборонительных позиций на следующее утро в шесть тридцать. Одновременно должны были заговорить пушки на кораблях. Однако, к всеобщему удивлению, русские перехватили инициативу и открыли огонь по союзникам в пять тридцать. Из-за проблем с общей координацией действий объединенный флот начал обстрел Севастополя на четыре часа позже, да и то впустую: французские суда оказались слишком далеко от цели и скоро прекратили стрельбу, а британские корабли, напротив, стояли чересчур близко к берегу и сами страдали от яростного пламени, а потому тоже прекратили огонь. Однако наземная артиллерия продолжала свое дело весь день,

и русские пушки успешно стреляли в ответ. Ближе к полудню русский снаряд попал в крупный пороховой склад. Раздался взрыв чудовищной силы, который не только уничтожил большой запас боеприпасов, но и вообще деморализовал артиллерийскую прислугу до такой степени, что французские пушки замолчали. «Свидетели этой страшной сцены испытали потрясение: огненный смерч в одно мгновение превратил полсотни людей в обугленные трупы или изувеченных беспомощных страдалцев», — писал Кинглейк. Французская артиллерия не возобновляла стрельбу до конца дня, огонь вели только британцы. К ночи эта кровавая дуэль завершилась — ни одна из сторон не получила преимущества. Так началась осада Севастополя.

На самом деле было бы правильнее считать 17 октября лишь преамбулой к дальнейшим событиям, поскольку на следующей неделе наступило затишье. За это время русский генерал Павел Липранди собрал в один кулак 25 пехотных батальонов, 34 эскадрона кавалерии и 78 пушек (всего 23 000 человек), и 25 октября в пять утра эта армия вошла в долины к северу от Балаклавы, где ее встретила двадцатитысячная армия союзников.

Битва развернулась в двух долинах, разделенных идущей с востока на запад дамбой, по которой проходила Воронцовская дорога, соединяющая Севастополь с материковой Россией, — именно по ней город снабжался всем необходимым. Северная и Южная долины, каждая примерно в два километра длиной, на западе упирались в крутую Сапун-гору, а с востока ограничивались высотой, которая получила название «холм Канробера». Вдоль северной и южной сторон Воронцовской дороги союзники воздвигли несколько редутов, на которых находились в основном турки и британская орудийная прислуга. Кавалерия союзников расположилась на южной стороне дороги. У подножья Сапун-горы стояли турецкие батальоны, а на ее вершине — войска генерала Боске.

Первоначальный успех сопутствовал русским. Они быстро захватили холм Канробера и находящиеся к северу от него стратегически важные высоты — Федюхины горы.

При этом наибольшие потери — 170 убитых из 500 — понесли турки. Уцелевшие турецкие солдаты в панике бросились бежать к Балаклаве с криками «Корабль! Корабль!». Бегство некоторых из этих несчастных было остановлено разъяренной женой сержанта шотландского Хайлендского полка, вооруженной увесистой палкой. Возмущенная очевидной трусостью турок, она действовала с похвальной энергией. Очевидец этой сцены из 2-го батальона герцога Кембриджского рассказал о ней Кинглейку: «Эта добрая христианка всю охаживала правоверных по спинам. Похоже, она думала, что эти турки не только повинны в бегстве с поля боя, но и хотят ограбить ее лагерь, так что ее удары были не просто выражением презрения к трусам, но и реальным и довольно жестоким наказанием. Одного дородного и на вид сильного турка она держала и лупила довольно долго». Таков был боевой дух «лагерных дам».

Кроме холма Канробера и Федюхиных гор русские захватили три из шести редутов. Утвердившись на взятых высотах, пехота Липранди начала медленное наступление на англо-турецкие позиции. В ответ лорд Лукан выдвинул Бригаду тяжелой кавалерии, чтобы встретить наступающих русских, а точнее — чтобы создать угрозу этой пехоте. Однако на русских эта угроза не произвела впечатления, и они продолжали движение вперед. Тогда Лукан повернул влево к Воронцовской дороге, чтобы помочь шотландским стрелкам сэра Колина Кемпбелла, занимавшим позицию у западного конца дамбы.

Тем временем, опасаясь удара по самой Балаклаве, Раглан приказал подразделениям герцога Кембриджского и сэра Джорджа Кэткарта двигаться в этом направлении на случай подхода свежих сил из Севастополя. Движение это началось не сразу, поскольку солдаты завтракали после ночи, проведенной в траншеях, так что приказ был выполнен с задержкой. С уходом этих частей западный фланг союзников был ослаблен: его защищала турецкая и британская пехота при практическом отсутствии артиллерии. Русские получили возможность прорвать эту оборону, и генерал Рыжов не замедлил ею воспользоваться.

Батальон гусар изготовился к атаке. Британский пехотный батальон должен был встретить натиск 400 всадников. При обычных обстоятельствах пехота, ожидающая атаки кавалерии, выстраивается компактным прямоугольником, чтобы встретить противника огнем по всей окружности. Однако в этом случае для такого построения у англичан было слишком мало людей. Атаку русских встретит цепь, «тонкая красная линия», как ее стали потом называть, имея в виду цвет мундиров британской пехоты. «Помните, — обратился сэр Колин Кемпбелл к своим шотландцам, — уйти мы не можем. Мы должны умереть на этом месте». «Таймс» опубликовал репортаж Уильяма Рассела об этом бое:

Земля уносится из-под ног русских лошадей. Набирая скорость с каждой секундой, они мчатся к тонкой красной линии, ошестинившейся сталью. Турки дают залп с расстояния 800 ярдов и бегут. Русские подходят на 600 ярдов, красная шеренга опускается, и гремит залп винтовок Минье. Расстояние слишком велико, русские не замедляют движения — сквозь дым они несутся вперед во весь опор. Редкие ядра наших батарей вырывают из этой массы то одного, то другого всадника. Затаив дыхание в страшном напряжении, все ждут, когда эта волна разобьется о шотландскую скалу, но не успевают они приблизиться на 150 ярдов, как еще один залп несет смерть и ужас русским. Они поворачивают коней и несутся прочь еще быстрее, чем наступали.

Тем временем основные силы кавалерии Рыжова начали переходить через дамбу и Воронцовскую дорогу. Командир Бригады тяжелой кавалерии Джеймс Скарлет обнаруживает этот маневр и тут же бросает своих драгун навстречу русским. Не имея представления о силе противника, Скарлет разделяет своих людей на две колонны, приказывает трубить атаку и сам, несмотря на шестьдесят один год прожитой жизни, ведет в бой левофланговый эскадрон, бесстрашно врбаясь в самую середину русских гусар. Мастерство верховой езды отошло на второй план, уступив место мастерству владения клинком. Засверкали сабли,

и Скарлет рубился в общем строю, превосходя в этом деле многих молодых драгун. Вот как описывает этот бой сержант Генри Фрэнкс:

Кое-кто из русских был поражен тем, как владеют саблями наши люди. Несколько минут шел горячий бой, не было времени оглядеться. Мы все превратились в клубок бешеных безумцев, изо всех сил старающихся убить друг друга. Наши лошади, наше вооружение были тяжелее, и мы смогли пробиться сквозь неприятеля — противник стал уступать. Говоря словами господина Рассела, «наша бригада прошла сквозь русских как нож для разрезания бумаги».

Вскоре открыли огонь три английских орудия, чем решили судьбу этой яростной схватки. Сила и решительность натиска британской тяжелой кавалерии в сочетании с орудийным огнем сломили русских, которые отступили — правда, временно — в Северную долину. Бой, в который сломя голову бросился Скарлет, оказался столь же кратким, сколь и неожиданным, но его результат был ничтожным. Ни одна из сторон не захватила территорию или позицию противника. Убитых на месте было мало — как выяснилось, английские клинки были плохо наточены, но от ран пострадали многие, в том числе от тяжелых и смертельных. Сам Скарлет получил пять ран, а его адъютант — шестнадцать. Однако для британцев этот успех можно считать выдающимся: Скарлет повел в бой 800 драгун против 1600 русских гусар и победил, заставив врага отступить.

История Крымской войны знает замечательные примеры героизма, совершенного отдельными личностями — вспомним хотя бы гардемарина Лукаса с «Геклы». Были случаи и коллективного героизма, к которым можно отнести штурм французами Малахова кургана и самоотверженную защиту русскими Севастополя. Для англичан примером такого героизма была атака тяжелой кавалерии Скарлета под Балаклавой. Это была истинная победа, хотя она и не привела к непосредственным важным результатам.

Впрочем, история переменчива. И слава отважной атаки драгун побледнела в сравнении с атакой Бригады легкой кавалерии — без сомнения, самым прославленным эпизодом этой трагической войны. Когда тяжелая кавалерия бросилась вперед, лорд Кардиган наблюдал за ее действиями в прогал между двумя холмами, но не приложил каких-либо усилий, чтобы поддержать Скарлета. Его отряд из 675 кавалеристов не двинулся с места и когда русские гусары стали отступать. Раглан со своего командного пункта мог видеть всю картину — не только схватку драгун с гусарами, но и бездействие Кардигана. Во время короткого затишья он послал Лукану приказ занять территорию, освобожденную отступившими русскими: «Кавалерии выдвинуться вперед и приложить все усилия для захвата высот. Ее поддержит пехота, которой приказано наступать в двух направлениях». Лукан получил приказ, но не двинулся с места, предпочитая ждать прибытия обещанной пехоты — та, кстати, так и не появилась. Затем он переместил Бригаду легкой кавалерии ближе к Северной долине, откуда легче было оценить обстановку.

Русские во время той же передышки спокойно и без потерь завершили свой отход. Генерал Рыжов был приятно удивлен затишьем на поле боя. Он даже послал людей вывезти пушки, оставшиеся на ранее захваченных русскими редутах. Увидев это, Раглан разгневался — неприятель собирается уйти с трофеями — и приказал главному интенданту генералу Эйри написать новое распоряжение для Лукана. Генерал поспешно написал несколько строк на клочке бумаги, пристроив его на ножнах своей шпаги: «Лорд Раглан желает, чтобы кавалерия без задержки пошла во фронтовую атаку и попыталась воспрепятствовать неприятелю увезти орудия». Под запиской стояла подпись: Р. Эйри. Главный интендант вручил бумагу своему адъютанту капитану сэру Льюису Нолану, чтобы тот доставил ее адресату. Прежде чем Нолан ускакал, его поздравил к себе лорд Раглан и велел передать Лукану, что атаковать следует немедленно. Выбор посланца, с одной стороны, казался разумным — Нолан был отличным наездником, и если уж кто-нибудь мог быст-

ро добраться до Лукана, то лучше кандидатуры не придумать. С другой стороны, для передачи устных распоряжений Нолан вряд ли подходил: всем было известно, что он и к Лукану, и к Кардигану относится с нескрываемым презрением. Оба офицера вызывали в нем величайшее раздражение: одного он открыто называл «Лорд Наблюдатель», а другого — «Доблестный Яхтсмен».

Нолан спустился по крутому склону, умело управляя лошадьё, на полном скаку подлетел к Лукану и вручил ему измятую записку с указаниями Раглана. Лукан отнесся к полученной депеше с подозрением — в конце концов, она была подписана не Рагланом, а всего лишь Эйри, чей адъютант ее и доставил, а адъютант этот был, по мнению Лукана, чванливым ничтожеством, которому нельзя доверять. Лукан с подчеркнутой тщательностью изучал записку, и его медлительность все больше раздражала запыхавшегося и покрытого испариной Нолана, который стоял рядом и не скрывал своего нетерпения. Затем Лукан открыто высказал сомнение в целесообразности предпринимать столь опасную и, скорее всего, бессмысленную акцию, да еще без поддержки пехоты. Это переполнило чашу терпения Нолана, и он с негодованием воскликнул:

— Лорд Раглан приказал кавалерии атаковать немедленно!

— Атаковать, сэръ? — возмутился Лукан. — Но кого? И о каких орудиях идет речь?

— Вашего врага, милорд, вон он! — презрительно ответил Нолан. — И орудия тоже ваши! — С этими словами он неопределенно махнул рукой, но не в сторону дамбы, откуда русские вывозили пушки, а в направлении Северной долины, где под защитой стоящих на редуте орудий перестраивалась кавалерия генерала Рыжова.

Выведенный из себя дерзостью Нолана, Лукан, используя выражение одного историка, «неверной походкой заковылял» к Кардигану, чтобы приказать ему двинуть своих кавалеристов в атаку на позицию русских, до которой было около двух километров. Граф отсалютовал своего начальника и сказал: «Да, сэръ, конечно, но осмелюсь

обратить ваше внимание на то, что у русских в долине прямо по фронту установлена батарея, а также батареи и стрелки на обоих наших флангах». Лукан кивнул, соглашаясь со словами Кардигана, но при этом пожал плечами, как бы говоря, что тут ничего не поделаешь. В каждой войне может возникнуть положение, когда небольшая часть должна принести себя в жертву ради блага целого, и именно сейчас, по-видимому, наступил такой момент, да к тому же приказ есть приказ. Или, как писал Теннисон, «не дело его — размышлять, а на пушки идти умирать». Так была решена судьба Бригады легкой кавалерии.

Приподнявшись на стременах, лорд Кардиган воскликнул зычным хриплым голосом: «Бригада — к атаке!» Трубач протрубил сигналы: сначала «Шагом!», потом «Рысью!», потом «В галоп!» — и «из долины смерти уж не возвратит шесть сотен душ».

Под плотным артиллерийским и ружейным огнем они проскакали до конца долины за двадцать пять минут. И хотя ряды атакующих сильно поредели, кавалеристы с яростью бросились на редут, обратили в бегство оружейную прислугу и врезались в самую гущу русской конницы. Только тогда Кардиган понял, что неприятель значительно превосходит его бригаду числом и что продолжать атаку — это самоубийство в чистом виде. Ему ничего не оставалось, как скомандовать отступление: бригада должна была проделать тот же путь в обратном направлении. Вот что написал русский офицер, оказавшийся очевидцем этого эпизода:

Трудно, если вообще возможно, по достоинству оценить подвиг этих безумных всадников. Потеряв каждого четвертого и рискуя потерять еще больше, они стремительно перестроили свои эскадроны, чтобы вернуться по той же дороге, усеянной телами их убитых и умирающих товарищей. С отчаянным мужеством эти храбрецы двинулись в обратный путь, и ни один из них — даже раненный — не сдался.

Все это время французы с ужасом наблюдали за разворачивавшейся перед ними трагедией. *C'est magnifique, mais ce*

*n'est pas la guerre**, — сказал генерал Боске. А другой офицер добавил: *Je suis vieux! J'ai vu des batailles: mais ceci, est trop.*** Впрочем, африканские стрелки, располагавшиеся у подножия холма, двинулись вперед сквозь позиции русской пехоты к пушкам на западном склоне, которые вели столь убийственный огонь по британцам. Им удалось подавить эти орудия и тем самым в значительной степени облегчить отступление легкой кавалерии. Десятеро из этих храбрецов нашли там свою смерть, двадцать восемь получили ранения. Это была благородная жертва, принесенная французами ради своих союзников, но, к сожалению, малоизвестная.

Так закончилась эта близкая к безумию демонстрация доблести, героическая, но, увы, тщетная попытка захватить орудия — причем не те, которые имел в виду главнокомандующий, отдавая приказ. Атака Бригады легкой кавалерии стала легендой и, как это свойственно легендам, обросла вымыслами. Создалось впечатление, что из шестисот участников этой столь печально известной атаки уцелела лишь горстка всадников.

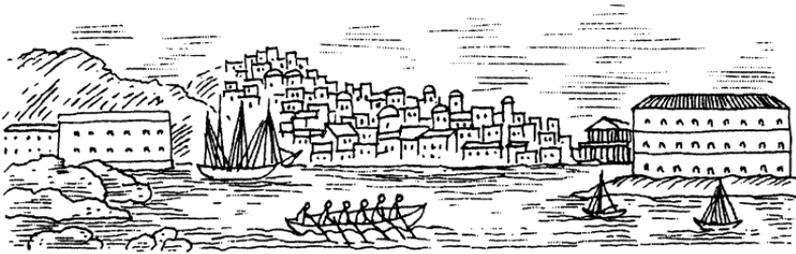
На самом деле все обстояло несколько иначе. В атаке приняло участие 673 человека, из них погибли 113 и получили ранения 134. Иными словами, бригада потеряла треть своего состава. Кроме того, были убиты 475 лошадей. Одним из тех, кто отделался легкими царапинами, был лорд Кардиган. Оказавшись после окончания боя среди своих окровавленных братьев по оружию, он сказал, как бы извиняясь: «Эту штуку придумал безумец, но здесь нет моей вины». На что услышал ответ: «Все хорошо, милорд. Мы готовы повторить». После чего лорд поскакал к берегу, где его ждала яхта. Там он принял ванну, сменил мундир на удобный костюм и воздал должное обеду, приготовленному его французским поваром. Труды этого дня были завершены.

* Это великолепно, но это не война (*фр.*).

** Я стар, я повидал немало сражений, но это уж чересчур! (*фр.*).

Сражение под Балаклавой закончилось вничью. Русским не удалось отбить город, важный порт, через который союзники получали все необходимое, а союзники, в свою очередь, не смогли взять под контроль Воронцовскую дорогу, по которой осуществлялось снабжение Севастополя. Обе стороны получили временную передышку.

Глава 16 Первая зима

С середины сентября в Севастополь стали поступать подкрепления. После того как Австрия объявила о своем нейтралитете, верховное командование русской армии могло без опасений перебросить войска с берегов Дуная в Крым. Батальон за батальоном кружным маршрутом двигался к Севастополю и вливался в осажденную цитадель. К концу месяца в распоряжении Меншикова было 120 000 человек, то есть почти вдвое больше, чем общее число англичан и французов. На стороне альянса воевал и турецкий контингент, насчитывавший 11 000 человек, но он, по мнению британского командования, был бесполезен. Кинглейк писал: «Несмотря на кажущуюся способность турок участвовать в боевых операциях, было бы наивно считать их настоящей военной силой, эффективной частью армии союзников».

После сражения под Балаклавой прошло десять дней, и противоборствующие армии снова стояли лицом к лицу — на этот раз у Инкерманской горы, что находится к востоку от Севастополя неподалеку от устья Черной речки. В действительности это была не гора, а скорее обширное плато, испещренное острыми гребнями и оврагами, в центре которого возвышался двухсотметровый холм. Американский генерал Маккланан, посланный в Крым президентом Пирсом для наблюдения за военными действиями и оцен-

ки вооружения противников, заметил, что Ингерманская гора представляла собой «самое высокое место в окрестности, довольно удобное для защиты от атаки с любой стороны... Если бы русские могли ожидать нападения на Севастополь, то с их стороны было бы непростительной ошибкой не разместить на Инкермане постоянный гарнизон... Еще большей ошибкой со стороны союзников стал бы их отказ от возможности самим занять столь сильную позицию».

В действительности союзники все-таки расположились на этих высотах. Пятого ноября на рассвете под прикрытием плотного тумана на них двинулась тридцатитысячная русская армия. План был прост: обозначить ложную атаку на Балаклаву, которая связала бы силы французов и отвлекла их от британцев. Затем двумя колоннами — в центре и справа — наступать на Инкерманскую гору и сбросить англичан с холма вниз, на плато, где их встретит еще один русский отряд, чтобы совместными усилиями гнать неприятеля дальше — на юг или к морю. Ближайшая цель такой операции состояла не столько в разгроме врага, сколько в том, чтобы предотвратить или хотя бы задержать нападение непосредственно на Севастополь. Хотя этот город-крепость с каждым днем набирал силу, он все же, как полагали, еще не был в достаточной мере подготовлен к отражению совместной атаки англичан и французов — требовалось дополнительное время для укрепления оборонительных сооружений, строительства новых редутов и перемещения пушек.

В воскресном выпуске «Нью-Йорк таймс» за 5 ноября 1854 года опубликовано описание этого сражения английским офицером:

И началась беспримерная битва, во время которой были пролиты реки крови... Мы привыкли считать, что ни один враг не в силах противостоять британскому солдату, у которого в руках его излюбленный штык... Но в Инкерманском сражении наша атака не достигла цели — в отчаянных штыковых схватках сходились толпы солдат, нам пришлось скрестить

это оружие с русской пехотой, которая билась с беспримерным ожесточением и не отступала ни на шаг.

Описать это сражение невозможно. Оно изобилует примерами нечеловеческой отваги, кровопролитных рукопашных схваток, отчаянных бросков вперед — в овраги, ложбины, заросшие кустарником ложины, где бьющихся никто уже не видел... В конце концов мы все же вернули себе превосходство — батальоны русского царя уступили нашему напору, нашему натиску, великодушно поддержанному французской артиллерией. Никто, где бы он ни находился, не смог бы увидеть даже малый эпизод этого богатого событиями дня: дым, плотный туман и густая сетка дождя скрывали ход битвы; взор не проникал далее нескольких ярдов...

План русских был, по словам генерала Маккленана, «великолепен по замыслу, но при исполнении его возникли сложности». Генерал Павлов выдвинул свою колонну и повел наступление на правом фланге, а генерал Соймонов — в центре. О том, что потом случилось, также пишет Маккленан:

В приказе, полученном Соймоновым, выражение «слева от Килен-балки» означало «западнее». Соймонов же ошибочно интерпретировал его как «по левую руку» от него самого, а это привело к тому, что колонны двух генералов смешались и эффективность наступления пострадала, поскольку одновременно в бою могла быть задействована лишь часть каждой колонны.

Ложная атака для отвлечения французов не достигла цели. Генерал Боске наблюдал за армией князя Горчакова и быстро понял, что действия русских ограничивались артиллерийским обстрелом с дальнего расстояния — ни пехота, ни кавалерия не собирались его атаковать. А потому он остался на месте и перенес внимание на ближайшие позиции англичан. Оценив степень замешательства британской пехоты и ощутимый успех русских, Боске приказал своим двум резервным батальонам под-

держат англичан контратакой. Вот свидетельство очевидца:

Около 10 часов французские батареи обрушились на правое крыло русских. Три батальона стрелков Орлеанского полка двинулись вперед. Жажда схватиться с противником читалась на лицах солдат. К орлеанцам присоединился батальон арабских стрелков из Алжира. Звуки их труб перекрыли шум битвы. Увидев, как они ударили во фланг русских, мы поняли — победа за нами.

Жаркий бой не утихал, и ход сражения складывался в основном в пользу русских до тех пор, пока Боске не пришел на помощь британцам. Неразбериха на поле битвы весьма ярко описана генералом Эдвардом Хэмли:

Наше положение было близко к отчаянному. Полковники вели в бой небольшие группы и отряды, словно младшие офицеры, а капитаны дрались как рядовые. В этих схватках каждый был сам себе генералом. Враг наступал — и его надо было остановить. Поле сражения напоминало море, где огромные валы перекатывались в разных направлениях, отчего картина постоянно менялась. Если в одном месте неприятель получал отпор и пятился, то в другом он решительно продвигался вперед. Находиться не в гуще битвы, а переводить дух на гребне горы становилось еще более тяжким испытанием, чем схватка с врагом лицом к лицу, когда дело решает твоя сила, опыт и мужество и когда в солдате просыпается ярость, затмевающая чувство опасности и страх смерти.

Сражение длилось весь день и затихло в восемь вечера. «Русские в беспорядке бежали вниз, к долине, где дальнейшее преследование стало бы безумием, поскольку вся местность и все дороги там простреливались их артиллерией. Они оставили позади себя горы трупов», — заканчивает Хэмли.

Оценить Инкерманскую битву в деталях — нелегкая задача для историка (Кинглейк посвятил ей целый том и разделил описание на шесть периодов). Нам доста-

точно отметить, что эта битва не похожа ни на сражение при Альме, ни — что важнее — на балаклавское сражение. Если последнее представляло собой в первую очередь кавалерийский бой, схватки на саблях, то на Инкерманской горе основным действующим лицом был вооруженный штыком пехотинец. Если под Балаклавой себя покрыли славой в первую очередь британцы, то под Инкерманом героями дня стали французы. Балаклава закончилась с неопределенным результатом, исход Инкерманской битвы не вызывает сомнения. Наконец, потери обеих сторон под Балаклавой составили 1300 человек убитыми и ранеными, а жертвами инкерманского сражения стали 17 500 человек — это была, без сомнения, самая кровавая битва Крымской войны. Штабс-капитан Петр Алабин, адъютант генерала Павлова, так описал сцены отступления русских войск:

Я увидел страшную картину: вся балка была полна мертвыми и ранеными. Засевшие за камнями на противоположной стороне французы вели перестрелку с нашими. Офицеры пытались разобрать солдат по полкам, но усилия их были тщетны... Я пригнал дюжину повозок, установил их под акведуком и нагрузил ранеными. О скольких леденящих кровь сцен я стал свидетелем! Помощник лекаря Охотского полка Данилов перевязывал солдата под ближней ко мне скалой... когда французы опрокинули нас... и каждую минуту мы ждали, что они загонят нас в балку и отрежут путь к отступлению. Это было бы величайшей бедой!

Последний снаряд имел тягчайшие следствия. Лекаря и священники побежали, а за ними раненые, кто еще мог передвигаться. С ними был и солдат, которого только-только оперировали, отняли часть ноги...

Русские отступили, и союзники возликовали — победа была близка. Впрочем, на совете, который состоялся на следующий день, никто из высшего командования не питал иллюзий по поводу того, что их ожидает: долгая, изматывающая осада, которой никто не желал. Севастополь был готов к отражению первого массированного

артиллерийского обстрела, и русские продолжали накапливать силы. Инкерман показал, насколько уязвимым было положение союзников: оно стало еще хуже, поскольку из-за потерь численность боеспособных британских войск сократились до менее 15 000 человек. С этого момента армия Раглана превратилась в младшего партнера, а основная доля ответственности легла на плечи французского контингента, превосходящего англичан по численности.

Тем временем приближалась зима, а союзники располагались на открытых пространствах вокруг Севастополя, так что и с этой стороны возникла серьезная угроза. Зимы могут быть суровы даже в Крыму, хотя полуостров и расположен на 2600 километров южнее Москвы*. В 1812 году Наполеон Бонапарт, вынужденный отступить из России, заметил, что потерпел поражение от «генералов Января и Февраля». Что принесут с собой эти генералы в 1855 году? В церквях Севастополя вместе с дымом ладана к куполам возносились молитвы ко Всевышнему о даровании защитникам города самых жестоких морозов и о каре проклятым британцам и французам.

* * *

Союзники подошли к Севастополю еще 25 сентября, и с этого времени началась осада города длиною в год. А несколько раньше англо-французская артиллерия обменивалась выстрелами с русскими пушками в совершенно другой части мира — в северо-западной оконечности Тихого океана, удаленной от Крыма на 8500 километров.

За предшествующее десятилетие соперничество между Россией и Британией за господство в этой части земного шара достигло пика. Участие в этом соревновании принимали также Франция и США, хотя и в более скромных масштабах. В 1842 году Британия установила кон-

* Севастополь находится примерно на 11 градусов южнее Москвы, что составляет всего лишь около 1250 км.

троль над Гонконгом, и вскоре после этого граф Николай Муравьев, генерал-губернатор Восточной Сибири, возглавил военную экспедицию, имевшую целью захват китайской территории к северу от Амура. На этот шаг последовала весьма отрицательная реакция Англии, а когда Лондону стало известно о планах Санкт-Петербурга послать наделенную полномочиями делегацию к микадо Японии, чтобы убедить его открыть свою страну для торговли с Россией, тревога британского кабинета еще больше усилилась. Крымская война давала Британии превосходную возможность остановить русских и на Востоке.

Двадцать девятого августа англо-французская эскадра вошла в Авачинскую бухту на восточном побережье Камчатки. Шесть кораблей под командованием контр-адмиралов Дэвида Прайса и Огюста Депуанта прошли одиннадцать километров по Петропавловской губе и обнаружили там сорокачетырехпушечный фрегат «Аврору» и вооруженный транспортный корабль «Двину» в полной боевой готовности, которые загоразживали вход в гавань Петропавловска. Половина судовых пушек была снята с кораблей и размещена на береговых батареях, державших гавань под прицелом, а кроме того, ожидая нападения на город, русские успели возвести весьма основательные земляные укрепления. Гарнизон Петропавловска, усиленный моряками, насчитывал 1013 человек, в то время как на борту англо-французской эскадры находилось более 2000 человек. Союзники открыли огонь, который оказался не слишком убедительным. Напротив, ответная стрельба русских вынудила эскадру отступить. Адмиралы приняли решение вернуться на следующий день.

Наутро союзники вновь подошли к Петропавловску и в 10 часов начали обстрел, пытаясь подавить береговые батареи. Артиллерийская дуэль продолжалась около двух часов, когда произошло совершенно неожиданное событие. Примерно в полдень адмирал Прайс удалился в свою каюту и там покончил с собой. Решив, по-видимому, что Петропавловск значительно лучше защищен, чем он предполагал, и что данное им ранее обещание «расправиться с русскими фрегатами» останется невыполненным,

отчаявшийся адмирал выстрелил себе в сердце. Командование эскадрой перешло к Огюсту Депуанту, который приказал прекратить огонь и снова отойти от города. Вместо бесплодной бомбардировки он предпочел на следующий день высадить десант.

Тридцать первого высадка десанта состоялась, но русские провели успешную контратаку. В течение четырех дней союзники пытались взять верх, но защитники Петропавловска неизбежно отражали эти попытки. Однажды сильный отряд из 400 французов и 300 англичан сумел с большим трудом захватить высоту, но оказался в ловушке и отступил под снайперским огнем. Союзникам так и не удалось ничего добиться. В этой серии схваток русские потеряли 165 человек, а французы и англичане в общей сложности около 350. Пятого сентября адмирал Депуант приказал снять осаду с Петропавловска и эскадра покинула Авачинскую бухту. Французские суда взяли курс на Сан-Франциско, а британские — на Ванкувер. Русские заполнили церкви и вознесли благодарственные молитвы. Бог оказался на их стороне.

* * *

Окажется ли Всевышний на стороне защитников Севастополя? Битвы при Альме, Балаклаве и Инкермане не смогли остановить продвижение союзников — и вот они у порога Севастополя. Силы осажденных уменьшились за счет погибших, раненых, а также пострадавших от болезней и холода. Стало очевидным, что русские не смогут противостоять союзникам на открытом пространстве, если не получат подкрепления, а ждать такового в ближайшее время не приходилось. С берегов Дуная в Крым уже переместились значительные силы, и Паскевич не хотел рисковать, еще более ослабляя защиту придунайских земель. Требовала людей и война на Балтике, так что и оттуда не следовало ожидать помощи.

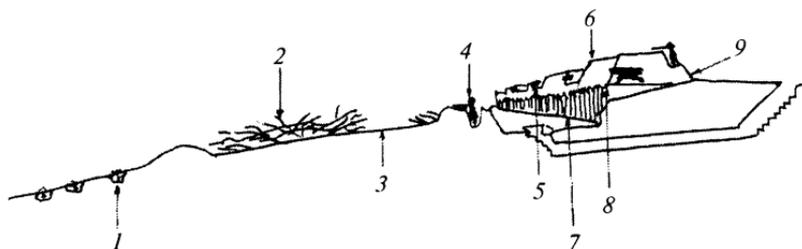
Союзникам стало ясно, что рассчитывать на быструю победу не приходится — их оценка сил и решимости противника оказалась ошибочной. Если в Варне все

представлялось ясным и определенным, то теперь конца войне не было видно, а моральный дух армии заметно ослаб. Англичане и французы испытывали те же трудности, что русские, но в большей степени. В ноябре на побережье разразился жестокий шторм с ураганом, и тридцать французских транспортных судов с полными трюмами груза потерпели крушение, в результате которого союзники потеряли огромное количество продовольствия и боеприпасов. Нехватка кормов для лошадей также привела к ослаблению местных транспортных возможностей: из Балаклавы к фронту грузы с большим трудом доставляли по тонущим в грязи дорогам. Англичанам и французам оставалось только постоянно и методично обстреливать город в надежде истощить силы защитников и выманить их за линию оборонительных сооружений. Кроме того, саперы вели подкопы и закладывали мины под валы и другие земляные укрепления. Сдача русскими города — лишь вопрос времени и терпения, считали союзники. Мало кто мог предположить, что от достижения цели их отделяют восемь долгих месяцев.

Со своей стороны русские старались истощить неприятеля как в физическом, так и в психологическом отношении. В ослабленном состоянии враг будет склонен заключить мир на приемлемых условиях. При этом защитники Севастополя не смогли оценить, в сколь тяжелом положении уже находится их противник. Знай Меншиков о плачевном состоянии дел у союзников, он думал бы не столько о защите, сколько о нападении на особенно уязвимое место в позициях альянса и, вполне возможно, обеспечил бы скорое и успешное для России завершение кампании. Но свершиться этому было не суждено, и обе стороны продолжали готовиться к осаде.

Слово «осада» в классическом смысле вызывает в воображении картину с мощными каменными стенами, оштенившимися стволами пушек и ружей. Враг эти стены терпеливо обстреливает, пробивает в них бреши, а потом штурмует. В Севастополе таких массивных каменных стен не было. Его окружали земляные оборонительные укрепления, усиленные камнями и бревнами, взятыми

с городских строений. На первый взгляд такие сооружения казались слабыми, однако их тщательно продуманная конструкция обеспечила им не меньшую эффективность, чем у крепостей Вобана*, знаменитого мастера фортификации при дворе Людовика XIV.

1 — фугасы; 2 — засека, завал; 3 — гласис; 4 — одиничный окоп; 5 — амбразуры; 6 — вал; 7 — палисад, частокол; 8 — берма; 9 — банкет, стрелковая ступень окопа

Приведенный выше рисунок иллюстрирует устройство защитного сооружения Тотлебена, которое строили сами солдаты, моряки и жители города. Сначала выкапывалась траншея глубиной в 2 метра. Извлеченная из траншеи земля укладывалась валом со стороны ожидаемой атаки. Палисад, или частокол из деревянных заостренных столбов, возводили перед валом, от которого его отделяла берма, или узкий проход, необходимый для производства ремонтных работ. С внутренней стороны вала находился банкет, или ступенька, на которой стоял стрелок. Стрелки могли также размещаться в одиночных окопах, вырытых перед траншеей. Между этими окопами и наступающим противником размещается гласис — пустое пространство, не дающее возможности укрыться тем атакующим, которые смогли преодолеть или обойти засеку — наваленные деревья и вбитые в землю заостренные колья. Гласис обычно имел в ширину 100 ярдов и нередко служил примитивным минным полем: на нем закладывали фугасы,

* Вобан, Себастьян Ле Претр де (1633—1707) — маркиз, военный инженер, маршал Франции.

то есть вырывались воронкообразные ямы, на дно которых насыпали камни. В нужный момент из одиночных окопов с помощью электрического разряда приводился в действие детонатор, и взрыв выбрасывал камни наружу, сея панику среди наступающих. Между фугасами раскладывали доски с торчащими наружу гвоздями. Пушки размещались на валу в амбразурах, при этом откосы вала укреплялись ивовыми габионами*, искусно сплетенными самими моряками. В таком укреплении размещалось достаточно людей, чтобы повреждения, полученные во время дневного обстрела, можно было за ночь ликвидировать. Не удивительно, что союзники испытали большие трудности, пытаясь прорваться сквозь эти основательные и способные к восстановлению оборонительные сооружения.

Тем временем положение в самом Севастополе стремительно ухудшалось. Обстрелы города, нескончаемые строительные работы, холод, нехватка продовольствия — все это давало о себе знать. Надежда на помощь таяла. «Командирами овладели вялость и апатия, — писал капитан Петр Лесли, — и, глядя на них, этой вялостью заражались другие. Пора бы уже закончить эту ужасную кровопролитную войну. С каждым часом она становится все более жестокой, а вызываемое ей чувство глубочайшего отвращения лишает человека сил. Если бы мне удалось вырваться из Севастополя, я бы с готовностью согласился отправиться в Сибирь на самые тяжелые работы — пусть даже до конца своих дней».

Вскоре после сражения на Альме в осажденный Севастополь прибыл молодой артиллерийский офицер, который в серии ярких очерков описал жизнь города и все им увиденное. Льву Толстому было в то время двадцать пять лет, и заметки, написанные им для задуманного самим автором журнала «Военный листок», впоследствии вышли под общим названием «Севастопольские рассказы». Особенно поразил Толстого героизм защитников Севастополя:

* Габионы — сетчатые конструкции, используемые для укрепления откосов насыпей.

Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», — и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «Умрем! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Как ни странно, союзникам не пришло в голову перекрыть доступ к городу с севера, чтобы отрезать его от снабжения. Поэтому продовольствие продолжало регулярно поступать в Севастополь, хотя и с немалыми трудностями. Его везли издалека на подводках, вечно нуждавшихся в ремонте, которые тянули изможденные от нехватки фуража лошади. Кучера нередко были больны, в том числе и холерой.

В первые зимние месяцы осада не сопровождалась сколько-нибудь заметными схватками. Однако в феврале Меншиков перешел к активным действиям, приказав генералу Врангелю* с двадцатитысячным отрядом (в него входили 600 греческих добровольцев) при 108 орудиях отобрать у союзников Евпаторию. Как раз перед этим в месте высадки союзников благополучно сошли на берег войска

* На самом деле русскими войсками в сражении под Евпаторией командовал генерал-лейтенант С. А. Хрулев. Генерал-адъютант Александр Евстафьевич Врангель (1804—1880), двоюродный дедушка П. Н. Врангеля, также принимал участие в Крымской войне, но больше известен как человек, пленивший Шамиля в 1859 году.

Омар-паши, прибывшие сюда с Дуная. Часть прибывшего подкрепления направилась на юг, остальные турки оставались в Евпатории. Вместе с турецкими войсками русским противостояли небольшие контингенты британцев и французов, к которым присоединились и местные татары, а также стоящие на рейде два французских фрегата с орудиями, наведенными на стратегически важные наземные точки.

Ночью 15 февраля польский дезертир сообщил Омар-паше о планируемой атаке, и турки успели подготовиться к встрече неприятеля. Утром началось наступление русских, которое через два дня закончилось для них сокрушительным поражением. Французские корабельные орудия почти немедленно подавили артиллерию нападавших, и Омар-паша легко отразил русскую пехоту, которая пыталась преодолеть глубокий заполненный водой ров и взобраться на валы оборонительных укреплений. На флангах атакующие пытались найти укрытие сначала на еврейском кладбище, а потом на русском (там могильные плиты давали неплохую защиту), но две сотни турецкой кавалерии обратили их в бегство. В результате атака захлебнулась и русские отошли от города.

К активным действиям Меншикова побудил сам Николай, и катастрофа под Евпаторией вызвала у императора чувство досады и глубочайшего разочарования. Особенно обидным было то обстоятельство, что это поражение русские потерпели от рук турок — тех самых турок, чья армия в его представлении значительно уступала организованной и дисциплинированной армии России. Меншикова отстранили от командования, на его место был назначен князь Горчаков. Вскоре после Евпаторийской битвы Николай заболел и 2 марта умер от «паралича легких», осложненного «сердечной слабостью». Так или иначе, но, по общему мнению, царь умер от глубокого чувства горечи. «Сердечная слабость, как мы знаем, — это телесный недуг, который нередко возникает в результате горестных переживаний... В этом случае он возник из чувства униженности, которое повлекло за собой глубокие душевные муки», — писал Кинглейк. Наследник трона Александр II,

правивший Россией с 1855 по 1881 год, взшел на престол и продолжал войну, начатую при его отце.

Официальный отчет русских о поражении под Евпаторией порадовал бы сердца современных пиарщиков:

...таким образом, главная цель нашего наступления не была достигнута. Евпатория осталась в руках неприятеля, но само наступление возымело благоприятные последствия. Оно заставило союзников постоянно быть настороже и в готовности к отражению других атакующих действий с нашей стороны. Именно такое опасение понудило их держать в Евпатории значительный гарнизон и оборудовать обширный укрепленный лагерь.

Получив назначение на пост главнокомандующего, Горчаков написал военному министру, что ему досталось ужасное наследство — армию могут окружить, отсечь ей пути отхода и уничтожить, если противник обладает здравым смыслом и решимостью. К счастью для него, впрочем, решимость у союзников отсутствовала и они продолжали действовать с минимальной эффективностью. Раглан и Канробер понимали, что их осада не герметична — город не отрезан от снабжения. Однако при сложившихся обстоятельствах, решили оба главнокомандующих, они ничего не могут с этим поделать и такое положение сохранится. К марту Наполеон почти полностью утратил доверие к Канроберу — он даже пригрозил, что сам отправится в Крым и примет командование армией. К великому облегчению французского военного министерства эта угроза не была воплощена в жизнь, однако император приказал перевести из Алжира на Черное море генерала Пелисье, чтобы в дальнейшем тот смог занять место Канробера, а также послал в Крым генерала Адольфа Ниль*, специалиста по ведению осады. Пелисье и Нил довольно быстро убедили военный совет в необходимости реорганизовать

* Ниль, Адольф (1802–1869) — французский генерал и политик, член Комиссии по фортификации, военный советник Наполеона III.

армию. К разочарованию Раглана французы принимали на себя ведущие роли в целом ряде точек, включая позиции напротив Малахова кургана и Малого редана. Разбро-санным силам британцев доставалась ограниченная роль — они отвечали за сектор перед Большим реданом. Кроме того, было принято решение переправить в Крым из Константинополя 12 000 египтян, находившихся в резерве, — их предполагали разместить в Евпатории, что позволит Омар-паше присоединиться к войскам, осаждавшим Севастополь.

Последнее решение особенно не понравилось Раглану, который считал турецкие войска ненадежными. По правде говоря, лорд вообще полагал, что пользу делу приносят в основном британцы. Даже французов он уважал не намного больше, чем турок, — по его мнению, французская армия уступала британской как в военном мастерстве, так и в мужестве. Несколькими неделями раньше Наполеон предложил лорду Каули, английскому послу в Париже, чтобы командование объединенным флотом союзников перешло к Британии, поскольку 80% этого флота составляли английские суда. Соответственно командование войсками на суше должно перейти к французам, доля которых в сухопутных силах составляет те же 80%. Идея французского императора была без промедления отклонена: британцы никогда не станут подчиняться французским генералам, каково бы ни было соотношение французских и английских сил. А когда пошли слухи, что Наполеон может лично возглавить действия войск в Крыму, предложенная императором схема управления армией стала еще менее приемлема. Достоинство и честь британской короны и престиж нации не должны претерпеть ущерба ни при каких обстоятельствах.

В апреле начался усиленный обстрел Севастополя — второй из шести. Он продолжался девять дней, и за это время союзники выпустили по городу 168 700 снарядов, на которые русские батареи ответили примерно половиной от этого количества выстрелов. Количество боеприпасов в городе заметно уменьшилось, и батареи были ограничены в своих возможностях вести ответный огонь.

Повреждения, полученные укреплениями днем, за ночь восстанавливались защитниками. Однако потери русских были очень велики: 6000 убитыми и ранеными, причем большая часть потерь приходилась на ночные отряды ремонтников. Толстой описывает свое посещение одного из госпиталей:

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой, с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благодетельным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...

Второй обстрел не привел к ожидаемому результату и оказался столь же неудачным, как и первый. Вот размышления одного из британских офицеров на этот счет:

Идет четвертый день второго обстрела, но мы не видим никаких успехов. Неприятель ведет уверенный ответный огонь. Никто из нас не испытывает ни малейшего оптимизма. Поговаривают о штурме, но я не думаю, что штурм возможен, если артиллерийский обстрел не даст желаемого результата, а в этом нет причин усомниться... Боюсь, пока Севастополь не изолирован от России, у нас ничего не получится.

Другой разочарованный участник событий, полковник Чарльз Уиндем, излагает более критическое видение не только артиллерийского обстрела города, но и действий командования в целом:

Недаром говорят, что война — это почти всегда цепь ошибок. Действия союзников с момента прибытия в эту страну представляют собой демонстрацию одной непрекращающейся глупости и некомпетентности... Мы уже четыре дня обстреливаем город, потеряли не одну сотню людей (260 британцев и 1500 французов), и все же если мы не перейдем после этого к штурму, да еще в нескольких местах, то города нам не взять. А если мы потеряем множество людей в этих атаках (что более чем вероятно), то принесем в жертву больше человеческих жизней и выбросим на ветер больше денег, чем когда-либо раньше, причем сделаем это без всякой пользы.

Во время этого — второго — обстрела Севастополя Наполеон III и императрица Евгения в сопровождении свиты гражданских и военных советников находились в Лондоне с официальным четырехдневным визитом, целью которого было не только укрепление англо-французского альянса, но и разработка совместной стратегии для Крымской кампании. Днем военный совет, состоявший из министров и генералов, собирался за столами, заваленными картами, схемами и донесениями с театра военных действий, а по вечерам самые знатные и важные из членов совета ужинали вместе с августейшими парами. Виктория посвящала все время императору Франции, которого до последнего времени считала обыкновенным выскочкой, — теперь же британская королева была им совершенно очарована.

У Виндзорского замка состоялся великолепный военный смотр — играли оркестры, раздавались громкие приветственные крики, Виктория и Евгения выглядели чрезвычайно впечатляюще и, судя по всему, были весьма довольны всем происходящим. Светлые платья их величеств дополнялись темными шарфами и вуалями, Виктория была в зеленой шляпке, а Евгения — в голубой. Вече-

ром королева устроила парадный ужин. На столе был золотой сервиз, слух приглашенных услаждал оркестр лейб-гвардии конного полка. После трапезы и программы развлечений высокие гости вернулись в Лондон на специальном поезде, который отправлялся от личного перрона королевы.

На следующий день в Гилдхолле — ратуше лондонского Сити — состоялся прием, на котором присутствовали 1200 человек, для чего был выстроен специальный павильон, украшенный девизом с надписью «Альма, Балаклава и Инкерман». Затем гости, сопровождаемые толпой герцогов, герцогинь, принцев, принцесс, придворных и свитских дам и господ и прочей знати, отправились в оперу слушать «Фиделио» Бетховена. Улицы Уэст-Энда были ярко освещены. Апрельский выпуск «Иллюстрейтед лондон ньюс» писал: «Иллюминация в честь монарших гостей была повсюду — некоторые улицы превратились в сплошное сиянье. Их императорские величества, направлявшиеся в Королевскую итальянскую оперу*, были весьма довольны этим великолепным приемом и приветственными возгласами толпы, которая издавала их с редким энтузиазмом».

Вот так. Пока те, на ком лежала вся тяжесть вины за развязывание войны, наслаждались парадными обедами, блестящими смотрами и фейерверками, вдали от дома ни в чем не повинные люди, которые должны были привести эту бессмысленную войну к завершению, страдали от изнуряющих болезней, голода и тяжелых ран, страдали — и умирали.

Однако заседания военного совета, состоявшиеся за эти четыре дня, оказались плодотворными. К их собственному удивлению, министры и генералы договорились о новой стратегии для осады Севастополя. С прибытием турецких подкреплений пути снабжения города продовольствием и боеприпасами должны быть перекрыты. После этого тщательно подготовленный штурм по трем направлени-

* Королевской итальянской оперой в то время называли Королевский оперный театр «Ковент-Гарден».

ям уничтожит русскую армию и город будет взят. Такая несложная наступательная стратегия могла бы и раньше принести успех, но командование союзников к ней не прибегало. Впрочем, и этот план ни к чему не привел — Раглан и Канробер не рассмотрели его достоинств, и ничто не могло понудить их прибегнуть к новой стратегии.

Пока продолжался государственный визит французского императора, союзники предприняли нападение на Керчь, расположенную в восточной части Крыма на берегу Азовского моря. Захватив этот слабо укрепленный порт, союзники отсекали Севастополь от снабжения по Дону. Предложение это исходило от Раглана и было одобрено Канробером с большой неохотой, поскольку французский командующий не хотел уменьшать численность осаждающих Севастополь войск на 9000 человек. Не успел флот покинуть гавань Балаклавы, как союзники получили известие о новом плане военного совета, переданное по недавно проложенному между Варной и Балаклавой телеграфному кабелю. Новая система связи теперь позволяла Парижу и Лондону более эффективно осуществлять управление удаленными от столиц операциями. Вдгонку отплывшим к Керчи кораблям было отправлено быстроходное судно с приказом вернуться.

Результатом этой путаницы стало дальнейшее ухудшение и отношений между французами и британцами. Кроме того, распоряжения для Канробера теперь поступали из Парижа по телеграфу, а британское военное ведомство по неизвестной причине продолжало пользоваться курьерской связью, и Раглан получал депеши из Лондона с двухнедельной задержкой. Канробер был готов согласиться на штурм по трем направлениям, но Раглан не желал действовать, не получив на этот счет указаний. Напряженность между двумя командующими становилась все более очевидной. Семнадцатого апреля Канробер попросил освободить его от должности, на что Наполеон с готовностью согласился. Командование французскими экспедиционными силами принял генерал Пелисье.

Через три недели к Керчи направилась вторая эскадра — Пелисье пошел навстречу желанию Раглана. Основ-

ную часть отряда составляли французы и турки, англичане играли в этой операции вспомогательную роль. Нападение на Керчь принесло успех — город был взят, что обеспечило союзникам полный контроль над Азовским морем. Вот краткое, но живое описание британским очевидцем захвата Керчи:

Французы бежали через виноградники и врывались в дома, откуда вскоре выходили, таща кур, гусей, зеркала, стулья, женские платья — любой скарб, полезный или нет, который попадался им под руку. Когда же они добрались до винных бочек, то вообще впали в неистовство и принялись палить из ружей по курам, свиньям, птицам... Беспорядок нарастал, толпа пьянела все сильнее, крики и вопли становились все яростнее, шум выстрелов и свист пуль слились в сплошной рев. Мне было ясно, что французская армия никому не подчиняется

Значение захвата Керчи состояло в том, что русским пришлось снять 30 000 человек с оборонительных позиций Севастополя для охраны оставшихся путей снабжения, особенно тех, что шли с севера. Это, разумеется, ослабило гарнизон города. В то же время союзники получили подкрепление — к ним присоединились 15 000 итальянцев под командованием генерала Альфонсо Ламармора. Шестью месяцами ранее честолюбивый премьер-министр Сардинии Камилло Кавур убедил короля Виктора-Эммануила II объявить войну России. Лукавый политик предвидел созыв послевоенной мирной конференции и хотел непременно оказаться за столом переговоров при неминуемом дележе территорий и переделе сфер влияния. С прибытием итальянцев общая численность союзников возросла до 225 000 человек, при этом на суше доминировали французы: на каждого британского солдата приходилось четыре французских (соотношение турок и англичан составляло два к одному).

К середине июня ключевая роль в операциях союзников перешла к Пелисье — в конце концов подавляющее большинство в армии союзников подчинялось непосред-

ственно французскому командующему. Раглан оказался в тени. В английском лагере царило уныние, и командующий британскими силами был подавлен. Ко всему прочему в английскую армию вернулись холера и дизентерия, и за неделю смертность в рядах британских войск возросла до 35 процентов. Холера не разбиралась в чинах и званиях, и среди заболевших оказался сам лорд Раглан, который к тому же страдал от жестокой диареи. После двух дней, проведенных в постели, престарелый фельдмаршал скончался. (Звание это он получил семью месяцами раньше.) Командование британскими войсками перешло к генералу Джеймсу Симпсону.

За одиннадцать недель, прошедших между смертью лорда Раглана и взятием Севастополя, на окраинах города произошло два важных сражения, о которых в британских исторических трудах упоминается лишь мимоходом. Шестнадцатого августа, пытаясь вернуть Федюхины горы, Горчаков атаковал Трактирный мост через Черную речку. В его распоряжении было 60 000 пехоты, артиллерия и донские казаки. Бой развернулся в том самом месте, где прежде шло сражение за Балаклаву, — тогда русские пушки поливали огнем Бригаду легкой кавалерии с тех высот, которые сейчас находились в руках союзников. Русским противостояли 25 000 французов, 15 000 сардинцев, 10 000 турок и двадцать четыре эскадрона британской тяжелой кавалерии. С самого начала многие русские высшие офицеры скептически отнеслись к плану операции. Полученные ими инструкции были туманны. Вот отрывок из воспоминаний одного из таких офицеров о кануне этого сражения:

Все имеющие боевой опыт генералы были твердо уверены, что грядущий день обернется катастрофой. «Генерал Рead предчувствовал свою смерть в завтрашнем бою», — сказал его ординарец. Услышав эти слова, полковник Скуюдери, командовавший Одесским полком, заметил: «У нас у всех такое

предчувствие. Запомните мои слова — многие из нас завтра погибнут, и я в их числе».

И следующий день действительно стал для русских днем тяжелого поражения. Плохо проработанный план сражения, включая двусмысленные указания командирам дивизий, решил дело в пользу союзников. Фрагмент из письма адъютанта Горчакова князя Сергея Оболенского, отправленного тестю после разгрома, вызывает в памяти приказы, полученные лордом Кардиганом перед началом знаменитой кавалерийской атаки на том же поле:

На рассвете главнокомандующий был в долине. Генерал Реад велел занявшей позиции артиллерии открыть огонь по Федюхиным горам. Несмотря на распоряжение не выдвигаться до особого указания, главнокомандующий послал своего адъютанта к генералу Реаду с приказом начинать дело. Когда адъютант передал этот приказ генералу Реаду, артиллерия уже вела обстрел. Генерал Реад решил, что полученный приказ имеет в виду начало атаки на Федюхинские горы силами пехоты. Генерал осведомился у адъютанта, правильно ли он понял смысл приказа главнокомандующего. Адъютант ответил, что не знает, но повторил приказ слово в слово: «начинать дело». Затем генерал Реад спросил начальника штаба генерала Веймарна, как тот понимает приказ. Веймарн ответил, что, по его мнению, им надлежит переправиться через реку.

Атака, контратака, кавалерия справа, кавалерия слева, артиллерия начинает бомбардировку, артиллерия умолкает... Битва началась в четыре ноль-ноль, продолжалась шесть часов и закончилась отступлением русских войск. Их потери были колоссальными — 8000 человек (2300 убитых, остальные — ранены или взяты в плен). Предчувствие не обмануло генерала Реада — он погиб в самом начале боя. Потери французов составили 1800 человек, сардинцев — 250 (в том числе всего лишь 14 убитыми). Доктор Томас Баззард, англичанин, служивший хирургом в турецкой армии, посетил место сражения, когда битва уже закончилась, и оставил воспоминания об увиденном:

По берегам акведука, по соединяющему их мосту, да и в самой воде под мостом лежали груды тел убитых и раненых русских солдат. Трактирный мост, более широкий, чем мост через акведук, был до такой степени завален трупами, что стал непроходимым. Мертвецы и раненые усеяли и берега реки, а вода в ней местами была красной от крови. Рядом с телами лежали ружья, сабли, штыки, каски, кивера, а также кресты и иконы. Шемящую жалость вызывал и вид буханок ржаного хлеба, разбросанных по земле или высовывающихся из ранцев, в которых измученные солдаты несли их во время долгого ночного перехода. Там и сям можно было видеть и бутылки.

На многих классических батальных полотнах, которые мне довелось видеть, убитые воины лежат на спине с лицом, обращенным к небу. Здесь же, на представшей моим глазам трагической картине, большинство мертвцов лежали лицом к земле. Смерть застала их, когда они шли вверх по склону холма, и уже не управляемое тело естественным образом падало в направлении движения.

Черная речка стала для русских поворотным пунктом во всей кампании. Это была последняя отчаянная попытка с помощью наступательной операции вне Севастополя заставить противника снять осаду. Атака двумя колоннами против пехоты, вооруженной винтовками Минье, обернулась неудачей. Русские получили горький урок, и, когда на следующий же день после побоища на Черной речке союзники начали очередную бомбардировку города, Горчаков приказал начать строительство моста через залив, чтобы соединить Южную сторону с Северной. Положение было настолько опасным, что эвакуация Севастополя становилась неизбежной.

Через две недели после битвы на Черной речке произошло последнее крупное сражение. Союзникам стало ясно, что для успешного штурма необходимо сначала овладеть плацдармом перед южной оконечностью города, а это, в свою очередь, требовало захвата Малахова кургана, Малого редана и Большого редана. Когда-то на вершине Малахова кургана стояла заметная издалека каменная

башня, но сейчас ее почти не было видно за возведенными в последнее время земляными укреплениями. Весь холм был превращен в огромное фортификационное сооружение с расположенной полукругом батареей и траншеями, которые связывали его с реданами и другими фланговыми укреплениями.

Восьмого сентября союзники начали наступление. В соответствии с общим планом двумя днями ранее началась новая бомбардировка города, в которой приняли участие 592 французских и 183 английских пушек. Горчаков чувствовал, что развязка близка и севастопольская трагедия близится к завершению. В разгар бомбардировки он написал императору:

Адский огонь, значительная часть которого — огонь ответный, с определенностью указывает, что противник намерен уничтожить нашу артиллерию и идти на штурм. Восстанавливать укрепления невозможно, лучшее, что можно предпринять, это постараться сохранить пороховые склады и укрытия. Обломки брустверов заполняют рвы, и амбразуры остаются открытыми. Потери среди оружейной прислуги очень велики и вряд ли восполнимы.

По плану французы должны были атаковать Малахов курган и Малый редан, а британцы — Большой редан, который ранее уже безуспешно штурмовали. Далеко не равномерное распределение ответственности, если учесть, что с французской стороны в операции участвовало 25 000 человек при поддержке 5000 сардинцев, а с британской — 3000, причем половина этого количества оставалась в резерве. Однако малая численность была не единственной слабостью англичан: им не удалось заблаговременно подготовить достаточную систему траншей, ведущих к редану, а потому атакующим приходилось бегом преодолевать около 200 метров открытого пространства. В то же время французские траншеи позволяли участникам штурма под прикрытием подобраться к самому основанию Малахова кургана. Один историк отмечал: «По всей вероятности, неудачу этой атаки вызвало в том числе

и непреодолимое отвращение британских солдат к работе лопатой».

Штурм был назначен на полдень. Такое отклонение от обычной практики, когда начало операций назначают на рассветные часы, было намеренным — обычно в это время русские обедают и меняют дозорных. Атака французов стала полной неожиданностью. Русские настолько растерялись, что к тому времени, когда они осознали происходящее, первые ряды зуавов уже взобрались на бруствер, а через десять минут после начала штурма над башней Малахова кургана развевалось французское знамя. Однако левый фланг французов встретил упорное сопротивление Малого редана. Русские пошли в контратаку, и яростный рукопашный бой длился почти шесть часов.

Поднятый над Малаховым курганом французский флаг послужил сигналом для начала британской атаки. Их наступление встретило яростное сопротивление русских, и «красная линия» разбилась о стойкость защитников Большого редана. Генерал Симпсон был вынужден отступить. Для англичан это был печальный день. «Теперь Большой редан возьмут французы, и мы хлебнем в избытке их злорадства. Недовольства и взаимных упреков нам не избежать, — писал Кларендон. — Мы производили скверное впечатление последнее время, и, думаю, так будет и впредь до тех пор, пока во главе наших войск стоит эта достойнейшая старая дама Симпсон. Сегодня я получил письмо из штаба от Стратфорда. Он сообщает, что армия в крайней нужде и что мы подготовились к зиме еще хуже, чем год назад, в то время как французы имеют всего в избытке».

К пяти часам Малахов курган был полностью в руках французов и боевые действия там скорее напоминали зачистку территории. К тому же времени Пелисье стало ясно, что он овладел ключом к Севастополю. Горчаков пришел к этому печальному выводу еще раньше и, не видя иного выхода, отдал приказ об эвакуации города. «Возможно, Горчаков и не является военным гением, — замечает историк Иэн Флетчер, — Впрочем, таковых в этой трагической войне трудно обнаружить, но он не был так

глуп, чтобы не распознать заведомое поражение, которым обернулась бы для русских длительная оборона Севастополя после захвата французами Малахова кургана». Всем в городе было предписано двигаться к недавно наведенному понтонному мосту и к кораблям, которые служили паромами. Армия переправлялась на Северную сторону для перегруппировки. Это было горчайшее переживание для всех защитников города, в том числе и Петра Алабина:

Все видели, что покинуть Южную сторону необходимо. Все с отчетливостью понимали, что у нас нет другого пути отхода из полукружья, в котором мы волею обстоятельств оказались. Мы должны были переправиться через залив. Там, на Северной стороне, еще мерцал огонек надежды... и все же каждый воспринял известие об отходе с великой печалью.

Как можно оставить неприятелю могилы братьев наших? Как можно отдать укрепления, возведенные нашими героями из земли, пропитанной собственной кровью, отдать пушки, отдать горы снарядов? Враг заберет их с собой как трофеи и явит миру как свидетельство своего триумфа над Россией — Россией, которую нельзя одолеть. А все дома и другие строения города? Враг поселится в них, он будет смеяться над нами, он скажет: «Русские приготовили для нас зимние квартиры!» Но нет, не бывать тому! Мы не оставим добычи неприятелю, мы повторим московский пожар, мы взорвем все, что может представить собой хоть какую-то ценность! Пламя, дым и пепел — вот что найдет враг в Севастополе!

Эвакуация проходила с отменной четкостью. Гражданское население было эвакуировано заблаговременно, и теперь на мост вступили войска. Арьергард держал союзников под постоянным огнем. Перед отходом русские взорвали пороховые склады и батареи. Моряки затопили оставшиеся в гавани суда. Когда последний человек перешел на Северную сторону, мост взлетел на воздух. Ночное небо озарилось пожарами, время от времени гремели взрывы. Союзники опасались входить в город, полагая, что он мог быть заминирован.

Среди тех, кто переправлялся на Северную сторону, был и Лев Толстой. Солдаты и матросы, генералы и унтер-офицеры, перевязанные, хромающие, окровавленные, — все шли по понтонному мосту. «Выходя на ту сторону моста, — писал Толстой, — почти каждый солдат снимал шапку и крестился. Но за этим чувством было другое, тяжелое, сосущее и более глубокое чувство: это было чувство, как будто похожее на раскаяние, стыд и злобу. Почти каждый солдат, взглянув с Северной стороны на оставленный Севастополь, с невыразимую горечью в сердце вздыхал и грозился врагам».

Когда союзники вошли в город, а русские сосредоточились на Северной стороне, само собой наступило затишье. Все ощущали крайнюю усталость, и на обоих берегах залива воцарилось уныние. Что же впереди?

В сентябре 1812 года Наполеон I смело вторгся в Россию, сломил сопротивление русской армии и занял Москву — сожженную ее жителями. Через сорок три года Наполеон III со своими союзниками вторгся в Россию, заставил отступить ее армию и к сентябрю занял Севастополь — взорванный его защитниками. В 1812 году Наполеон Бонапарт, которому грозила быстро надвигающаяся зима, с нетерпением ожидал, когда Россия признает свое поражение. Через четыре десятилетия армии племянника Наполеона и союзников, которым грозила быстро надвигающаяся зима, с нетерпением ожидали приказов своих правительств. Они закончили то дело, ради которого прибыли в Крым. Их война завершилась. Так что же, в самом деле, впереди?

«Севастополь — это не Москва, а Крым — не Россия, — писал Горчакову Александр II. — Через два года после сожжения Москвы наши войска маршировали по улицам Парижа. Мы — все те же русские, и Господь по-прежнему с нами». По мнению историка Тревора Ройла, «в военном отношении Горчаков просто предпринял тактическое отступление на новые позиции, откуда мог создавать союзникам новые сложности. Царь также правильно рассудил, что у противника нет намерений вторгаться в глубь России и, пока Горчаков не разбит, в Крыму снова воз-

никает патовая ситуация». Действительно, в отношении Крымского полуострова ситуация была патовой.

Но как раз в то время, когда на берегах Черного моря близилась к завершению последняя глава осады Севастополя, эта война вспыхнула на Кавказе. В то время Россия и Турция имели там 240-километровую границу, которая проходила от черноморского порта Батуми до горы Арарат, расположенной близ точки, где в наши дни сходятся территории Турции, Ирана, Ирака и Армении. Гора эта широко известна как место, где нашел пристанище Ноев ковчег. Многие десятилетия эта часть мира оставалась ареной военных действий разного рода, причем Россия неизменно была в центре происходящих там конфликтов и не скрывала своих претензий на восточные провинции Турции, а также выказывала явный интерес к Персии. Британия, постоянно озабоченная угрозой иностранного вторжения в зону ее экономических интересов, весьма внимательно следила за событиями в этом уголке земного шара. К 1855 году в результате целой серии успешных военных операций Россия укрепила свое положение на Кавказе. Теперь, когда австрийцы оккупировали Дунайские княжества, а британская, французская и сардинская армии вели войну в Крыму, Турция могла сосредоточить внимание на своих восточных территориях. Чтобы остановить дальнейшее продвижение русских, турки усовершенствовали оборонительные сооружения и усилили гарнизон крепости Карс, расположенной в Армении.

В июне русская армия численностью в 25 000 человек под командованием генерала Муравьева* двинулась по направлению к Карсу. Напутствуя генерала, Александр сказал ему, что ожидает от него решительной победы. Годом ранее русский отряд во главе с генералом Бебутовым вступил в бой с турками в 30 километрах к югу от Карса и наголову разбил неприятеля. Турецкие вой-

* Муравьев, Николай Николаевич (1794–1866) — генерал, член Государственного совета, наместник Кавказа и главнокомандующий Отдельным кавказским корпусом.

ска пришли в полное расстройство и укрылись за стенами города. В то время Бебутов не воспользовался плодами своего успеха, и теперь это предстояло сделать Муравьеву. Опираясь на опыт прошлого года, русские не ожидали от турок серьезного сопротивления. Однако Муравьев не мог предположить, что за прошедшее время гарнизон Карса претерпел значительные изменения.

Месяца через два после успешной операции Бебутова 1854 года англичане послали в Карс трех экспертов, чтобы оценить состояние и боевой дух турецких войск и наладить связь с французскими советниками, если таковые там окажутся. Во главе этой делегации был артиллерист полковник (впоследствии генерал) Фенвик Уильямс, канадец из Новой Шотландии, который долгое время прослужил в Малой Азии и одно время был откомандирован в турецкую армию. О результатах своей миссии Уильямсу надлежало докладывать непосредственно Раглану.

Эксперты нашли состояние Карса ужасающим. Турки увеличили численность гарнизона за счет насильно призванных в армию армянских рекрутов, и дезертирство в Карсе стало обычным делом. Солдаты не получали жалованья, новобранцев никто не обучал, оружие было устаревшим. Госпитали вообще отсутствовали, и уход за ранеными был самым примитивным. Повсюду процветало мздоимство, об эффективности обороны города говорить не приходилось. Отсутствие на положенном месте офицеров никого не удивляло — они старались как можно чаще бывать на виду у начальства, в Константинополе, чтобы не потерять своих постов.

Уильямс решил, что единственный способ исправить положение состоит в том, что он берет под свой контроль турецкий гарнизон и состояние оборонительных сооружений. С помощью двух своих коллег — артиллериста и военного врача — и при поддержке нескольких иностранных офицеров, состоящих на службе в турецкой армии, Уильямс рьяно взялся за дело. Из Константинополя прибыли военные специалисты, в том числе инженеры. Начались регулярные занятия с личным составом, повысилась дисциплина, появились лазареты. Стены Карса и оружейные

огневые позиции были усилены. К весне Карс представлял собой хорошо укрепленный город с полностью реформированным дееспособным гарнизоном численностью 17 000 человек. Уильямс — невоспетый герой войны — за короткий срок сотворил настоящее чудо.

К 16 июня армия генерала Муравьева подошла к стенам Карса. Первый натиск пехоты и кавалерии на высоты к востоку от города турки отразили. Русские войска перегруппировались и возобновили атаку. На этот раз она оказалась успешной, турки отступили, русские заняли высоты и перерезали основную дорогу, по которой осуществлялось снабжение Карса. Неожиданное для Муравьева новое качество турецкой армии, оказанное ею яростное сопротивление привело генерала к решению не рисковать жизнью своих людей понапрасну, отказаться от штурма и перейти к осаде города. Блокада города, лишённого продовольствия, длилась пять месяцев. В самом начале осады английский офицер капитан Томас смог отправить домой письмо, в котором описал положение в Карсе:

Состояние дел удручающее... Похоже, Константинополь проявляет полное безразличие к настойчивым просьбам генерала Уильямса. Боеприпасов в городе едва хватит на неделю. Рацион солдат сокращен, и многие из них не получали жалованья более двух лет. При таком положении остается только удивляться, почему солдаты не бросают оружие и не дезертируют тысячами. Напротив, дезертирство здесь — большая редкость, и боевой дух в людях высок. На мой взгляд, это лучшие солдаты в мире. Одетые в лохмотья, вечно промокшие, они просто не обращают внимания на невзгоды и никогда не жалуются. Любой британец изумился бы при виде такого полка на параде. Даже собрав всех нищих и бродяг Англии, мы не получили бы подобного зрелища.

Если мы в течение месяца-двух не получим подкреплений — непременно английских или французских, — вам не придется более увидеть мою столь любезную вашим сердцам физиономию, ибо никто здесь не уцелеет. Если нас не убьют русские, мы умрем голодной смертью, что не намного лучше.

Наша связь с внешним миром почти полностью прервана, окрестности кишат казаками и враждебно настроенными армянами. Напишите мне поскорее, напишите любой вздор...

Остаюсь ваш навсегда...

К сентябрю гарнизон Карса оказался в плачевном состоянии: в городе свирепствовала холера, рацион уменьшился до предела, слабых лошадей резали на мясо, дезертирство стало обычным делом, назревал мятеж — а о подкреплениях не было ни слуху ни духу. Уильямс заявил, что Карс падет в течение двух месяцев. Вот еще один отрывок из письма капитана Томаса:

У нас хорошо укрепленная позиция, но весьма прискорбное состояние дел со всем необходимым для ведения военных действий. Катастрофически не хватает боеприпасов, провизии, обмундирования. Дисциплина ослабла. Лагерь русских находится на другой стороне долины, до него не более двух с половиной миль. От штурма их, как я думаю, удерживает только вязкая почва — вот уже десять дней льет непрекращающийся дождь. Связь с тылом у нас почти полностью прервана, последнюю почту из Англии перехватили русские. Генерал Муравьев любезно прислал нам личные письма, но все газеты и депеши оставил у себя...

Русская армия упорно придерживалась осадной стратегии, совершая лишь редкие нападения то на одно, то на другое укрепление города. С приходом зимы на смену палаткам пришли незамысловатые хижины — похоже, русские чувствовали себя в них вполне уютно. Положение осажденного гарнизона оставалось крайне тяжелым, а Константинополь хранил молчание. Надежды на подкрепления не было. Несколькими месяцами ранее в Крыму Омар-паша сообщил Пелисье и Симпсону о своем желании идти на помощь Карсу, но для этого ему требовался транспорт, которым располагал британский флот. Однако англо-французское командование сразу же отвергло эту идею Омар-паши, поскольку внушительный турецкий контин-

гент был необходим у Севастополя. После получения свежих сведений о близкой катастрофе в Карсе Омар-паша возобновил свое предложение. Симпсон на этот раз отнесся к нему сочувственно, но Наполеон решительно выступил против. «Главной нашей целью является Севастополь, а не Карс», — заявил французский император. Разгневанному и разочарованному Омар-паше оставалось только ожидать дальнейшего развития событий в Армении. Следует заметить, что с самого начала миссии Уильямса французы полагали ее британской уловкой, цель которой — извлечь стратегические и экономические выгоды в ущерб Франции.

Двадцать пятого ноября холера, голод, отсутствие снабжения и мороз заставили Уильямса сдать город. С песнями и криками «Ура!» русские вошли в Карс — и с ужасом увидели огромное скопление людей, слишком обессиленных, чтобы покинуть город, многие из которых были на пороге смерти. На следующий вечер Муравьев пригласил к себе Уильямса и его старшего офицера на обед. Приветствуя плененного канадца, русский генерал обратился к нему с такими словами: «Генерал, ваше имя войдет в историю. Потомки будут поражены стойкостью, мужеством и дисциплиной, выказанными осажденной армией».

Уильямс, весьма раздраженный отсутствием подкреплений из Константинополя, все же сохранил верность сражавшимся под его командованием турецким войскам и отдал им дань уважения: «Они пали на своих постах, погибли в осажденном лагере, как и приличествует храбрым солдатам, которые остаются верными своему долгу, пока сохраняется хоть слабый отсвет надежды спасти от неприятеля порученное их защите место».

Война в турецкой Армении была близка к завершению. На некотором удалении от Карса еще было несколько незначительных столкновений. Когда Севастополь был оставлен русскими, Омар-паша все-таки привел свои войска на Кавказ и встретился с русскими в Мингрелии и у Сухума. Закончилась и война в Крыму. Можно отме-

тить лишь еще одну кратковременную бомбардировку русских укреплений в устье Днепра восточнее Одессы.

К декабрю 1855 года война длилась уже более двух лет и, грубо говоря, надоела всем, а особенно непосредственным участникам сражений — боевой дух угас у обеих сторон, измученные солдаты мечтали о доме. Однако Лондон продолжал планировать все новые наступательные операции: отсутствие убедительного военного успеха, а особенно — неудача при атаке на Большой редан стали пятном на репутации Британии. Ее гордость была уязвлена. Париж, впрочем, не желал участвовать в этих действиях. Наполеон III достиг своих целей: взятие Малахова кургана и падение Севастополя громко свидетельствовали о том, что его новая династия зиждется на воинской славе и что он выходит из тени своего великого дяди. Император дал ясно понять, что Франция не заинтересована в продолжении войны и не может себе позволить дальнейшее в ней участие.

Александр II также полагал войну, начатую его отцом, делом национальной чести, однако лично для него отношение к ней не имело столь ярко выраженной эмоциональной окраски, как для Николая. Тем временем огромные человеческие и материальные затраты, связанные с этой войной, перешли все границы допустимого. Только Россия потеряла 246 000 человек, тогда как общие потери союзников составили 252 000. По оценкам война стоила русской казне 142 миллиона фунтов стерлингов (в пересчете на современную покупательную способность — около 8,5 миллиарда), то есть всего лишь на 15% меньше суммарных расходов Франции и Англии. Помимо прочего устремления царя были в большей степени связаны с либеральными реформами и модернизацией его огромной страны, чем с расширением ее территории за счет Османской империи или любых других владений. Так что для России, как и для всех остальных, настало время покончить с войной.

В этот момент из тени вышла Австрия. Три года она со стороны наблюдала за кризисами, которые привели к конфликту, а затем и за ходом самой войны. Теперь

Франц-Иосиф решил сказать свое слово. На третий день после Рождества 1855 года граф Валентин Эстерхази, австрийский посол в России, привез в Санкт-Петербург ультиматум, условия которого были заблаговременно одобрены Парижем и Лондоном. Царю предлагалось принять все пункты этого документа — в противном случае Австрия присоединится к союзникам для совместного достижения оговоренных ультиматумом целей. Два года ранее, когда война только маячила на горизонте, Николай I назвал отказ Франца-Иосифа поддержать Россию «чудовишной нелепицей». Теперь жало австрийского императора почувствовал на себе сын Николая, взбешенный не меньше отца. Портрет Франца-Иосифа в Зимнем дворце, который царь тогда повернул лицом к стене, так и висел, являя миру надпись, сделанную Николаем в гневе: «*Du Undankbarer*» («Неблагодарный»).

Пять пунктов ультиматума были таковы: 1) Россия отказывается от протектората над Дунайскими княжествами; 2) Дунай объявляется свободным для плавания; 3) Черное море объявляется нейтральной зоной, свободной для плавания всех судов, а все военные и военно-морские арсеналы на его побережье упраздняются; 4) Россия отказывается от исключительного права на протекторат над православными христианами, живущими на территории Оттоманской империи; 5) союзники вправе возбуждать новые вопросы на предстоящей мирной конференции.

Александр с шестью своими главными советниками заседал всю ночь, прежде чем согласиться на условия австрийского ультиматума — у него не было иного разумного выбора. Известие об этом решении быстро распространилось по Петербургу и разделило общество. Многих воодушевило окончание бессмысленной войны, которая принесла столько страданий и истощила ресурсы страны. Однако другие пришли в отчаянье — такую горечь ощущали они от необходимости уступить требованиям извне. Среди последних была и императрица Мария Александровна. Вот ее откровенное признание фрейлине Анне Федоровне Тютчевой:

Наше несчастье в том, что мы не можем сказать стране, что эта война была начата нелепым образом, благодаря бестактному и незаконному поступку — занятию княжеств, что война велась дурно, что страна не была к ней подготовлена, что не было ни оружия, ни снарядов, что все отрасли администрации плохо организованы, что наши финансы истощены, что наша политика уже давно была на ложном пути и что все это привело нас к тому положению, в котором мы теперь находимся. Мы ничего не можем сказать, мы можем только молчать...

Двадцать пятого февраля 1856 года открылась Парижская мирная конференция, и пятью неделями позже, после неизбежных словесных баталий, дебатов, поправок и секретных переговоров, мирный договор был подписан. Крымская война — эта, как мы говорили в предисловии, самая странная и ненужная война в мировой истории — завершилась.

Приложение Крымские рецепты Алексиса Соёе

Говядина, порция на 100 человек,
готовится на 2 печах
(блюдо на 1000 человек готовится на 20 печах)

Нарезать или нарубить 50 фунтов свежей говядины кусками по фунту каждый, положить в котел, добавить 10 ст. ложек соли, 2 ст. ложки перца, 4 ст. ложки сахара, 7 фунтов нарезанного репчатого лука. Поставить на печь и перемешивать деревянной лопаткой. Тушить в собственном соку 20—30 минут или до загустения сока, после чего добавить 1,5 фунта муки и перемешать. Добавить 18 кварт* воды и мешать одну-две минуты, затем уменьшить огонь и варить около 2 часов. Баранина, свинина и телятина готовятся подобным же образом, но время варки сокращается на полчаса.

Примечание. Блюдо только выиграет от добавления фунта риса, клецок, картофеля или смеси овощей.

Свинина с гороховым пюре,
порция на 100 человек

Варить на каждой из двух печей по 50 фунтов свинины. 24 фунта гороха разделить на четыре части, каждую

* Кварта — мера объема жидкости, равная 1,14 л.

поместить в холстину, завязать не очень туго и поставить вариться одновременно со свиной до готовности, то есть часа на два. Вынуть горох, сложить все мясо в один котел, из второго котла вылить мясной отвар, положить в него горох, добавить 2 чайные ложки перца и фунт жира, размять горох толкушкой. Подавать мясо вместе с горохом. А если полфунта муки прокипятить в двух квартах мясного отвара и добавить к блюду, оно только выиграет. И уж совсем неплохо добавить к мясу шесть нарезанных и обжаренных луковиц.

Из меню для лондонского ужина Котлеты из омара

Нарезать кубиками полфунта омара. Положить на сковороду 2 унции сливочного масла и две чайные ложки мелко нарезанного репчатого лука. Жарить 1–2 минуты, добавить чайную ложку муки, хорошенько размешать и жарить еще минуту. Добавить полпинты* молока, щепотку соли, щепотку черного перца, щепотку кайенского перца и две чайные ложки измельченной петрушки. Кипятить 1–2 минуты, непрерывно помешивая. Добавить кубики омара и снова довести до кипения. Добавить 2 желтка, быстро размешать, снять с огня, выложить на блюдо и оставить в холодном месте. Когда смесь охладится и застынет, разделить ее на шесть частей, придав каждой форму небольшой котлеты. Дважды смазать яйцом и посыпать панировочными сухарями. Обжаривать в течение нескольких минут в большом количестве жира, затем выложить на полотенце. Подавать на салфетке с жареной петрушкой. В соусе необходимости нет.

Примечание. Омары для этого блюда можно приготовить, нарезать и посыпать сухарями заблаговременно.

* Пинта — мера объема жидкости, равная 0,57 л.

Кларет Пирса
и шампанское *à la* Бруннов

На три бутылки кларета взять две трети пинты ликера «Кюрасао», пинту хереса, полпинты бренди, два бокала ратафии*, три апельсина и лимон, нарезанные дольками, по паре стеблей зеленого бальзамника и огуречника**, немного огуречной кожицы, две бутылки сельтерской воды и три бутылки содовой. Все тщательно перемешать, добавить толченого сахара, чтобы началось брожение. Дать постоять около часа, процедить и добавить лед. Напиток готов.

Второй рецепт отличается тем, что вместо кларета берется шампанское, а вместо ратафии — персиковый ликер.

Приведены рецепты в расчете на 40 персон.

* Ратафия — крепкий алкогольный напиток, получаемый путем настаивания спелых плодов и ягод на спирте 90% крепости.

** Бальзамник (бальзамное дерево, амирис) — деревья и кусты тропической и внетропической Америки, источник ароматических масел; огуречник (огуречная трава, бораго) — однолетнее растение высотой до 60 см, обладает лекарственными свойствами.

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. 1844 год и Проливы	14
Глава 2. Николай и Виктория	25
Глава 3. Так что же такое Крымская война?	46
Глава 4. «Действует некая роковая сила»	65
Глава 5. Стратфорд и венгры	82
Глава 6. Наполеон III и Иерусалим.	97
Глава 7. Больной Европы.	118
Глава 8. Военная лихорадка	144
Глава 9. Первое кровопролитие.	166
Глава 10. Армия союзников и армия России	178
Глава 11. Силистрия и дискуссии	199
Глава 12. На Крым!	212
Глава 13. Война на Балтике	224
Глава 14. Первые действия в Крыму	240
Глава 15. На Севастополь!	260
Глава 16. Первая зима.	276
Глава 17. Финал	297
Приложение. Крымские рецепты Алексиса Сойе	312

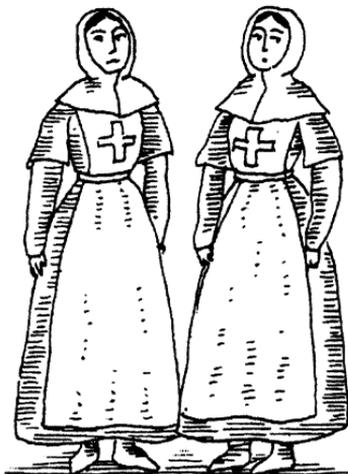
- Трубецкой А.
Т77 Крымская война. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 320 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-076-5

О Крымской войне 1853—1856 гг. написано немало, но она по-прежнему остается для нас «неизвестной войной». Боевые действия велись не только в Крыму, они разворачивались на Кавказе, в придунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях и даже в Петропавловке-Камчатском, осажденном англо-французской эскадрой. По сути это была мировая война, в которой Россия в одиночку противостояла коалиции Великобритании, Франции и Османской империи и поддерживающей их Австро-Венгрии. «Причины Крымской войны, самой странной и ненужной в мировой истории, столь запутаны и переплетены, что не допускают простого определения», — пишет князь Алексис Трубецкой, родившейся в 1934 г. в семье русских эмигрантов в Париже и ставший профессором в Канаде. Автор широко использует материалы из европейских архивов, недоступные российским историкам. Он не только пытается разобраться в том, что же все-таки привело к кровавой бойне, но и дает объективную картину эпохи, которая сделала Крымскую войну возможной.

УДК 94
ББК 63.3

История. География. Этнография

Трубецкой Алексис
Крымская война

Редактор Н. Шведова
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 13.09.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 20,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 3599

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119270 Москва, Лужнецкая набережная,
д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400
Тел. (495) 788-85-20
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК ДЯДЮШКИ ЛЯО

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт

ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик
ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова
КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Даниэль Клугер
ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО

Валерий Гуляев
ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ

Светлана Плетнева
Половцы

Ким Малаховский
ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР

Валерий Гуляев
ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Алексис
Трубецкой
Крымская война

Боевые действия Крымской войны 1853–1856 гг. велись не только в Крыму, они разворачивались на Кавказе, в придунайских княжествах, на Балтийском, Черном, Белом и Баренцевом морях и даже в Петропавловке-Камчатском, осажденном англо-французской эскадрой. По сути это была мировая война, в которой Россия в одиночку противостояла коалиции Великобритании, Франции и Османской империи и поддерживающей их Австро-Венгрии. Алексис Трубецкой не только пытается разобраться в том, что же все-таки привело к кровавой бойне, но и дает объективную картину эпохи, которая сделала Крымскую войну возможной. В книге широко использованы материалы из европейских архивов.

Князь Алексис Трубецкой родился в Париже в 1934 году в семье русских эмигрантов. В настоящее время живет в Канаде. Перу А. Трубецкого также принадлежат книги «Легенда императорской семьи: Таинственное исчезновение царя Александра Первого» и «Дорога на Балаклаву».

ISBN 978-5-91678-076-5

9 785916 780765